

863.3/20
E85

К. А. ЕСМАГАМБЕТОВ

**ЧТО ПИСАЛИ
О НАС
НА ЗАПАДЕ**

К.Л.ЕСМАГАМБЕТОВ

563.3(2к)

Е 85

43

ЧТО ПИСАЛИ О НАС НА ЗАПАДЕ

АЛМА-АТА,
«КАЗАҚ УНИВЕРСИТЕТІ»,
1992

УДК
ББК 63.3(2К)
Е 85

История Казахстана
Историческая
наука

425965

Есмагамбетов К.

Е 85 Что писали о нас на Западе.— Алма-Ата: «Казак университеті», 1992.— 152 с.

ISBN 5-7090-0074-4

Древние насельники Казахстана (саки, сарматы, даи и др.), тюркоязычные племена и племенные конфедерации (усуни, канлы, огузы, кыпчаки, аргыны) были известны в Европе с неопределенных времен. В новое и новейшее время в Казахской степи побывало немало западных путешественников, дипломатов, торговцев и миссионеров, которые запечатлели увиденное и пережитое в своих воспоминаниях, путевых записях и дневниках. По мере накопления разнообразных сведений о крае, рос познавательный интерес к нему. После Октябрьской революции во многих зарубежных странах началось систематическое изучение истории и этнографии казахского народа. Обо всем этом увлекательно повествуется в данной книге, предлагаемой для широкого круга читателей, научных работников и преподавателей. Издание иллюстрировано зарисовками, изображающими бытовую жизнь и быт казахов в XVIII—XIX вв.

Издательство
ББК 63.3(2К)

040102095 019 135-91
416 (08) - 91

ISBN 5-7090-0074-4

Есмагамбетов Кушим, 1992

Введение

Борьба за утверждение в сознании людей научно-объективных представлений об историческом развитии человеческого общества как в прошлом, так и в новейшее время происходит ныне в условиях все большего выдвижения на передний план общечеловеческих интересов и ценностей, когда в СССР на смену атмосфере идеологического диктата пришли свободомыслие и гласность, информационная открытость общества. Концепция противоречивого, но в то же время целостного, взаимозависимого мира, которая является результатом нового политического мышления, помогает реалистически оценить окружающий мир, по-иному взглянуть на вопрос о соотношении и диалектической взаимосвязи прошлого и настоящего, историю международных отношений, методы идеологических и научных споров. Необходимость налаживания конструктивного взаимодействия государств и народов в масштабах всей планеты должна внести существенные изменения в наши отношения и подходы к немарксистской историографии, предполагает преодоление «образа врага», националистических, религиозных и

др. стереотипов. В результате предубеждений о буржуазной советологии как о лженауке, а также нашего безмерного желания идеализировать собственную историю, целые периоды и проблемы истории многих народов СССР оставались неизученными. «Приукрашивание отечественной истории, вплоть до ее идеализации, как обязательный метод исследования, распространилось... практически на все периоды нашей страны»¹. В числе «белых пятен» отечественной истории находятся проблемы истории изучения Казахстана в Западной Европе и США. На многих международных встречах последнего времени и на Всесоюзном симпозиуме специалистов по истории Западной Европы и Америки, состоявшемся в конце 1988 г. в Институте всеобщей истории АН СССР, в качестве одной из актуальных проблем исследования была названа тема «образы других». «Речь идет о представлении об одних странах и народах в глазах других. Для историков это перспективная и сравнительная тема. И именно в ее разработке необходимы усилия разных специалистов. Важно понять, как формируются позитивные

¹ Вопросы истории. 1988. № 3. С. 36.

и негативные стереотипы, насколько они устойчивы или изменчивы»¹.

В предлагаемой вниманию читателей книге «Что писали о нас на Западе», с учетом новых подходов к немарксистской историографии, освещаются следующие вопросы: основные этапы и направления изучения Казахстана в странах Европы и США до 1917 г.; накопление этнографических, исторических материалов, попытки их обобщения и теоретического осмысления; трактовка некоторых проблем истории кочевого общества казахов, присоединения Казахстана к России, колониальной политики царизма / в крае, национально-освободительной борьбы казахских трудящихся в дореволюционной и современной литературе.

Хронологические рамки и структура работы определены самим процессом накопления исторических и этнографических знаний о Казахстане и их осмысления в ведущих странах Запада.

Автор, рассматривая интерпретацию важнейших проблем дореволюционной истории Казахстана в современной немарксистской историографии, стремился выявить идейно-теоретические и гносеологические истоки исследований по тому или иному вопросу, акцентировать внимание на концепциях, которые наиболее актуальны в наше время. Тем самым критический анализ исследований западных авторов по дореволюционной истории Казахстана обращен не в прошлое, а тесно связан с сегодняшними задачами, которые решает советская историческая наука в усло-

виях перестройки. Вместе с тем в своих выводах автор исходил из ленинского указания о том, что «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они дали нового сравнительно со своими предшественниками»².

При написании работы автор исходил из того, что отдельные произведения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, поныне служат в качестве научной методологии познания исторического процесса. Это относится прежде всего к их трудам, в которых непосредственно затрагиваются вопросы истории и экономики Средней Азии и Казахстана. Так, в статье «Продвижение России в Средней Азии», опубликованной Энгельсом 3 ноября 1858 г. в американской газете «Нью Йорк Дейли трибюн», говорилось о «номинальном» характере «власти России над тремя ордами или племенами киргизов»³ в 30-х годах XIX в. Проявляя глубокую осведомленность в событиях того времени, далее он указывает на военно-экономическое значение укрепленных линий, возведенных на реке Урал, вдоль Иргиза, Аральского моря и других водных артерий, в завершении процесса присоединения Казахской степи к России, отмечал взятие крепости Ак-Мечети в 1853 г.⁴ Клеймя колонизаторскую политику царизма. 23 мая 1887 г. в письме К. Марксу Ф. Энгельс писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку. Несмотря на всю подлость и славянскую грязь, гос-

подство России играет, цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар»¹.

Интерес, проявленный В. И. Лениным задолго до 1917 г. к восточным окраинам России, был обусловлен, в первую очередь, научной разработкой теории империализма, программы большевиков по национальному вопросу, обоснованием роли и места союзников пролетариата в грядущей социалистической революции и многих других кардинальных проблем в новых исторических условиях. Немало свидетельств этому мы находим в творческой лаборатории Ленина, а также обращаясь к его научному наследию. В библиотеке Ленина в Кремле имелись книги Т. Седельникова «Борьба за землю в Киргизской степи» (СПб, 1907), Л. Клейнборта «Русский империализм в Азии» (СПб, 1906) — на русском языке; П. М. Сайкса «История Персии» (Лондон, 1915)², Г. Г. Уэллса «Обзор истории» (Лондон)³ — на английском, брошюра А. Юсуффа «Подлинное положение тюркско-татарских мусульман в России и виды на будущее» (Лозанна, 1916) — на французском языке⁴. На форзаце, шмуцтитуле или обложке этих книг имеются штампы: «VI Oulianoff» или надпись «Ленин», «Залкинд».

В. И. Ленин тщательно изучал и другие сочинения, анализировал статистические материалы об экономических связях центральных промышленных районов страны с ее ко-

лонияльными окраинами. Среди литературы по этой проблеме были различные источники, которые содержали богатые сведения о социально-экономической, политической жизни, культуре, численности населения и территории Туркестана и «Киргизской степи».

В ленинских трудах встречаются имена знаменитого русского географа П. П. Семенова-Тянь-Шанского, одного из крупнейших естествоиспытателей XIX века К. М. Бэра, автора двухтомной работы «Туркестан» И. В. Мушкетова, известного венгерского исследователя истории и этнографии среднеазиатских народов А. Вамбери, автора нашумевшей книги Дж. Кеннана «Сибирь и ссылка», где он впервые поведал западному миру об Абае Кунанбаеве; известного французского географа Жан Жака Элизе Реклю — автора работ «Новая всемирная география. Земля и люди» в 19 томах и «Человек и земля» в 6 томах; английских и американских дипломатов, публицистов и путешественников (У. Маккензи, Дж. Керзон, Ю. Скайлер), причастных к изучению «туркестанской проблематики», в особенности, англо-русского соперничества в Средней Азии⁵.

Изучение литературы и документальных материалов по Средней Азии и Казахстану продолжено В. И. Лениным в связи с разработкой программы большевиков по аграрному вопросу, который составлял экономическое

¹ Чубарьян А. О. Опыт мировой истории и идеология обновления // Всеобщая история: Дискуссии, новые подходы. Вып. 1. М., 1989. С. 15—16.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 178.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, С. 615.

⁴ Там же. С. 616—617.

¹ Там же. Т. 27, С. 241.

² Sykes P. M. A History of Persia. L., 1915.

³ Wells H. G. The Outline of history. L., G. Newnes, s. a.

⁴ Youssouff A. O. L'Utat Actual et les aspirations des Turco-Tartares Musulmans en Russie. Lausanne, 1916.

⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 141, 158, 594; Т. 5, С. 388; Т. 17, С. 70, 227, Т. 28, С. 425, 516, 704 и др.

содержание национально-колониального вопроса в тогдашней России. «Тетради по империализму» содержат выписки из 148 книг (в том числе 106 немецких, 23 французских, 17 английских и 2 в русском переводе) и из 232 статей (из них 206 немецких, 13 французских и 13 английских), помещенных в 49 различных периодических изданиях. Среди них работы зарубежных авторов: Г. Благовещенского «Хозяйственное развитие Туркестана» (Правовые и социальные исследования. Вып. 46. Берлин, 1913), Г. К. Морриса «История колонизации от древнейших времен до наших дней» (Нью-Йорк, 1900), Франца Квадфлига «Русская политика экспансии с 1774 по 1914 годы» (Берлин, 1914), Отто Хюбнера «Географическо-статистические таблицы всех стран мира» (Франкфурт-на-Майне, 1914), Альбрехта Вирта «Всемирная история современности» (4-е изд., Лейпциг, 1913), Т. Егера «Персия и персидский вопрос» (Веймар, 1916) и др.¹

Историография вопроса представлена в отечественной литературе известным сборником «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», опубликованным в 30-х гг., С. Д. Асфендияровым и П. А. Кунте, рядом работ среднеазиатских ученых (Г. А. Хидояттов, Х. Ш. Инояттов, С. А. Раджабов, А. А. Росляков, А. И. Зевелев и др.), статьями П. Е. Матвиевского, Г. Ф. Дахшлейгера. Одним из первых

в отечественной историографии обратил внимание на зарубежную литературу по истории и этнографии казахского народа Ч. Ч. Валиханов. Владея иностранными языками, он не только использовал в своих трудах сочинения известных французских историков Абеля Ремюзы, Г. Клапрота, Д. Эрбелона, братьев Амадея и Огюстена Тьерри, но и высказал ряд верных замечаний о них. Из числа работ, опубликованных в дореволюционный период, следует отметить книгу В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России» (СПб, 1911), в которой предприняты усилия представить вкратце основные этапы изучения Средней Азии в ряде западных стран. В. О. Ключевский одним из первых сделал попытку комплексно изучить сведения, содержащиеся в сочинениях иностранных авторов, применив в своем обобщенном труде методику группировки и анализа информации записок не по хронологическому, а по тематическому принципу². Исследования в этом направлении продолжены трудами М. П. Алексеева, М. А. Полиевктова, М. А. Алпатовой и других ученых³.

Сведения иностранцев о Казахстане, приведенные в трудах указанных историков, отрывочны. Историю изучения Казахстана в Англии и США автор попытался проследить в ряде работ, опубликованных им в 70-х годах⁴.

Источниковой базой данной книги явились труды немецких, французских, скандинавских, английских и американских авторов: дневники, путевые записки, мемуары и, наконец, обобщающие работы. Некоторые из дневниковых записей западных путешественников, побывавших в Средней Азии и Казахстане с XVI в. до 1917 г., вошли в сборники, издаваемые в различное время в Англии, США, Франции и Германии. Все они относятся к числу содержательных и далеко еще не изученных источников по отечественной истории. Использование их информативных возможностей в лучшем случае ограничивается привлечением содержащихся в этих источниках отдельных сведений. Обширная научная и публицистическая литература по истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана, накопившаяся в зарубежных странах, требует таким образом специального рассмотрения и оценки. Полного обозрения и характеристики всей этой литературы еще не было ни где. Первую такую попытку в советской историографии и представляет настоящая работа.

Актуальность и новизна книги определяются рядом обстоятельств общего и частного порядков, к числу которых относится, в первую очередь, необходимость полной и ясной «памяти о прошлом». В историческом сознании народа не должно быть пробелов. Однако данное исследование

ставит перед собой не одну лишь академическую задачу или общекультурную потребность заполнить лакуны в нашем знании; оно отражает практическую необходимость, связанную с решением насущных проблем сегодняшнего дня. Налаживание и укрепление взаимопонимания, преодоление искусственных барьеров между народами, созданных веками, невозможны без глубокого и всестороннего изучения и знания друг друга.

Наблюдения, отражение и понимание действительности дореволюционного Казахстана, истории и этнографии казахского народа в записях иностранцев неоднозначны. Но подобная палитра мнений, отношений к казахам, отличающимся от европейцев своим образом жизни, обычаями и нравами, представляет значительный интерес, ибо дает возможность увидеть огромную казахскую степь и ее жителей глазами современников с разных сторон. В этом большая ценность записок и дневников иностранных путешественников по Казахстану и Средней Азии. Как указывает М. Н. Тихомиров, «в ряде случаев иностранцы рассказывают о таких событиях, которые без их известий остались бы тайной для позднейших поколений»¹. Кроме того, многие из них участвовали в формировании общественного мнения о народах нашей страны, образа мыслей, идей, представлений и стереотипов. В последнее время в нашей стране необычайно возрос интерес к

¹ См. подробнее: Хамдамов П. У. Литература о Средней Азии в творчестве В. И. Ленина. Ташкент, 1971; Есмагамбетов К. Л. Ленин және Қазақстан // Қазақ әдебиеті. 1988. 5 ақпан idem. Konkreter Ausdruck der Fürsorge. Kasachstan im Schaffen des Führers der Revolution // Freundschaft. 22 April 1988.

² См.: Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. Пг., 1918.

³ Алексеев М. А. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Т. 1. Иркутск, 1932; Т. 2. Иркутск, 1936; Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830. Тбилиси, 1946; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII—первая половина XIX в.). М., 1985; Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Лениздат, 1986.

⁴ См.: Есмагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация. Англо-американская

историография о Казахстане. Алма-Ата, 1976; его же. Казахстан в трудах западно-европейских авторов. Алма-Ата, 1979. На каз. яз.

¹ Murray H. Historical account of discoveries and travels in Asia, from the earliest ages to the present times. Vols. I—III. Edinburg, 1820; Maclean F. A person from England and other travellers. L., 1958; Jenseits des steinernen Tores Entdeckungsreisen Sibirien in 18 und 19 Jahrhunders... Berlin, 1963; Wilson F. Muscovy Russia through foreign eyes 1553—1900. N. Y.; Wash., 1970; Beard M. European Travellers in the Trans-Caspian before 1917 // Cahiers du Monde Russe et Soviétique. P., 1972. Vol. 13. No. 4. PP. 590—596.

² Цит. по: Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. С. 4.

немарксистской историографии. В выступлениях на страницах печати И. Д. Ковальченко, Е. П. Чельшева, А. Н. Сахарова, В. В. Согрина, В. А. Тишкова, А. Н. Мерцалова, Т. Д. Крупиной, В. Г. Могильницкого, Г. Л. Соболева и многих других общественников подчеркивается необходимость дальнейшего развертывания исследований в области советологии, немарксистской историографии народов СССР¹. Это в полной мере относится и к немарксистской историографии истории Казахстана, которая, как показала практика, оказалась более иммунной к идеологическим веяниям, благодаря плюрализму существующих в ней взглядов и направлений. Нельзя отрицать достижения немарксистской историографии в изучении ряда проблем истории Казахстана, в особенности колониальной политики царизма в регионе, национально-освободительной

борьбы казахского народа, присоединения Казахстана к России и т. д. Ориентация многих советских историков в основном на отечественные источники, игнорирование ими достижений мировой исторической науки создавали благоприятную почву для тенденциозных обобщений и априорных схем по ряду проблем истории Казахстана.

Завоевание Казахстаном подлинного суверенитета, сохранение этнотерриториальной целостности, духовное освобождение народа от идеологических канонов, навязанных колониальной и сталинской историографией, требуют широкого вовлечения в научный оборот наследия западных и восточных исследователей истории и этнографии народов среднеазиатского региона, сложная судьба которых является составной частью взаимозависимого, целостного всемирного исторического процесса.

¹ Вопросы истории. 1986. № 1, С. 24. 1987. № 11. С. 98—101; 1988, № 2, С. 3—25; 1988. № 6, С. 88; Коммунист. 1987, № 8, С. 20; Научный коммунизм. 1988. № 3, С. 7; История СССР. 1988. № 1, С. 172—201; 1989. № 3. С. 173—183.

ГЛАВА I

Основные этапы и направления изучения Казахстана на Западе в дореволюционный период

Иностранные известия о среднеазиатском регионе в древности и средневековье

За многие столетия до нашей эры насельники Туранской низменности находились в более или менее тесных связях не только с соседними народами и племенами, но и вступали в определенные отношения со странами Средиземноморья и Восточной Европы. В их числе были, в первую очередь, Греция и Рим, представлявшие очаги западной цивилизации. [Известный немецкий ученый Рихард Хенниг утверждает, что «даже на самых низших ступенях культур существовала известная, весьма ограниченная потребность в обмене] а, следовательно, и в торговле, преимущественно для получения необходимых минералов: камня, хорошо поддающегося обработке и пригодного для изготовления орудий и оружия и т. п.»¹. [Справедливость этих слов подтверждается многочисленными археологическими и историческими данными, широким употреблением термина «жез» (медь) во многих языках древнего мира; санскрите, древнегреческом, латинском и готском.

В мифах и преданиях древней Греции, запечатлевших отголоски

первых эпизодических контактов Запада и Востока, содержатся нередко реальные сведения о покрытом почти пеленой неизвестности среднеазиатском регионе и его жителях. Степная его часть в поэме Гомера «Иллиада» и других источниках долгое время называлась «Аспазией», землей «кочевников», «питающихся кобыльим молоком». В схолиях VIII в. до н. э. к его же поэме «Одиссея» упоминаются скифы, предпринята попытка объяснить образ жизни племени массагетов, живших, по данным позднейших греческих авторов (Страбона и др.), на пространстве между Амударьей и Сырдарьей. Эпос «Аримаспея», возникший в VI в. до н. э., свидетельствует уже о соприкосновении греческих купцов с жителями восточных областей Урала. Им были известны племена исседонов, «богатых конями и стадами овец и быков», аримаспов — «стерегущих золото грифов». Тем самым, по мнению немецких ученых Л. Бека, А. Гумбольдта и других исследователей, границы географических представлений древних греков уже в то время простирались до Алтая — богатейшего

¹ Хенниг Р. Неведомые земли: Пер. с нем. Л. Вольфсон и Р. З. Першиц. Т. 1. М., 1961. С. 91

рудного месторождения, бассейнов рек Оби и Иртыша¹. Об исседонах и савроматах сообщает также древнегреческий историк и географ Гекатей Милетский (кон. VI—нач. V в. до н. э.) в своем сочинении «Землеописание».

Систематизация первых географических сведений о Средней Азии была осуществлена древнегреческим ученым-энциклопедистом Геродотом (V в. до н. э.), которого по праву принято считать «отцом истории и географии». Его труд «История греко-персидских войн», оставшийся незавершенным, был разделен впоследствии александрийскими учеными на 9 книг по числу муз, покровительниц искусств и наук, именами которых были названы книги².

Геродоту чуждо нигилистическое отношение к «варварам», т. е. негреческим народам. В своем труде он «излагает то, что ему удалось узнать, дабы дела человеческие не были повергнуты временем в забвение и дабы великие, дивные деяния, совершенные как эллинами, так и варварами, не утратили своей славы». Рассказ Геродота содержит много географических и этнографических сведений о скифских племенах, живших «за Сырдарьей и Тавром». К скифам греки относили разнообразные племена, в том числе и саков, исседонов и даев. «История» Геродота вобрала в себя ценнейшие сведения о хорезмийцах и согдианах, в частности, об их одежде, вооружении. По словам Геродота, «страна массагетов изобиловала медью и золотом. Золото они употребляли для украшения вооружения, головы, плеч и самого

тулова». Он пытается определить местоположение Каспийского моря, сообщает о древней земледельческой культуре в междуречье Амударьи и Сырдарьи, об отчаянном сопротивлении, оказанном массагетами и др. сакскими племенами вторгшимся на их землю персидским войскам Кира...

Походы Александра Македонского на Восток и завоевания им в 330—327 гг. до н. э. стран и земель от Каспийского моря до Памира дали возможность греческим историкам подробно ознакомиться со Средней Азией. Для описания событий того времени наиболее содержательным источником является труд Арриана (I—II в. н. э.) «Анабасис Александра», состоящий из семи книг. В них, в частности, рассказывается о посольствах «скифов» к Александру и о македонском посольстве в Скифию, о восстании в Согдиане под руководством Спитамена, который в союзе с «кочевниками, массагетами и сакскими завоевателями» упорно сражался против греческих завоевателей в течение трех лет. О восстаниях в Согдиане, битве А. Македонского со скифами (сакскими) на Сырдарье, о тяжком поражении его войск где-то в пустыне, занятиях и обычаях массагетов, даев, исседонов, аримаспов писали Квинт Курций (I в. н. э.) и др. авторы. Сведения, полученные в ходе непосредственного знакомства, значительно обогатили познания древних греков о географии Средней Азии и ее жителях, хотя многие из них еще путали Сырдарью (Яксарт) с Доном, называя ее, как и Геродот, Танаисом, а Аральское море принимали за часть Каспийского (Гирканского) моря.

Большинство же древних авторов, в свою очередь, Каспийское море считали связанным с океаном или по крайней мере, с Азовским морем. Вследствие таких путаниц Амударья (Окс) и Сырдарья рассматривались как реки, впадающие в Каспийское или даже в Черное море. Утверждению в дальнейшем ошибочного представления во многом способствовал «Перипл Каспийского моря», составленный неким Патроком между 285 и 282 гг. до н. э. В нем «доказывалось», что Каспийское море может быть только заливом океана.

В результате ученые отказались от высказанной Геродотом еще на полтора столетия раньше правильной точки зрения, что Каспийское море является замкнутым бассейном. За исключением Клавдия Птолемея, почти все известные географы вплоть до XVI в. разделяли представление о том, что Каспийское море сообщается с океаном. Но заявления древнегреческого географа и историка Страбона (ок. 63 г. до н. э.—ок. 20 г. н. э.), основанные на свидетельствах Патрокла о том, что выход в океан отстоит от южных гор на 1200 км, подтверждают, что греками был достигнут полуостров Мангышлак или даже полуостров Бузачи¹. Сочинение Страбона «География» в 17 книгах нужно рассматривать как первую попытку создать историко-географическое описание территорий, с которыми сталкивался античный мир. О массагетах Страбон говорит, что «они — хорошие конные и пешие воины, вооружаются луками, ножами, панцырями и медными секирами, в битвах носят золотые пояса и такие

же повязки. Кони у них — златоуздые и в золотых наплечниках». Упоминает племя каспиев, с именем которых связывается название Каспийского моря, описывает племена абиев и даев — кочевников, живших в кибитках.

Страбон, как и его современник римский ученый Плиний Старший (I в. н. э.), значительно расширил географические познания своих соотечественников о Средней Азии и Казахстане². Греки и римляне знали об Аральском море, об устьях Окса и Яксарта. Так, например, александрийский ученый Клавдий Птоломей (II в. н. э.) в своем классическом атласе мира (из 27 карт) на широте Аральского моря поместил Оксийское озеро, которое по предположениям В. В. Бартольда, С. П. Толстова и др. ученых соответствует Аралу. На карте Птолемея мы видим государства Средней Азии и сопредельных с ней территорий: Согдиану, Бактриану, Маргиану, Парфию, Арию, а также города Мараканда, Трибактри, Гурриана и др. Вся территория, заключенная между средними течениями Окса и Яксарта, названа Трансоксианой, т. е. лежащая за рекой Окс (за Амударьей). Наряду с расширением географического кругозора античных авторов, продолжался и процесс накопления этнографических сведений о жителях Средней Азии и Казахстана. Не довольствуясь уже простым перечислением племен региона они стараются дать объяснение их названиям, образу жизни, нравам и обычаям, определить территорию расселения. Если Гай Плиний Секунд (I в. н. э.) в своем сочинении

¹ Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1974. № 2. С. 293.

² Геродот. История. В 9-ти книгах. М., 1888; Дитмар А. Б. От Скифии до Элефантины. Жизнь и путешествия Геродота. М. 1971.

¹ См.: Tarn W. W. The Greeks in Bactria and India. Cambridge. 1951.

² См.: Страбон. География, кн. X, С. 2, 6, 8; кн. VIII, С. 3, 12; Tarn W. W. Op. cit. PP. 79—81, 116—117, 274—276, 300, 475; Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура) / Под ред. Б. Г. Гафурова и Б. А. Литвиненко — М. 1977. С. 53—57.

«Естественная история» в 37 книгах в числе «самых известных скифских народов» называет саков, массагетов, даев, исседонов, аримаспов¹, то Стефан Византийский в сочинении «Описание племен» останавливается на разных этимологических значениях названия племени абиев: «млекоеды», «справедливые» «бездомные», «однолучники», т. е. стрелки Аммиан Марцеллин, участвовавший в войне с персами в 359 г., собрал сведения о местонахождении племен яксартгов, очевидно, племен, живших по берегам реки Яксарта (Сырдарья), упоминает Даик (Daikus)².

Таким образом, по мере общего роста культуры и расширения географического кругозора (торговля и колонизация) в Греции накоплялись и уточнялись сведения о соседних и более отдаленных народах, зарождались первые осмысления и обобщения историко-этнографических материалов, возникали первые теоретические концепции. Некоторые из них, как положения о борьбе Востока и Запада (Геродот), этногенезе и складывании народов (Геродот, Тацит, Фукидид, Полибий и Страбон), зависимости человека и его культуры от природной среды (Демокрит, Лукреций), получили дальнейшее развитие в трудах представителей последующих поколений. К концу античной эпохи в Римской империи, унаследовавшей культурные достижения Эллады, в той или иной степени также были знакомы со многими восточными народами, населявшими

огромное пространство до Индии. В числе их были и евразийские кочевники (массагеты, исседоны, даи, саки и др.), с незапамятных времен сыгравшие большую роль в торговых и политических связях между Востоком и Западом³. Крушение античной цивилизации, варварские нашествия, хозяйственный и культурный упадок — все это привело в V—VI вв. к резкому сужению географического и историко-этнографического кругозора. Только в восточной половине бывшей Римской империи, в Византии, удерживались еще осколки античных традиций. Между ней и Тюркским каганатом — огромной державой, возникшей в 552 г. в Центральной Азии, установились дипломатические отношения. Об этом свидетельствуют византийские историки Феофан и Менандр. В 569 г. посольство тюркского кагана, возглавляемое согдийским купцом Маниахом, прибыло в Константинополь. В том же году к кагану Истеми (Естемес) отправилось византийское посольство во главе со стратегом восточных провинций Земархом. Ханскую ставку Земарх находил у подножия горы Эктаг, что, по Менандру, должно значить «Золотая гора» (очевидно на севере Джунгарских ворот). На обратном пути посольство Земарха остановилось в Таласе, переправившись через Окс, подошло к Аральскому морю. Достигнув р. Эмбы, продолжило путь по «Даику» (т. е. Яику), Волге и Кавказу⁴. Семь лет спустя из Византии

отправилось второе посольство на Эктаг, заехав по пути к одному из владителей тюркской державы — Турксанфу. В составе посольства было 106 представителей тюркских племен¹. В течение пяти лет Тюркский каганат посетили шесть посольств Юстиниана II. По Великому шелковому пути, пролежавшему через Мерв, Бухару, Самарканд, Шаш (Ташкент), Тараз (Талас), Баласагун и Восточный Туркестан² шли и другие, имена которых история не сохранила, но которые вместе с восточными товарами приносили на Запад новые сведения о среднеазиатском крае³. Отдельные отрывки «протоколов» византийских и тюркских посольств сохранились в работах историков Менандра, Иоанна Эфесского, Динавери и других авторов, живших в VI—VII вв.

Непосредственное участие тюркских племен в судьбе Византийской империи в X—XI веках способствовало повышению интереса к кочевым жителям восточных стран. Византийский император Константин Порфирородный (912—959) в 38 главе своего труда «Об управлении империей» сообщает о печенегах, происхождении турок и их взаимоотношениях с хазарами и русскими. О печенегах и огузах говорит Михаил Пселл в «Хронографии», охватывавшей события в 976—1077 гг., Никифор Вриенний (1062—1118), о куманах — Иоанн Зонара⁴. Анна

Комнина называет огузов гуннами, савроматами⁵.

Но в целом упадок географических знаний, общий хозяйственный и культурный застой в средние века не способствовали более или менее существенному расширению представлений европейцев о Средней Азии и Казахстане. Европа была погружена в решение своих «домашних» дел, в бесконечных войнах каждое герцогство и княжество отстаивали право на самостоятельное существование. Многие средневековые мыслители не могли перешагнуть границы своей провинции или, самое возможное, своего государства. Их не волновали судьбы других народов, жителей иной веры, иного образа жизни. А труды арабских, персидских и китайских авторов долгое время были почти недоступны европейцам. И поэтому познание западным миром Средней Азии и Казахстана долго топталось на одном месте, базируясь на отрывочных сведениях греческих, римских и византийских историков, писателей и путешественников.

Большим толчком в развитии географических и этнографических представлений в Западной Европе об отдельных странах Востока имело событие, потрясшее весь мир и оставившее глубокий след в судьбах народов. Завоевания монголов «произвели на умы современников столь сильное впечатление, что в 20-30-х

¹ Вестник древней истории, 1948. № 1. С. 306.

² Вестник древней истории, 1949. № 3, С. 294.

³ См.: Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и уйсуней долины р. Или. А.-А., 1963; Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973; Акишев К. А. Курган «Иссык» // Вглубь веков. А.-А., 1974; Yetmar K. Art of the Steppes. L., 1967.

⁴ Schuyler E. Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Buchara and Kuldia. L., 1876. Vol. 1. P. 390; Пигулевская Н. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—VI веках. М.; Л., 1951. С. 205—210.

¹ Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., 1971. С. 57.

² Подробнее о маршрутах см.: Лубо-Лесниченко Е. И. Великий шелковый путь // Вопросы истории, 1985. № 9. С. 88—101.

³ Даркевич В. М. Аргонавты средневековья. М., 1976. С. 46.

⁴ Мокрынин В. П. Экономические и культурно-политические связи Киргизстана с Западом в раннем средневековье. Автореферат на... к. и. н. М., 1971. С. 23—26; Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Т. II. С. 310—311; Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. Ашхабад, 1969. С. 129; Гордлевский В. А. Государство сельджукидов Малой Азии. М.-Л., 1941. С. 22; Памятники истории Киевского государства. Сб. док. Л., 1936. С. 59.

⁵ Комнина А. Алексиада. М., 1965. С. 201, 204.

годах XIII века о нашествии монголов (татар) говорили во всех странах Средней Азии, Северной Африки и Европы как о величайшем несчастье, постигшем тогдашний мир¹. Масштабы бедствия, охватившего народы многих стран, нашли яркое отражение в немногих дошедших до нас с того времени русских, польских, венгерских, чешских и немецких летописях; письмах и записках современников той далекой эпохи. «Значительный страх перед этим варварским народом, — писал неизвестный автор кельнской хроники монастыря Св. Панталеоне, — охватил отдаленные страны, не только Францию, но и Бургундию и Испанию, которым имя татар было дотоле неизвестно»².

Одним из первых западноевропейских письменных свидетельств о монголах и покоренных ими народах, предтечей знаменитых сочинений о народах Центральной Азии Джованни Дель Пано Карпини и Вильяма (Гильома) де Рубрука был отчет монаха Юлиана, ездившего по поручению венгерского короля Белы IV (1235—1270) к половцам в Поволжье в 1235 г. и повторно в 1237 г. с главной целью разведки обстановки на восточных рубежах Руси³. В Европе решили использовать монголов в своих политических целях, обратив их в христианство и тем превратив их в военных союзников против ислама, в котором папа Римский и западноевропейские короли продолжали видеть главную опасность. Осуществление этого плана вызвало решение отправить к монголам послов для наведения справок

и установления постоянных дипломатических отношений. Первое посольство во главе с итальянцем Пано Карпини было отправлено папой Иннокентием IV в 1245 г., которое, выехав из Лиона, прибыло в Сарай (близ современного Саратова). О своем дальнейшем маршруте в Каракорум Пано Карпини писал по возвращении Иннокентию IV: «После этого мы въехали в землю Кангитов (к востоку от реки Урал, севернее Аральского моря)... Из земли Кангитов въехали в землю Биссерминов (Туркестан)... В этой земле есть одна большая река, имя которой нам неизвестно (Сырдарья)... Затем мы въехали в землю Каракытаев (на р. Эмиль), в которой татары построили ссызнава только один город по имени Омыл (Чугучак)». Второе посольство во главе с Андре де Лонжюмо, отправленное в январе 1249 г. французским королем Людовиком IX к монголам, пройдя через Хорезм и Семиречье, достигло ставки монгольских правителей у реки Эмиль (близ оз. Алакуля). В 1252 г. Людовик IX отправил следующее посольство во главе с Вильямом Рубруком, отчет которого о своем путешествии к монголам стал одним из выдающихся достижений средневековья в области историко-географических исследований. Оставив за собой горы Каратау, долину рек Талас, а затем — Чу, осенью 1253 г. Рубрук достиг Заилийского Алатау, а после этого через несколько дней, пишет он, «мы въехали в горы, на которых живут каракытай, и нашли там большую реку (Или), через которую нам приходилось пе-

реправиться на судне». Пройдя Аральский перевал, Рубрук спустился в долину Сарканда и Лепсы. «И эта ривина, — записал он в своем дневнике, — вся прекрасна орошена стекающими с гор водами, которые всепадают в упомянутое (Балхашское оз. — К. Е.) море. На равнине находилось много городов, но в большей своей части они были разрушены татарами, желающими иметь там пастбища...»

По возвращении в своей донесении французскому королю В. Рубрук писал: «И Мангу-хан (Мунке-хан) посылает вам грамоту на языке моалов (монголов), но письменами уйгуров»¹. Карпини и Рубрук, позднее и др. путешественники, сообщали о найманах и кирейтах, а также о кыпчаках и канглах, обитавших в Южном и Западном Казахстане, которые оказали упорное сопротивление монгольским завоевателям в союзе с Хорезмом, Русью, асами — жителями Северного Кавказа.

Отчеты П. Карпини и В. Рубрука Людовику IX («Путешествие в восточные страны») являются историческими памятниками величайшей ценности, составляют рубеж в истории изучения Средней Азии и Казахстана в странах Европы. «Дневниковые записки» их путешествий всесторонне проанализированы в советской и зарубежной литературе. В своих описаниях П. Карпини и В. Рубрук дают разнообразное сведения о канглах, кыпчаках (команах), кирейтах и найманах, о политической истории и взаимоотношениях этих племен с

монголами. Вклад П. Карпини и В. Рубрука в ознакомление Западной Европы с народами Монгольской империи, их занятиями, культурой и религией получил высокую оценку Ч. Валиханова, В. В. Бартольда и др. ученых.

В свою очередь, монголы снарядили несколько посольств в разные европейские государства. Только ильханом Абакой в Западную Европу было направлено три посольства — в 1265, 1274 и 1276 гг.² Активность ильхана на дипломатическом поприще в некоторой степени была связана с тем, что его мать Докуз-хатун и одна из жен — Мария, дочь византийского императора Михаила VIII Палеолога были христианками. Но западные путешественники, побывавшие в ставке монголов обратили внимание на то, что при дворе ильханов важную роль играли их тюркские жены — жена Хулагу-хана, та же Докуз-хатун, жена Абаки — Урдо-хатун. Мать Хулагу-хана также была из кирейтов. Кирейты, а также онгуты вместе с другими составляли значительную часть войска ильханов, а их военачальники оказывали немалое влияние на политику монгольского эмира. Кроме того, тюркские племена были привлечены монголами к управлению в странах, вошедших в состав империи Чингисхана и его преемников в XII—XIV вв. (Китае, Иране, Средней Азии и Европе)³. Все это не могло не насторожить западноевропейских королей, которые хотели сокрушить турок с помощью монголов. Последние также не были

¹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 52.
² Цит. по: Пашуто В. Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татары и монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 219.

³ См.: Англинский С. А. Известия венгерских миссионеров XII—XIII вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. 3. М.-Л., 1940. С. 81—89.

¹ Путешествие в восточные страны Пано Карпини и Вильгельма Рубрука. М., 1957. С. 129.

² Свет Я. М. Запад и Восток на рубеже XIII и XIV веков. Вступительная статья // После Марко Поло. Путешествия западных густранцев в страны Трех Индий. Перевод с лат. и старонидальского языков, введение и примечания Я. М. Света. М., 1968. С. 62—63.

³ Кадырбаев А. Ш. Тюрки в монгольской империи Чингисхана и его преемников XIII—XIV вв. Научно-аналитический обзор. А.-А., 1989. С. 3.

склонны к такому союзу, послания их чужеземцам ограничивались требованиями выплаты дани... Но вести о монголах и поработанных ими землях и народах доходили и до Британских островов.

В XIII в. знаменитый английский философ и естествоиспытатель Роджер Бэкон (ок. 1214—1295) в своих сочинениях «Большое», «Малое» и «Третье» («Opus majus», «Opus minus», «Opus tertium») ¹ дал историко-географическое описание Азии. Автор полагает, что на пути достижения истины имеются четыре препятствия: преклонение перед авторитетом, вредные обычаи прошлого, мнения дураков, хвастовство (ложная ученость). По его убеждению, знание, изучение незнакомых земель и народов (география) должны основываться на опыте.

Судя по условиям написания сочинений, а также фактических данных, содержащихся в них, Р. Бэконом использованы записи многих путешественников, посетивших в разное время далекие азиатские страны. Достоверно известно, что им использованы труды знаменитого ученого-энциклопедиста Абунасыра аль-Фараби. Все это позволило ему создать громадную энциклопедию, в которой собрано все, что мог знать средневековый человек.

В «Большом сочинении», характеризую «Команию», половецкую степь, исторические судьбы которой так тесно связаны с казахской землей, он повествует о татарах, каракытаях и довольно подробно расска-

зывает о народах и землях Средней Азии. «Земля между Танаисом и Этилем, — писал Бэкон, — принадлежала команам, которых называли канглы, но татары их покорили... По ту сторону Этиля находится третья княжество татарское, в котором татары истребили природных жителей, команы же сохранили прежнее имя канглов. Простирается это княжество на восток от реки Этиль на расстояние четырех месяцев пути, если отправляться туда южной дорогой, если же через северные области — то двух месяцев и десять дней» ².

Огромное значение в распространении в Западной Европе познаний об азиатских странах и народах в средние века имели колонии торговых республик Генуи и Венеции на Черноморском побережье. После того, как венецианцы были вытеснены из черноморской торговли своими соперниками — генуэзцами, они направили свои взоры в другие районы. Этим связано путешествие Николло Маффео и Марко Поло в Азию во II половине XIII в., положившее начало новой странице ознакомления европейцев со многими восточными народами. Марко Поло пробыл на службе у хана Хубилая 17 лет, в течение этого периода он объехал многие страны и провинции, свободно овладел татарским, арабским, персидским, уйгурским языками. Эта уникальная возможность была использована им для сбора разнообразных сведений, легших впоследствии в основу «Книги Марко Поло» ³. Несмотря на мно-

жество фактов из области экономики и торговли, содержащихся в ней, Марко Поло не преследовал однако одних лишь утилитарных целей. Этим она отличается от «Практики торговли» флорентийского коммерсанта Франческо Бальдучи Пеголетти, для которого вся земля представлялась только огромным торжищем. Для венецианца увиденные им страны и земли являются великолепным зрелищем изобилия форм животного и растительного мира и удивительного многообразия человеческих рас и племен. Об этом говорят его описания городов Самарканда (гл. III), Туркестана (гл. СХСУIII), царства «Канчи». В книге повествуется о правлении монголами Средней Азией, имеются упоминания о «куманах» (гл. XXIII), борьбе между Берке и батыром Алау ¹. На основе данных М. Поло и его предшественников совершенно по новому стали вырисовываться очертания и географическая номенклатура Средней Азии ².

В XIV в. ведущую роль в познании восточных стран продолжали играть по-прежнему торговцы и миссионеры. В письме папы Иоанна XXII, зачитанном им в мае 1328 г. в Тулузе на капитуле приоров и министров доминиканского ордена, говорилось о 50 миссионерах, согласившихся отправиться в «языческие» страны. Иоанн XXII в Семисканте (Самарканде), где правил Ильчигадай, назначил епископом Томмазо Мангазолу. В 20-х гг. XIV в. в Средней Азии побывал францисканец Одорико Пординене.

Миссионер Джованни Мариньол-

ли начал свое пятнадцатилетнее путешествие (1338—1353 гг.) в страны Востока в то время, когда его земляк Пеголетти завершил свою книгу «Практика торговли». Она содержит описание земель и торговых дорог, особенно сквозной магистрали Тана — Сарай — Ургенч — Ханбалу, проходившей через Золотую Орду и Чагатайский улус. «Из Таны (Азов) в Джутархан (Астрахань), — отмечает Пеголетти, — 25 дней на телеге, запряженной волами и от 10 дней до 12 дней — в повозке, запряженной лошадьми. Из Джутархана до Сарая — дневной переход рекой, от Сарая до Сарайчика, также рекой, 8 дней... От Сарайчика до Ургенча (Organchi) 12 дней на верблюдах, для путешествующих с товарами путь до Ургенча предпочтительней, потому что в этом городе хороший сбыт товаров. От Ургенча до Отрара (Otrar) — от 35 до 40 дней пути на верблюдах. Направляясь от Сарайчика прямо в Отрар, можно сделать дорогу только в 50 дней, и если с вами нет товаров, то предпочтительней идти прямо на Отрар, отсюда до Алмалыка (Armalek) 45 дней пути на вьючных ослах, и каждый день на стоянках ожидает военный пост» ³.

Во второй главе своей книги Пеголетти дает практические указания для путешествия, в частности, насчет языка. «Хорошо, — говорит он, — записаться по крайней мере двумя служителями, знающими куманский язык. Я сам лично выучился шаманскому (куманскому — К. Е.) языку и уйгурской письменности, ибо оба они употребляются во всех татарском,

¹ Bawan W. L., Philot H. Medieval Geography and essay in illustration of Hereford Mapa Mundi. L., 1874; Southern R. W. Western views of Islam in the Middle ages. Cambridge (Massachusetts), 1962. PP. 47—52.

² Цит. по: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей, XIII—XVIII вв. Изд. 2-е, т. I. Иркутск, 1932, с. 25. Указанные здесь: Танаис — Дон, Этиль — Волга, команы — в рус. летописях «половцы», в вост. источниках «кипчаки».

³ «Книга Марко Поло». Пер. со старофранцузского текста И. П. Минаева. Ред. и вступит. статья И. П. Магидовича. М., 1956.

¹ Там же. С. 57, 77—78, 211—214; Записки Русского географического общества по этнографии, т. XXVI, СПб, 1902. С. 332.

² Скачиков К. О заслугах венецианца М. Поло по распространению географических познаний об Азии // Известия РГО. 1865. № 11. С. 12, 207, 226.

³ Ермагамбетов К. Л. Казахстан в трудах западно-европейских авторов. ... С. 63—66.

425965

персидском, халдейском, транскаспийском царствах. О значении кыпчакского языка и распространении его в Центральной Азии, в частности в Чагатайском улусе, равно как на караванных путях в то время, свидетельствуют и другие иностранные авторы (в частности, испанский монах-францисканец Пасхалий), известный «Кодекс Куманикус», один из экземпляров которого в 1362 г. Франческо Петрарка слал в Венецианскую библиотеку¹.

В XIII—XIV веках генуэзские гавани в Крыму стали важнейшей базой европейско-азиатской торговли через Астрахань, а также отправными пунктами сухопутных маршрутов, проходивших через Центральную Азию.

В противоположность старым караванным дорогам этот новый путь проходил в XIV в. севернее Каспия, вдоль Аральского моря. И далее путешественники направляясь в Китай, следовали через область Или в Восточный Туркестан. Именно по этому пути шли Пасхалий, несколько позднее папский легат Джованни Мариньолли. Их путешествия на Восток мало способствовали расширению географического горизонта европейцев. Кругозор этих убежденных приверженцев католицизма нельзя было сравнить с Гонзалесом де Клавихо — посланцем короля Кастилии Генриха III ко двору Тимура, в некоторой степени даже с любознательным баварским солдатом Гансом Шильтбергером, попавшим в плен сперва к туркам (1396 г.), а затем Тимуру

(1402 г.). Первый из них в своем «Дневнике путешествия» детально излагает биографию грозного завоевателя, его взаимоотношения с Тохтамышем и Едиге². Г. Шильтбергер дополняет сообщения кастилийского дипломата новыми подробностями о сыне Тимура — Абубекире, хане Шадибекке, Джалал-ад-Дине, феодальных распрях и дворцовых переворотах, других событиях в Золотой Орде, владениях Джучи и шейбанидов. В «Книге путешествий» баварца представляют интерес и этнографические сведения о жителях Казахской степи, их занятиях³.

Процесс накопления географических и историко-этнографических знаний о Средней Азии и Казахстане в дальнейшем был связан с эпохой великих географических открытий, колониальной экспансией европейских государств. В середине XV в. существенно изменилась историческая обстановка в Европе. Начало зарождения элементов капиталистического уклада, образование крупных «национальных» государств, морские плавания и походы португальцев и испанцев, голландцев, французов и англичан привели к захвату заморских территорий, населенных народами различных рас, языков и культур. Огромный поток сведений об этих народах привел к резкому расширению этнографического кругозора, когда мир, по образному выражению Ф. Энгельса, сразу сделался почти в десять раз больше⁴. Быстро развивалась картография. На венецианской карте Фра-Маура можно

было находить уже изображения городов Отрара и Алмалыка, р. Сарысу, Аральского моря и в целом «Кумании». Составители, указав на ней р. Илецк, дали пояснение, что здесь «добывается очень много соли». Торгово-политические интересы европейских государств, в т. ч. и венецианцев, в XV—XVI вв. развивались в направлении трех крупнейших стран Азии — Ирана, Индии и Китая. Венецианский дворянин и дипломат Иосифат Барбаро в 50-х гг. XV в. совершил ряд путешествий по Средней Азии, проникая до Индии. Степные жители под общим названием «татары» занимают значительное место в его книге «Путешествия в Тану», вышедшей лишь в 1543 г. в Венеции. Помимо описаний религии, суда, военного дела, торговли, ремесла, питания и даже (частичного) земледелия, автор рассказывает о разных исторических фактах, связанных с правлениями ханов Едиге и его сына Муртазы, Улуг-Мехмеде, царевиче Кичик-Мехмеде, Джанибеке (1342—1357). Упоминает разрушительный поход Тимура по городам Южного Дешт-и-Кыпчака в 1395—1396 гг. Через два с лишним десятилетия (1474—1477) после возвращения И. Барбаро из Таны, где он жил по своим торговым делам, в Персии побывало посольство венецианца Амброджо Контарини, который сообщил о кочующих в районе Астрахань «татарах», о соляном озере (Баскунчак). Но в отличие от своего предшественника, Контарини выделяет различные группы «татар», в т. ч. тех, которые «живут по ту сторону Волги и кочуют в сторону северо-востока и востока». Дело в том, что Контарини далее Астрахани не ездил.

Барон Сигизмунд Герберштейн (1486—1576) в своих «Записках о Московитских делах», как и А. Контарини, называет всех жителей Поволжья, Сибири и Средней Азии «татарами», но указывает, что «они значительно различаются по своим манерам и образу жизни». Ему известны «тюменские», «шайбанские» и «козацкие» (Cosatski) татары, ногаи и калмыки. Герберштейн дал довольно подробное описание различных «орд татаров», в том числе казахов, их расселения, быта и религии, вооружении и тактики ведения боя, упоминает г. Сарайчик на берегу Яика. Астрахань назван «богатым городом и великим татарским торжищем». Важным объектом наблюдений его была торговля. «В Татарии,— писал он,— вывозят седла, уздечки, одежду, кожи; оружие и железо вывозятся только украдкой или с особого позволения...». Содержательный дневник С. Герберштейна привлек внимание к себе во многих странах и его первое издание вышло в Вене под названием «Rerum Moscoviticarum commentarii» в 1549 г., а впоследствии переводился на многие языки¹. Автору сочинения чуждо во многих случаях пренебрежительное отношение к не-европейцам.

«Было бы правильно говорить,— писал он,— что все привычные явления, добрые или дурные, которые имеются на моей родине, встречал везде, поэтому ни об одном народе не могу сказать плохого». Вслед за С. Герберштейном в Москве побывали и др. австрийские посольства (Франческо де-Колло, Антонио Де-Конти).

У иностранцев шаг за шагом устанавливается представление, что

¹ Yule H. Cathay and the way thither. New ed./Revised throughout in the light of recent discoveries by Henri Cordier. Vol. I—IV. L., 1913. Vol. III. P. 13; Хенниг Р. Указ. соч. Т. I. С. 60.

² См.: Гонзалес К. Р. Дневник путешествия по дворцу Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. СПб., 1881.

³ См.: Записки Новороссийского университета. Т. I. Одесса. 1867.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 83.

¹ Notes upon Russia: being a translation of the earliest account of that country, entitled «Rerum Moscoviticarum commentarii» by the baron Sigismund von Herberstein... In 2 vols. L., (6. г.); «Записки о Московских делах». Перевод и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1908; Замысловский Е., Герберштейн и его историко-географические сведения о России. СПб., 1884.

бездристые степи, через которые пролегли пути в Иран, Индию и Китай, заселяет не однообразная масса кочевников, а племена и народности, образ жизни которых значительно отличается друг от друга. Так, Рафаэль Барберини (дядя папы Урбана VIII), побывавший в Москве в 1565 г. по торговым делам, писал в своем отчете: «Есть еще народ близ Персидского моря (Mar di Persia), по Волге — это сибирские татары (Tartari Zibiri) и в этой земле, как сказывают, протекает река «Таих» (Taich)¹. Полонизированный итальянец Алессандро Гваньини спустя десять лет (1578 г.), описывая «провинцию Сибирь» уже точнее писал: в Сибири «берет свое начало мощная река Яик, которая, пройдя татарские кочевья, впадает в Каспийское море». Он оставил обширный компилятивный труд «Описание Европейской Сарматии», заключающий в себе повествование о Московии и пограничных с ней странах². Надо полагать, однако, что значительная часть собранных в XIV—XVI вв. миссионерами и дипломатами географических и историко-этнографических сведений о Средней Азии осела в архивах и библиотеках Рима и Венеции³.

В середине XVI в. усиливается заинтересованность в торговых связях со Средней Азией как в России, так и ряде европейских государств. С присоединением к Руси в 1552 г. Казанского и 1556 г. Астраханского ханств открылся путь, идущий в За-

падную Сибирь и Казахскую степь, установился и юго-восточный путь, направлявшийся в сторону реки Яик (Урал) и Каспийского моря. Выгодным географическим положением этих маршрутов решила воспользоваться и Англия. Здесь создается специальное «Общество купцов, искаателей стран, земель, островов, государств и владений неизвестных и даже доселе морским путем не посещаемых». Одной из задач этого общества были поиски путей в Индию через «северные страны» и Среднюю Азию. Английская торговая экспансия, развивавшаяся в сторону Китая, Индии и Ирана, требовала определенного комплекса географических и историко-этнографических знаний о Казахской степи, лежащей между ними и Россией. Поэтому торговля до поры до времени шла параллельно со сбором необходимых сведений о странах, куда проникали западные купцы. По словам В. В. Бартольда, «этот новый тип путешественников в XVI веке получает выдающееся значение в истории ознакомления Европы с Востоком»⁴.

Англичане и нидерландцы, ведя между собой борьбу за мировую торговую гегемонию, стремились захватить в свои руки посредническую торговлю со странами Востока. Наиболее выгодной для английской Московской компании была привилегия 1559 г., которая разрешала английским купцам транзитную торговлю с Персией. Вопрос о транзитной торговле неоднократно поднима-

ли нидерландцы, датчане и французы.

Первым англичанином, посетившим Казахскую степь и зафиксировавшим это в письменных источниках, явился купец Антоний Дженкинсон. Он трижды побывал в России и дважды был в ней проездом на Восток (1558—1559, 1562—1563). Плодом его путешествий явился труд, заключающий в себе немало ценных наблюдений по истории народов Средней Азии, повествование о хане Хакназаре (1538—1580), ведшем войну за присырдарьинские города, занятых и вероисповедании казахов⁵.

На карте «Россия, Московия и Татария», составленной А. Дженкинсоном в 1562 г., указана локализация различных «орд татаров», между Волгой и Яиком обозначены места обитания ногаев, восточнее их — территория «Казахии» («Cassackia») ⁶. Сведения А. Дженкинсона были значительно пополнены дневниковыми записями и «письмами» агентов английской компании Ричарда Джонсона (1565—1567), Артура Эдвардса и Лоренса Чэпмана (1568), ездивших в Иран, а также Антона Марша (1584) и Фрэнсиса Черри (1587), которые уже «пробрались за черту Строга-

новских владений, на восточную сторону Урала»⁷. В сентябре 1588 г. в Россию прибыл послом доктор богословия Джильс Флетчер, через которого королева Елизавета просила Московского царя о дозволении английским торговцам «проезжать через его земли в Бухару, Шемаху и Персию»⁸. По возвращении в Англию им были написаны работы «О государстве Русском», исторический трактат о происхождении «татар»⁹.

Взросший интерес в Европе к странам, «лежащим за Московией», отразил идеолог английской буржуазии, поэт Джон Мильтон. Его работа «Краткая история Московии и других менее известных стран, находящихся восточнее России»¹⁰ основана на материалах западноевропейских и русских путешественников, побывавших в Средней Азии, Иране, Индии и Китае¹¹. И так, к концу XVI в. усилиями торговцев, миссионеров, дипломатов и путешественников в ряде европейских стран были накоплены разнообразные материалы о Средней Азии и Казахстане, образе жизни, занятиях, религии, обычаях их жителей, этнической территории казахов и вошедших в состав этого народа отдельных родах и племенах. Успехи этого периода были подыто-

¹ Барберини Р. Путешествие в Московию... Пер. с итальянского. СПб., 1843; Любич-Романович В. Сказания иностранцев о России в XVI в. СПб., 1843. С. 1—64.

² В 1479—1480 гг. глава первого поколения итальянских купцов Юлий Помпоний Лэт, совершив путешествие на Восток, также оставил труды «Скифия» и «Сарматия». См.: Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. Критическое исследование. СПб., 1914.

³ См.: Успенский Ф. И. Морское и сухопутное движение из Центральной Азии в Европу и обратно в XIII—XIV вв. // Византийский временник, 1949, II (XXVII). С. 269.

Бартольд В. В. История изучения востока в Европе и России. Изд. 2-е. Ленинград, 1925. С. 107.

¹ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю. В. Готье. М., 1937. С. 185; «Дневник» А. Дженкинсона впервые опубликован в известном собрании Гэклейта: «The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation». (L., 1598—1600).

² Эта карта опубликована Д. Анучиным в: «Древности. Труды Московского археол. общества». Т. 14. 1890. С. 227.

³ Early voyages and travels to Russia and Persia by Ant. Jenkinson and other Englishmen/ed. by D. Morgan. L., 1886. PP. 101—104; Certain letters of Arthur Edwards... // Collection of the early voyages, travels and discoveries of the English nation. L., 1598—1600. Vol. 1.

⁴ Субботин А. П. Россия и Англия на среднеазиатских рынках. СПб., 1885. С. 10.

⁵ Середонин С. М. Сочинение Джильса Флетчера «Of the Russ commonwealth» как исторический источник. СПб., 1891; Fletcher G. Essay upon some probable grounds that the Tartars. L., 1677.

⁶ Milton J. A brief history of Moscovia and of other less known countries lying eastward of Russia as far as Cathay. Gathered from the writings of several eye-witness. L., 1682.

⁷ См.: Отечественные записки, 1860. Т. CXXXI. С. 101—142.

жены географом-компилятором Ричардом Гэклейтом (1557—1616). Он собрал все доступные ему дневники, письма и записи европейских путешественников в восточные и др. страны, но успел опубликовать лишь материалы, принадлежащие англичанам¹.

Дело его было продолжено Самюэлом Пэрчасом (1577—1626), который в 1625 г. издал универсальный вариант сборника путешествий с охватом всех стран. В 1905 г. «Гэклейтовский сборник» переиздан в 20 томах в Глазго², а в 1965 г. — под редакцией Д. Р. Блейкера в США³. В западной историографии необоснованно превозносятся Р. Гэклейт как «ученый и пропагандист дальних путешествий»⁴. На самом деле он был идеологом английского колониализма, жил и творил в то историческое время, когда апологеты колониальной экспансии не скрывали своих целей и намерений относительно «законности» обогащения за счет грабежа более слабых, азиатских и африканских стран. Для нас «Гэклейтовский сборник», охватывающий тысячелетний период (517—1600 гг.) познания европейцами Востока, ценен фактическими материалами о Средней Азии и Казахстане, помещенными в первом и четвертом томах его Глазговского издания.

Основные направления и районы изучения Казахстана и Средней Азии, связанные с пребыванием иностран-

цев в них проездом в Китай, Индию и Иран, узость географических рамок, ограниченных территориями вдоль караванных маршрутов, сохранились и в середине XVII в., когда английское купечество уступило свой приоритет на русском рынке нидерландским купцам. На второе место выдвинулось немецкое купечество (из Гамбурга и Любека).

Авторами записок, дневников и других нарративных источников оставались те же купцы, дипломаты и миссионеры, лишь изредка случайные люди, попавшие волею судьбы в азиатские страны. В указанном триумвира-те, настойчиво прокладывавшем дорогу для колониализма в Азию, продолжали проявлять активность различные католические миссии и ордена. Иезуит Бенедикт Гоэс, например, долгое время жил при дворе Акбара в Индии и неоднократно посещал по торговым делам (покупая нефриты) Среднюю Азию. Его дневник опубликован в «Истории иезуитской миссии» (1602 г.)⁵. В 1654—1698 гг. французский иезуит Филипп Авриль дважды посетил Россию. Вместе со своим спутником Луи Барнабе он отыскал в Москве «татарских» и «узбекских» купцов (*tartares ou yousbecks*) из Средней Азии, которые хорошо знали сухопутную дорогу в Китай. Собранные ими сведения Авриль обработал в книге «Путешествие в разные части Европы и Азии» (1672)⁶. В сочинении «Новое и любопытное известие о Московии» дипломатического агента

французского правительства Де-ла-Невилля также описаны пути из России в Китай, озеро Зайсан, жители восточных районов Казахстана. Аналогичные географические и этнографические материалы были собраны датским подданым Эвертом Ибрандом Идесом, любекским купцом Адамом Брандом, которые ездили через Сибирь в Пекин с поручениями русского правительства. Из трудов XVII в., в которых содержались известия о Средней Азии и Казахстане, наибольшую ценность имела однако книга голландского географа Н. К. Витзена «О северной и восточной Татарии»², по выражению А. И. Андреева «своего рода энциклопедия о Сибири»³, включившая в себя прежде всего многочисленные русские источники. В 1664—1665 гг. Н. К. Витзен был в Москве в качестве члена голландского посольства. С этого времени он начал собирать различные известия о восточных окраинах России. Среди полученных им материалов были чертеж и чертежное описание Сибири 1667 г., чертежное описание 1673 г., сочинения о Сибири Крижанича, Н. Г. Спафария, записки А. Бранда, Ф. Авриля, И. Идеса и др. Во втором издании своей книги (1705 г.) Н. К. Витзен использовал большое количество русских официальных материалов, в частности, списки посольств в Китае. Среди них был, несомненно, «Статейный список И. Петлина — русского посла, первым проложившего в 1618 г. путь из Европы в Китай через Сибирь и Монголию». «Список» семь раз издавался в Западной Европе на английском,

французском, голландском и др. языках уже в XVII—начале XVIII в. Широкою известность получил в Западной Европе и «статейный список» Ф. И. Байкова, посетившего Китай в 1656 г.⁴.

В числе обширных знакомых и корреспондентов Н. Витзена были сам царь Петр I, патриарх Никон, дипломат А. А. Виниус и др. Отдельные сведения о Средней Азии и Казахстане почерпнуты им из неопубликованных дневников, основанных на арабских источниках, а также получены непосредственно от восточных жителей. Витзен в письме к президенту Королевского общества в Лондоне Роберту Соутвелу (29. XI. 1690) рассказал: «Почти 28 лет назад я ездил в Россию, и так как я находил-ся там только ради своего любопытства, то вошел в сношения не только с русскими, но и с татарами всех родов». Достоверность этих слов подтверждается и хранящимися в Амстердамской библиотеке его материалами о калмыках, а также догадками Витзена о происхождении названия «Сибирь», этимологии слов «турки» и «татары». Часть собранных Витзеном исторических, этнографических и географических сведений о казахах, киргизах и башкирах были опубликованы в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Критически отобранными материалами о Туркестане и Сибири выделяется третье издание (1785) его книги. Оно представляет собой огромное собрание географических, этнографических и лингвистических сведений, охватывает все страны, кото-

¹ См.: The principal navigations, voyages, traffiques and discoveries of the English nation... L., 1598—1600.

² Hakluyt's posthumous or purchas his pilgrimes-containing a history of the world in sea-voyages and travels by Englishmen and others. Glasgow 1905.

³ Hakluyt's voyages. N. Y., 1965.

⁴ См.: Rose A. L. The Elizabethan and America. L., 1959. P. 36.

⁵ Мауринг Э. Пособие к лекциям по истории Востока. СПб, 1901. С. 29—30.

⁶ Avril Ph. Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Avec une description de la Grand Tartarie et des difference peuple qui l'habitent. P., 1692.

¹ См.: Древняя Российская вивлиофика. 2-е изд. 1789. С. 8, 9, 360—475.

² Witsen N. K. Noord en Oost Tartarye. Amsterdam, 1692.

³ Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. М.-Л., 1960. С. 95.

⁴ Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китае. М., 1966. С. 32—33, 108—109.

рые в то время были известны под общим названием «Татария» — от берегов Каспийского моря, Волги, Камы и к востоку до берегов Тихого океана. Во втором томе труда приведено множество сведений о нравах и обычаях ногаев, черемисов, мордвы, казахов, киргизов, башкир, остяков и тунгусов. Кроме того, в 1687 году он составил первую научную карту Сибири, на которой изображались также Каспийское и Аральское моря («Синее озеро»), Сырдарья и Амударья. На карте допущено немало грубых ошибок и тем не менее для своего времени ее выход в свет был большим событием. По существу это была первая в Западной Европе карта, использовавшая достоверные русские известия о Казахстане.

В XVII в., как и в предыдущие периоды, одним из главных направлений дипломатических, политических и торговых усилий европейцев оставался Иран и ведущий к нему кратчайший путь по Волге и Каспийскому морю. В 1633 г. голштинский герцог Фридрих III отправил в Москву посольство во главе с выдающимся немецким ученым и писателем Адамом Олеарием, целью которого было добиться у русского правительства права беспощадной торговли с Ираном через московские пределы. Олеарий наилучшим образом воспользовался своей поездкой в Иран, которая заняла около шести лет. Он вел путевой дневник и на основе его написал книгу, ставшую знаменитой как одно из лучших сочинений о России в XVII в.¹

Олеарий подвергает анализу известия древнегреческих и римских авторов о кочевых «скифских» племенах на территории Казахстана, приводит данные о Мангышлаке, Яике, Эмбе и др. географических пунктах, озерах и реках, сообщает о большой торговле в Астрахани, куда приезжали иранские, бухарские, индийские купцы. «В городе, — пишет Олеарий, — не только русские, но и персияне и индийцы, все имеют по своему рынку». Спустя некоторое время по волжско-каспийскому пути совершили путешествие в Иран голландец Ян Стрейс, находившийся в 60-х гг. XVII в. на русской службе, шведский врач и дипломат Энгельберт Кемпфер (1683), голландский художник Корнелий де-Бруин (1701—1708), французский купец Жан Батист Тавернье (30-е гг. XVIII в.). Корнелий де-Бруин и Ж. Б. Тавернье побывали и в Индии. Одна из глав книги французского купца («Шесть путешествий») называется «Обычаи, занятия, взаимоотношения с соседями Комании и Черкесии»². В работе А. Мотрэ описаны места кочевания ногайцев и калмыков близ границ Младшего жуза казахов, их обычаи, развалины древних городов (Старый Шахар, Мажар), опубликована копия неизвестной древней письменности (надписи), обнаруженной в одном из них³. Антропологический тип казахов, калмыков и ногайцев запечатлен в отдельных рисунках Корнелия де-Бруина (а их в книге около 300)⁴. Я. Стрейс, вслед за А. Олеарием, пе-

¹ О л е а р и й А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Примечания и перевод А. М. Ловягина. СПб, 1906.

² Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 460.

³ Тавернье Ж. Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет. Т. 1. Гаага. 1718. Гл. XII.

⁴ Русский вестник, 1842. № 4; Motraye A. A travel through Europe, Asia and into part of Africa. Vol. I—II. L., 1724.

⁵ Bruyn C. de. Reisen over Moscovie, door Persie en Indie. Amsterdam, 1711.

редает легенду о сооружении Царев Кургана в районе Самары, в котором якобы похоронен татарский «князь» Мамай со своими 70 предводителями войск, а на левом берегу реки Еруслана под высоким холмом похоронен другой татарский «князь» — Урак. Бесчисленные «татарские» войска, отправившиеся по Волге покорить Русь, по словам Я. Стрейса и А. Олеария, своими шлемами и щитами воздвигали грандиозные курганы над их могилами. Легенда представляет собой, возможно, отголосок Куликовской битвы или других походов известных в истории Мамай и Урака.

Англичане пользовались правом транзитной торговли со странами Востока по Волжско-Каспийскому пути с 1556 по 1649 гг. В связи с этим изменился и характер известий о Средней Азии и Казахстане, появившихся в Англии во II пол. XVII в. Они составлялись «расспросным» путем находившимися на русской службе иностранцами. Автором одного из таких известий является работавший в течение девяти лет в Москве английский врач Самюэль Коллинз. Изданная в 1671 г. в Лондоне в форме писем его книга¹ заняла заметное место среди иностранных источников о России и пограничных с ней странах. Анонимный автор сочинения «Новое и точное опи-

сание Московии», вышедшего в Лондоне в 1698 г., изложил историю расширения восточных границ России — «присоединения» Казанского и Астраханского ханств². С 1698 по 1701 гг. в Астрахани работал английский капитан Джон Перри, занимавшийся строительством кораблей, доков и каналов. Им оставлено описание России при Петре I, соседних с Астраханью земель Младшего жуза, собранные из различных источников сведения о «татарах» и др. восточных народах³.

Таким образом письменные памятники античности и средневековья свидетельствуют о постепенном накоплении знания греков и римлян, а позже и других народов Европы о все более отдаленных народах, в числе которых, начиная с гомеровских времен, были и разноязычные племена, населявшие нынешние территории Средней Азии и Казахстана. На основе полученных известий и других информационных мыслители античности и средневековья размышляли о различиях и сходствах между народами⁴, пытались найти им объяснение. Иными словами, с самого начала этнографические и исторические факты обобщались и осмысливались, укладывались в определенную, нередко в наивную и простую систему.

¹ Les voyages des Jean Strays en Moscovie, en Tartarie, en Perse... Amsterdam, 1681 (На рус. яз.: Три путешествия. М., 1836. С. 141, 142, 182, 54, 121, 193).

² The present state of Russia, in a letter to a friend at London... L., 1671. Пер. на рус. яз. в: «Чтения в Обществе ист. и древностей». Год первый. М., 1846. № 1.

³ A new and exact description of Moscovy. L., 1698.

⁴ См.: Капитан Перри. Записки о бытности его в России с 1698 по 1713 гг. // Русский Вестник, 1842. Т. 6; The state of Russia under the present Czar... / By capt. John Perry. L., 1698—1716.

Литература и источники о Казахстане
в XVIII—первой половине XIX вв.

Изучение Казахстана на Западе ознаменовалось в этот период крупными историческими событиями, влиявшими на развитие общественной мысли во многих странах мира. Победа Французской буржуазной революции (1789), завоевание независимости североамериканскими колониями Англии неопровержимо свидетельствовали о неумолимом законе поступательного развития человеческого общества. Идеи прогресса и просвещения овладевали передовыми умами как на Западе, так и на Востоке. Быстро развивающийся капитализм, завоевание новых рынков сбыта товаров и источников сырья, расширение колониальных территорий втягивали новые страны и народы в орбиту «западной цивилизации», происходило взаимное обогащение и синтез восточных и западных идей. В то же время на Западе, наряду с просветительскими идеями Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро, М. Ф. Вольтера, Ш.-Л. Монтескье и др., зарождались и проникали в историческую литературу идеи об исторической обусловленности колониального грабежа и разбоя, оформившиеся впоследствии в концепции «отсталости» всего азиатского, «цивилизаторской миссии» белого века. Эти две противоречивые тенденции в западной литературе во многом определяли в дальнейшем методологические подходы иностранцев к изучению истории и этнографии Казахстана народа.

Расширение экономических и дипломатических связей России при

Петре I с западноевропейскими государствами и активизация ее политики на Востоке, успех русского оружия в войне со шведами являлись также важными факторами, которые в отдельности или в своей совокупности способствовали более интенсивному изучению Казахской степи в Европе, а с конца 80-х годов XVIII в. в США. Появление ряда интересных и содержательных работ в Швеции было связано, например, с перипетиями Северной войны, длившейся с 1700 до 1721 гг. Взятые в плен в Полтавском сражении (1709) сотни и тысячи шведов были сосланы в соседние с Казахстаном в Казанские, Астраханские губернии и Сибирь. Некоторые из военнопленных, пользуясь предоставленной им относительной свободой, занялись изучением Сибири и Казахстана. Среди них следует особо отметить Иоганна Тауберта фон Страленберга. В 1730 г. он составил карту России и «Великой Татарии» и опубликовал «Историко-географическое описание северной и восточной частей Европы и Азии», где более всего уделено внимание Сибири и «Великой Татарии»¹. Книга Страленберга, вышедшая в оригинале на немецком, была переведена на английский, французский и испанский языки. «Великую Татарию», — пишет автор, — составляют узбеки, туркмены, киргизы..., а также каракалпаки и Казахская орда (Kosachi Hordae), все они — мусульмане». На карте «Великая Татария» обозначены этнические территории указанных народов,

Каспийское и Аральское моря, «Иртышская степь», «Ишимская степь», горы и даны пояснения этим объектам. Представляют интерес сведения Страленберга о животном и растительном мире, полезных ископаемых в недрах Казахстана, в частности, о наличии битумного вещества между оз. Ямышево и «Семью палатами» (Семипалатинском). Страленберг внес вклад в сбор и изучение образцов древнетюркской письменности. Его сообщения об орхоно-енисейской письменности 732—734 гг. («загадочные письменности»), археологических и архитектурных памятниках Северного и Центрального Казахстана, в частности, о наскальных рисунках в Улытауских горах, древних мазарах (надмогильных сооружениях) в долине Иртыша и Ишима, курганах на территории нынешней Павлодарской области, свидетельствуют о том, что Страленберг был любознательным и наблюдательным исследователем. Исследователей истории Казахстана должно привлечь внимание и сочинение анонимного автора «Историческая генеалогия татар», представляющее перевод известной работы Абулгази Бахадур хана (1605—1664). По предположениям академика Г. С. Саблукова, сочинение Абулгази было переведено с рукописи на русский язык бухарским ахунумом, а затем неким шведом Шенстромом опубликовано на немецком языке в 1780 г. С немецкого оно было переведено на французский, а с него на английский языки¹. Популяризации сочинения восточного уче-

ного во многих странах Запада способствовали пояснения, данные шведскими комментаторами относительно исторических и этнографических частей книги. Такую работу проделал, возможно, шведский востоковед Бреннер Хенрик, попавший в плен к русским и проживший в России 22 года. Известно, что некоторыми его материалами о народах Средней Азии и Казахстана пользовался Страленберг в книге и при составлении карт о «Великой Татарии». В то время было немало образованных шведов у калмыцкого хана Аюке и на службе у китайцев. Среди них известно имя шведского капитана Иоханна Христиана Шнигера¹. Но как бы там ни было, неизвестный швед в своих примечаниях и объяснениях пользовался трудами В. Рубрука, Марко Поло, А. Олеария, Ж. Б. Тавернье, Ф. Бернье, Ж. Тевено, Ф. Пети де ла Круа. Пленные шведские офицеры участвовали и в русских экспедициях А. Бекковича-Черкасского, И. Д. Бухгольца. В составе последней был Иоганнес Густав Ренат — сержант шведской артиллерии, который в 1715—1716 годах попал в плен на этот раз к джунгарским калмыкам у озера Ямышево. Через 17 лет службы И. Г. Ренат, по словам Г. Миллера, «нажив несчетное сокровище золота, серебра и других камней, в 1733 году через Сибирь и Россию в отечество свое возвратился»². Он составил карту Восточного Туркестана и соседних с ним казахских кочевьев. Она была издана Русским географическим обществом в 1886 г.³. По заданиям Петра I в

¹ Stralenberg F. I. An historical-geographical description of the North and Eastern parts of Europe and Asia, but more particularly of Russia, Siberia and Great Tartary. Translated into English. L., 1738.

¹ Записка шведского капитана Иоханна Христиана Шнигера, который был у китайских посланников, бывших в 1714 году у Аюки хана в провожатых // Ежемес. соч. и известия об ученых делах, 1764, 20 ноября. С. 428—437.

² Миллер Г. Известия о песошном золоте в Бухарии. СПб, 1760. С. 48.

³ См.: Известия РГО. Т. 27. Вып. 6 1891. С. 582—585; Моисеев В. А. В джунгарском плену // Вопросы истории, 1977. № 6. С. 209—212.

1715 и 1719 гг. ездили в Китай английский хирург Томас Гарвин, лейтенант шведской армии Лоренц Лянге. Впоследствии Л. Лянге участвовал и в других русских посольствах в Китае. По итогам своих поездок в 1721 г. он опубликовал во Франкфурте свой «Дневник» («Journal»), в котором освещаются вопросы о взаимоотношениях восточных казахов с русскими и калмыками, описываются кочевое скотоводство, жилище (юрта), пища (кумыс) казахов, их гостеприимство. По его словам пограничные казахи в то время платили дань не только калмыцкому хунтайджи Цеван-Рабдану, но и русскому царю¹.

Вместе с Л. Лянге в посольстве Л. В. Измайлова в Пекин принял участие шотландец Джон Белл, поступивший на службу к Петру I в 1714 г. В 1715 г. он сопровождал Артемия Вольтского в Персию в качестве врача. По возвращении в Англию в 1747 г. издал описание своих путешествий². В России оно вышло в переводе М. Попова под названием «Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли» (СПб, 1776).

Белл сообщает об экспедиции А. Бековича-Черкасского в Хиву и о ее гибели. Во время участия в посольстве Измайлова в Тобольске он получил сведения о «Семи Палатах» (Семипалатинск). «После того, как Иртыш в своем течении на много миль прошел по холмистой, покрытой лесом местности,— пишет Белл,— протекает он по прекрасной плодотворной долине, населенной калмыками, и достигает здания, называемого

Семью Палатами (Sedmy Palaty), расположенного с правой стороны реки и спускающегося к ней». Передает легенду о том, что поселение было основано не то Тамерланом, не то Чингис-ханом, предположение о происхождении названия города от семи дворцов, находившихся под одной крышей. Некоторые из этих семи дворцов или поместий, продолжает он, были заполнены свитками из лощенной бумаги, исписанными позолоченными письменами на языке тунгусов (Tongustus) или калмыков. Часть таких бумаг Белл передал антиквару Гансу Слоуну, который поместил их в своем музее. Некоторые из свитков по распоряжению Петра I были посланы для перевода в Парижскую Королевскую Академию. По объяснениям Белла, эти бумаги были, в основном, документами ламаитского храма или религиозной литературой³.

После восстановления англо-русских отношений, прерванных во время Северной войны, английские купцы и дипломаты упорно хлопотали перед своим правительством о восстановлении через Россию транзитного торгового с Ираном. Англо-русский союз, заключенный в 1741 г., учреждение в Реше английской фактории, принятие Младшим жузом казахов российского подданства вновь восстановили торговые связи Западной Европы с Ираном и др. странами Азии.

Поездки западных купцов в Иран и обратно совершались в основном по восточному берегу Каспийского моря, что усилило интерес к казахским степям, ибо, по выражению

Петра I, «киргиз-кайсацкая орда» являлась «ко всем азиатским странам... ключ и врата»⁴. Английским дипломатам и купцам вменялось в обязанность собирать всевозможные сведения о посещенных ими странах, в том числе и среднеазиатском регионе. В 1736 г. премьер-министр Великобритании Р. Уолполь в письме к английскому консулу в России Клавдию Рондо высказал пожелание «получать от него полные и частые донесения обо всем, что происходит при русском дворе, о его международных намерениях и интересах»⁵. В поле зрения англичан находилась и политика России в Казахстане. При этом они стремились завоевать доверие ханов, батыров и родовых старшин, чтобы опираясь на них, теснить русскую торговлю. В этой связи становилась все более настоятельной необходимость изучения путей сообщения, кочевий казахов, кормов и водопоев для скота — единственного в то время вида транспорта, рельефа местности, природно-климатических условий, размещения населенных пунктов, взаимоотношений между казахскими родами и жузами, их правителей. Большая работа в этом направлении была проделана англичанами, находившимися на русской службе. Капитан морской службы Джон Эльтон принял участие в качестве инженера в Оренбургской экспедиции (1734—1736), вскоре переименованной в Оренбургскую комиссию (1737—1742), возглавлявшуюся И. К. Кирилловым, а после

его смерти В. Н. Татищевым. Как известно, экспедиция была организована в связи с оформлением и закреплением подданства казахов Младшего жуза.

Во время своего четырехлетнего пребывания в России Эльтон объездил Оренбургскую губернию, значительную часть территории Младшего жуза. В начале 1735 г. в качестве ассистента он сопровождал Татищева в Оренбург для рекогносцировок линий фортов от Самары через казахскую степь в Сибирь, затем был в числе строителей крепостей Тевкелева брода, Переволоки, Татищевской пристани, Черноречья, Бердской, Губерлинской, Ельшанской и измерял верховья Яика³. По свидетельству его английских коллег, он не терял «удобных случаев переговорить с различными татарами, которые скитались и населяли обширные неисследованные страны, лежащие между Бухарой и границами Западной Сибири, а также с сартами, являющимися цивилизованными татарами, живущими в Бухаре и других городах далее к Востоку»⁴. Из наблюдений и бесед Эльтон пришел к выводу, что «безопасная и легкая дорога в Бухару» лежит не через казахские степи, а «вниз по р. Волге, затем через Каспийское море и Астрабад или какой-нибудь другой порт в юго-восточной части Каспийского моря»⁵. Участвуя в картографических работах Оренбургской экспедиции, он составил карты Поволжья, реки Яика от Верхнеяицкой пристани до города Уральска, восточ-

¹ Временник Московского общества истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 13, С. 15.

² Ардобацкая А. Из истории русско-английских отношений начала 40-х годов XVIII в. // Ученые записки Саратовского государственного университета. 1954. Т. XXXI. Вып. историч., С. 146.

³ Попов Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 190.

⁴ Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea: with a journal of travels from London through Russia into Persia and back... In 4 Vols. L., 1753. Vol. 1. PP. 14—16.

⁵ Hutton J. Central Asia. L., 1875. P. 15.

¹ Катанов Н. О. Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах. Тобольск, 1905.

² Bell J. Travels from St. Petersburg in Russia to various parts in Asia. Glasgow, 1773. Vol. I—II.

³ См.: Белевы путешествия через Россию... С. 192—194.

ного побережья Каспийского моря.

Копия этих карт и переписка Эльтона с Кирилловым хранятся ныне в библиотеке и архиве АН СССР. Некоторые из них уже в то время были использованы его соотечественниками и вошли в их труды, посвященные торговле англичан с Ираном и др. восточными странами в XVIII в.

В Оренбургской экспедиции вместе с Эльтоном в течение ряда лет работал и английский живописец Джон Кэстль. За время своего пребывания в Оренбурге ему удалось привлечь к себе султана Ералы, находившегося там в качестве заложника сына хана Абулхаира. «С помощью гостеприимства, всевозможной вежливости, насколько мое состояние позволяло,— писал он об этом впоследствии,— я вошел в доверие» султана Ералы и его свиты, бухарского ахуна Мансура, бывшего в то время также в Оренбурге. Оставив на совести иностранца объективность его суждений о том, насколько «подарки и угощения» помогли завоевать симпатию ханского сына. Отметим, однако, что именно эти «дружественные отношения» между ними, может быть построенные на других скрытых расчетах, позволили Кэстлю возвыситься до приема казахских послов во главе с Джаныбек-батыром, которых хан Абулхаир отправил к коменданту города Я. Ф. Чемодурову. Они должны были выяснить вопрос о безопасности Оренбурга в связи с распространившимся в степи слухом о «захвате его башкирскими повстанцами» и участии самого Ералы. Хан просил также направить с посланниками представителя русской администрации, по-видимому, для успокоения умов и настроений своих

подданных, часть которых, по мнению Кэстля, намеревалась присоединиться к восставшим башкирам. Чтобы воспрепятствовать совместным выступлениям казахов и башкиров, «научить этих инородцев быть покорными царю» и сообщить об их «злых умыслах» Кэстль и решается совершить и «в высшей степени необходимое и опасное» путешествие к Абулхаиру, а затем к И. К. Кириллову, находившемуся в то время в Самаре. Свое страстное желание о поездке к хану Младшего жуза он мотивировал необходимостью выполнить портреты знатных казахов. Ходатайства Ералы перед комендантом помогло англичанину получить разрешение и, заручившись от Ералы письмом к его отцу, отправиться вместе с казахскими посланниками к ханской ставке у Аральского моря. Его спутниками были немецкий юноша Дитрих Люфтус и слуга полковника А. И. Тевкелева «татарин» Кульбай. Вместе с посольством Джаныбек-батыра они выехали из Оренбурга 14 июня 1736 г. и достигли юрты хана 19 июня.

Результаты миссии Кэстля, совершенной «по доброй воле и только для блага Русского государства», в политическом отношении оказались ничтожными. Напрасно он считал своей заслугой, что именно вследствие его поездки к Абулхаиру «были прерваны связи казахов с келмеками». Для царизма политика «разделяй и властвуй» ничуть не была знакомым делом. Этим принципом искусно руководствовались царские каратели в казахско-башкирских отношениях, натравливая их друг на друга. Так что сведения и предложения англичанина по этому вопросу не представляли никакой ценности¹.

Более плодотворным было его путешествие в научно-познавательном отношении. Его «Дневник путешествия, предпринятого по доброй воле и только для блага Русского государства в 1736 г. из Оренбурга к Абулхаир хану Киргиз-Кайсацкой татарской орды, в высшей степени необходимого и хотя опасного, однако, благополучно оконченного, изложенным Джоном Кэстлем, англичанином и бывшим живописцем при Оренбургской экспедиции» является историко-этнографическим источником, представляющим определенный интерес. «Дневник», отправленный в 1741 г. Кэстлем к царю в Петербург в надежде напомнить о своих «заслугах», которые якобы скрыли от монарха Кириллов и другие, а также выразить «покорность и готовность быть полезным русскому монарху», был опубликован в 1784 г. в качестве приложения к «Материалам по русской истории»¹. Он состоит из трех частей, посвященных описанию путешествия англичанина из Оренбурга к ставке хана Абулхаира (ч. I); пребывания его у хана с 19 июня по 5 июля 1736 г. (ч. II), обратного пути через Яицкий городок и Самару в Оренбург (ч. III).

«Дневник» представляет собой свод разнообразных сведений очевидца об общественной жизни казахов Младшего жуза, только что принявшего подданство России под напором внешних и внутренних факторов. Из «Дневника» Кэстля территория Млад-

шего жуза предстает всем своим разнообразным богатством животного и растительного мира, полезных ископаемых. Англичанина поражает изобилие рыб и дичи в озерах и реках, диких животных и зверей (куланов, горных козлов, сайги, кабанов, волков, лис, тигров). Он находит железо, медь, золото, серебро, агат, асбест, драгоценные камни, мрамор. По словам Кэстля, во время весеннего прилива Сырдарья выбрасывала на берег золотые пески, откуда добывали золото бухарцы, платя за это дань казахам².

Кэстль ознакомился с людьми, которые составляли ханское окружение (Жандаулет-батыр, Байбек-батыр, Шагырбай-батыр, Курманбай, Манет, Алтай, Байбек Аглык, Буберек-батыр, Алдарбай, Толек и др.). Из них наиболее близкими к хану он считает Нияз султана, Джаныбек-батыра, кыпчака Богенбай-батыра, Акмолай-батыра³. В комментариях, данных к этим именам, говорится: Байбек Аглык, Шагырбай — посланники Абулхаира в Оренбург, Нияз султан — брат Абулхаира, Толек — брат Джаныбека, Буберек батыр — знатный старшина, пять лет был послом у калмыков и т. д. О самом хане Абулхаире Кэстль пишет: «Он — мужчина статной фигуры, с розоватым лицом, сильными мускулами... В битве с джунгарскими калмыками лично взял в плен их главу — хунтайджу... Киргизы связывают генеалогию хана с Тамерланом. У него 40 тыс.

¹ См.: Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. 1958. № 4. С. 133—145.

¹ Journal von der Ao. 1736 aus Orenburg zu dem Abul-Geier Chan der Kirgis-Kaysack Tartarischen Horda aus freiem willen und bloss zu dem bestem des russischen reiches untergenommenen höchst nothigen und zwar gefürlichen doch glücklich volbrachten Reise, dargestellt durch John Castle emen Engländer und gewissenen Kunstmaler bei der Orenburgischen Expedition // Materialien zu der Russischen Geschichte zeit Tode Kaisers Peter des Grossen Zweiter Teil. 1730—1741. Riga, 1784.

² Journal. S. 7—8, 78, 112, 118.

³ Ibid. S. 29, 39, 45.

войск, но его власть не является суверенной», так как он должен был «советоваться со старшинами»¹. Кэстль был свидетелем сурового ханского суда. За воровство 40 кобыл другого аула одного казаха жестоко наказали и велели тот час же возратить украденное. В «Дневнике» дано короткое описание тактики ведения боя казахами, их военного снаряжения (панцирь, лук, стрела, са-модельное ружье), юрты (кереге, тундик и т. д.), пищи (кумыс, напиток из овечьего сыра и т. д.), женских и мужских одежд (саукеле, шапан из верблюжьей шерсти, брюки и платье из бухарского ситца, сапоги шагреновой кожи, шарык), туалета казахских женщин (серьги, браслет, кольцо, прически), свадебных обычаев (размеры калыма, основные этапы и условия сватовства, знакомство и встречи будущих супругов — жениха и невесты), погребальных обрядов, национальных музыкальных инструментов (сырнай и т. д.). Говоря о вероисповедании казахов, верно подмечает малочисленность в то время мулл среди них, переплетение мусульманства с шаманизмом. Отмечает национальные черты казахов, патриархальные устои в семье. В глазах английского художника казахи представали «сильными, здоровыми и выдержанными, по характеру умными», «людьми обычно среднего роста, с черными волосами, необычайно зоркими глазами, здоровыми зубами без исключения»². «Казахи, — пишет Кэстль, — очень гостеприимны. Последний фунт мяса предложат го-

стям...», «если к ним относиться хорошо, они отвечают тем же»³.

Кэстль обнаружил некоторый интерес и к памятникам исторического прошлого края; по пути из Оренбурга к ставке хана Абулхайра он осмотрел на берегу р. Ор развалины древнего «монгольского» г. Рудера. На обратном пути в районе рек Каргалы и Илека видел много могил «язычников», одну из которых он раскопал. В могиле были найдены останки лошади и человека: на шее у человека была обнаружена печать из белого индийского агата, на которой вырезаны пеликан и два птенца⁴. «Дневник» заканчивается «Прибавлением», в котором повествуется, в частности, «кем и как управляется казахский народ во время войны и мира»⁵. Издатели «Дневника» снабдили книгу указателями важнейших имен и предметов, встречающихся в нём, и 13 гравюрами с зарисовок Кэстля (на первой гравюре — султан Ералы, бухарский ахун и главный слуга султана Кудер-батыр в полном вооружении; на третьей — аудиенция Кэстля у хана Абулхайра; на четвертой — аудиенция Кэстля у ханши, которой он передает подарки и портрет сына Ералы; тринадцатый — портрет хана Абулхайра и т. д.)⁶.

Таким образом, «Дневник» представляет, хотя и отрывочно, разнообразный фактический материал о производительных силах, флоре и фауне края, кочевом скотоводстве, судопроизводстве, духовной и семейной жизни казахов, о типичных социально-бытовых чертах и особенно-

стях казахского народа, об умонастроениях, политических интересах правящей ханско-старшинской аристократии, о быте и нравах феодальной верхушки.

Другие же англичане, состоявшие на русской службе, также занимались сбором сведений о казахах Младшего жуза, их взаимоотношениях с соседними народами, умонастроениях различных феодальных слоев. Одним из них был Рейнольд Хоуг, английский купец, в 30—40 гг. XVIII в. скупавший верблюжью шерсть в Казахстане. В 1740 г. он совершил путешествие из Оренбурга в Хиву и Бухару и вернулся в Самару в июле 1741 г., где он в канцелярии Оренбургской комиссии детально поведал о своем странствии, учинив «о тамошних своих усмотрениях объяснение»¹.

Р. Хоуг сообщил, что караванная торговля русских купцов в Хиве может быть выгодна и безопасна при условии «охранения» ее казахскими владельцами. Рассказал и о том, что в хивинской торговле казахи занимали преобладающее место и они иногда выступали даже посредниками в торговле с каракалпаками.

Воодушевленный одобрениями Оренбургской администрации, он отправился к каракалпакам вторично. Русская администрация была больше заинтересована в привлечении как хивинцев, казахов, так и каракалпаков, к торговле непосредственно в Оренбурге и пользовалась любой возможностью для развития в казахской степи караванной торговли. Поэтому поездка англичанина через казахскую степь к каракалпакам для изучения состояния торговли была сочтена

непротиворечащей интересам России. Об этом в канцелярии Оренбургской комиссии было записано: «Из Самары он, Хоуг, отправился, получая определенные ему для торгу на шет ево казенные деньги двести рублей, грамоты к Абулхайр-хану, к каракалпацким старшинам Уразак-батырю и прочим, и к кайсацкому Джанбек-батырю, також и указ с прочетом, изданном ему секретным наставлением того 1741 г. августа около третьего числа»². Эти «секретные наставления» состояли из 11 пунктов, вменявших англичанину в обязанность выяснять спрос и покупательную способность, статьи торговли каракалпаков, обследовать их землю, подробно описывать горы, реки и речки, озера и озерки, внимательно осмотреть побережье Аральского моря (пригодность его к хлебопашеству) и все места, где можно было бы основать пристань.

Из Самары через крепость Озерное Хоуг на восьмые сутки прибыл в район нынешнего Соль-Илецка, а оттуда в сопровождении людей старшины Найманского рода Кунакай-батыра к Джаныбеку, зимовавшему близ урочища Каракаил. Затем он переехал Сырдарью и 22 декабря «прибыл на каракалпацкую землю», а «24 числа наехал в кочующем на той земле кайсацком улусе Меньшиной орды Алчинского роду знатного и главного во всей орде Батыря-султана». По словам Хоуга, Батыр «с своим улусом кочевал прямо до Хивинской дороги на реку Даматай, от Сыр-Дарьи день езды, кочевки чрез три; а от Даматай чрез три ж вилки на реку Куван-Дарью, от Куван по

¹ Ibid. S. 142, 143.

² Ibid. S. 128, 133, 138, 139.

³ Ibid. S. 120, 133, 138.

⁴ Ibid. S. 6, 46—47.

⁵ Ibid. S. 141—144.

⁶ См.: Ермагамбетов К. Л. Казахстан в трудах западноевропейских авторов... С. 64—65.

¹ Русско-казахские отношения в XVI—XVIII веках: Сб. док. и материалов. А. А., 1961, С. 137; Матвиевский П. Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. // История СССР. 1969. № 3. С. 102.

² Русско-казахские отношения в XVI—XVIII веках... С. 206.

Хивинской дороге степью». У казахов он узнал, «что на киргиз-кайсацкой степи же, близ реки Эмбы, имеется ключ... черной нефти...», близ той же реки имеются квасцы¹. 6 января он встретился с каракалпакским старшиной батыром Уразак-батыром в урочище Карамул, близ устья Куван-Дарьи, впадающей в Аральское море. Там получил сведения об угоне людьми хана Абулхаира лошадей каракалпаков. 17 января был у Абулхаира, однако был принят ханом сугубо официально, который ничего не предпринял для розыска и возвращения прежде ограбленных его товаров. По всей вероятности, правитель Младшего жуза уже понял, что с помощью как Дж. Кэстля, так и Р. Хоуга, «шатающихся в степи», нельзя решить вопросы, связанные с отношениями с русскими, хивинцами, каракалпаками и др. Поэтому Хоуг, говоря о взаимоотношениях между Абулхаиром и султаном Батыром, другими казахскими старшинами, писал, что султан Батыр якобы «больше чести имеет» в Младшем жузе, нежели хан Абулхаир и проявляет к России «доброе намерение и ревность».

Хоуг знакомился с бытом и настроением каракалпаков, получил согласие Уразак-батыра на торговлю в Оренбурге и на отправление его «водяным ходом» по Аральскому морю в Хиву, собрал сведения о Карасакале и его сподвижниках, бежавших из Башкирии после подавления восстания, пытался проникнуть в смысл казахско-джунгарских, казахско-туркменских и ирано-джунгарских отношений. Ему стало известно, что отдельные казахские старшины «Абулхаир-хана журят и бранят, для

чего он, хан, к России приближается, и всегда утверждают, что он с юртами удалялся»².

Все эти сведения, порою тенденциозные в оценке умонастроений правящих кругов казахского общества, а также взаимоотношений между русскими, каракалпаками, казахами, хивинцами и джунгарами, все же оказались весьма полезными для российской администрации и были записаны со слов Хоуга в канцелярии Оренбургской комиссии в июне 1742 г.

В 30—40-х гг. XVIII в. в казахской степи побывали и другие англичане, которые под видом купцов или посланцев русской администрации устанавливали торговые отношения с казахами, народами Средней Азии и Ирана, собирая сведения о них историко-экономического, географического характера. И. Ганвею, совершившему путешествие в 1743 г. в Иран, удалось сосредоточить в своих руках материалы, послужившие для составления карты Оренбургской экспедиции, карту Каспийского моря, составленную Джоном Эльтоном и Томасом Вудруфом, отрывки из дневника Эльтона, путевого журнала Т. Вудруфа. Они вошли в сочинение И. Ганвея, вышедшее в 1753 году в Лондоне под названием «Исторический отчет о Британской торговле через Каспийское море»³. В этот объемистый труд вошли также выдержки из дневника шотландского хирурга Джона (иногда Уильям) Кука, принявшего участие в посольстве М. М. Голицына в Персию в 1744—48 гг. Дневник Кука, содержащий сведения о природных богатствах западных районов Казахстана, быте и нравах населения, в 1770 году вышел

в Эдинбурге отдельной книгой в двух частях¹.

Все эти англичане по торговым или иным делам не раз посещали Астрахань и оставили подробные сведения об истории взятия русскими войсками города, о хозяйстве и торговле горожан. Ко времени посещения Ганвеем в Астрахани насчитывалось 70 тыс. жителей, большинство из них — «татары» русского подданства и армяне. По пути своего путешествия Ганвей встретился с калмыками и ногаями, описал их внешность, вооружение, свадебные обычаи, указал на деградацию хозяйства ногаев, вытеснение их кубанцами. Рассказал о туркменах, провале экспедиции Бековича-Черкасского и трудностях торговли с узбеками.

Сведения Ганвея о животном мире западных районов Казахстана совпадают, в целом, с рассказами Дж. Кэстля. Так, он указал: «В этом крае (в районе Аральского моря.— К. Е.) обитает очень много диких лошадей, ослов, антилоп или козлов, и волков. Здесь есть злое животное, называемое жолбарсом и приблизительно такое же, как тигр. Татары говорят о нем, что оно настолько сильно, что может унести лошадь»² Ганвей дал также подробное изложение истории торговли на Каспийском море с 1533 до 1743 года, т. е. со времен первых попыток Англии установить транзитную торговлю с Ираном через Россию до путешествия его из Астрахани в Персию.

Основываясь на данных путешествий Дж. Томпсона и Р. Хоуга, он описал расселение казахов, их образ жизни. «Киргизские татары (каза-

хи — К. Е.) одним из владельцев которых является Джаныбек,— пишет Ганвей,— занимают очень обширную территорию, граничащую с башкирскими татарами на севере, с черными калмыками и Ташкентом на востоке, с каракалпакскими татарами и Аральским морем на юге и с р. Яик на западе. Они делятся на три орды... Киргизские татары живут в палатках, состоящих из деревянного остова, покрытого верблюжьим войлоком. Они умеют очень ловко ставить эти палатки и транспортировать их при перемене места. Они не остаются на одном месте более 2—3 дней... Их религия — магометанство, но они не очень религиозны. Язык их очень похож на турецкий. Они — сильный и храбрый народ, но дикий, невежественный»³. И. Ганвей подчеркивает, что казахи «вежливы к незнакомым...», и считают «большим бесчестьем обижать гостей». Описал судопроизводство у казахов, их понятия о добре и зле.

Социально-экономическая и культурная отсталость тогдашнего казахского общества по сравнению с передовыми европейскими государствами, непонимание языка, обычаев и нравов народа, чванство и высокомерие, присущие многим колониальным чиновникам, не способствовали однако формированию у европейцев объективных представлений о казахах. Как и все другие «кочевники», они изображались варварами, лишенными возможностей исторической эволюции. Такое понимание было характерно и работам представителей различных религиозных миссий, прокладывавших дорогу для ут-

¹ Там же. С. 211.

² Там же.

³ Hanway J. Op. cit.

¹ Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary and part of the Kingdom of Persia: In 2 parts. Edinburgh, 1770.

² Hanway J. Op. cit. Vol. 1. pp. 100, 123, 188, 304—305 etc.

нерждения европейского колониализма в азиатских странах. В 1736 г. Ж. Б. Дюгальд — секретарь ордена иезуитов во Франции опубликовал четыре тома донесений миссионеров-иезуитов из Китая под названием «Географическое, историческое, хронологическое, политическое и физическое описание Китайской империи и Татарии китайской»¹. В 1774 и 1777 гг. книга вышла в двух частях на русском языке в Санкт-Петербурге.

Те части книг Ж. Б. Дюгальда и других миссионеров (аббата де ла Порты, И. Жербильона)², посвященные «Великой Татарии», «Восточной (Китайской) Татарии», «Джунгарии», включают в себя материалы по истории и этнографии казахов. В 1777—1785 годах было опубликовано двенадцатитомное сочинение миссионера М. Майя (1669—1748) «Общая история Китая по архивам этой империи»³, в котором деление народов Центральной Азии на оседлые («культурные») и кочевые («некультурные») выступает как методологическое кредо автора. Несмотря на тенденциозность подобных сочинений, миссионерами был собран огромный фактологический материал, послуживший позже фундаментом для многих обобщающих работ историков. Часть материалов иезуитов была использована, например, одним из крупней-

ших западных историков XVIII в. Жозефом де Гинем (1721—1800) в его монументальном труде «Всеобщая история гуннов, тюрков, монголов и других западных татар в древности», впервые излагавшем историю кочевых народов всей Центральной Азии⁴.

Де Гинем впервые был поставлен ряд серьезных вопросов, связанных с происхождением и развитием кочевых народов указанного региона. Он признавал гуннов родственниками или потомками «хиунь-ну» (Hiün yüni, Hiün yo) — монгольского племени, известного по китайским источникам. Это племя в лингвистическом отношении состояло в родстве с тюрками. Но органическим пороком его работы является антиисторизм. Он придерживался ошибочной концепции неизменности, застойности внутренней жизни и общественного строя кочевых народов на протяжении столетий от Хунну до монголов. И тем не менее, «то, что сделал Дегинь, — справедливо писал А. Ю. Якубовский, — было для середины XVIII в. выдающимся вкладом в науку, прогрессивным и полезным для будущих ученых-востоковедов»⁵. В становлении во Франции научного изучения народов Средней Азии им проделана большая работа в качестве профессора сирийского языка в Коллеж де Франс и хранителя древностей в Лувре.

В последней четверти XVIII в. попытки проникнуть в Сибирь и Казахстан были предприняты американцами. Первым из них, посетившим районы, заселенные казахами, был Джон Ледуард. В 1776—1780 гг. будучи в составе экспедиции капитана Джеймса Кука он познакомился с Аляской и Камчаткой. В 1787—1788 гг. совершил путешествие по России и Сибири и части территории казахского края. В районе Омска проезжал через кочевья казахов, которых он называл «тергисами» (tergiss — искаженное от «киргиз»). Д. Ледуард описал расселение ряда народов, выдвинул предположения о их происхождении. В «Записках» имеются также сведения о «магометанских татарах», их религии, о распространении среди них арабской письменности¹.

Таковы основные публикации в зарубежной казахистике по XVIII в. включительно. Как явствует из их краткой характеристики, они были весьма отрывочными и поверхностными.

В России же к тому времени были накоплены самые разнообразные сведения о ближайшем восточном соседе — территории Казахстана и казахах, с которыми поддерживались политические и торговые связи с XVI в. Донесения и отчеты купцов и дипломатов Даниила Губина (1535), Бориса Доможирова (1577), Вельямина Степанова (1595) и многих других дали ценнейшие сведения о территории, населении края, внутренней и внешней политике казахских правителей. Практически интерес России к Казахстану постепенно перерастал в научное осмысление и

обобщение имевшихся материалов, что видно из «Книги Большому чертежу», «Сибирских летописей», «Статейных списков», «Описаний о сибирских народах и гранях их земель», «Чертежной книги о Сибири». Экспедиции же И. Бухгольца в Зайсан (1715—1716), А. Бековича-Черкасского на Каспий и в Хиву (1714—1717), И. Унковского в Джунгарию (1722—1723) положили начало систематическому изучению территории Казахстана.

Со второй половины XVIII в. зарубежная историческая и этнографическая наука по изучению народов Средней Азии и Казахстана развивалась в тесной связи с востоковедением в России. Дело в том, что Россия той эпохи была многонациональным (разноэтничным) государством, и ее научно-общественная мысль олицетворялась трудами, созданными не всегда принадлежавшими перу только русских по происхождению авторов.

Доступность работ российских ученых облегчалась тем, что они нередко писались на немецком, французском языках, многие из опубликованных на русском языке переводились на европейские. Особенно сложна атрибуция сочинений плеяды представителей Петербургской Академии наук (И. Г. Георги, П. С. Паллас и др.), офицеров длительной российской службы (Гербер, Штедер и др.), политических деятелей (Ян Поттокий), выполнявших свой служебный долг или удовлетворявших свою научную любознательность в строгих рамках российской государственной концепции и практики. Многие из них десятилетиями жили и работали в

¹ Ibid. pp. 346—348.

² Duhalde J. B. Descriptions géographiques, historiques, chronologique, politique et physique de L'Empire Chinois et de la Tartare Chinoise. Vols. 1—4. La Haye, 1736.

³ Всемирный путешественник или познание старого и нового света, то есть описание всех по сие время известных земель в четырех странах света. Т. VI. СПб, 1780. Вост. Татария (Маньчжурия), С. 242—249; О Великой Татарии (из соч. патера И. Гербилона) // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, 1785, I. С. 227—302.

⁴ Mailla M. Histoire Générale de la Chine aux annales de cet Empire. Vol. 1—12. P., 1777—1785.

⁵ Guines J. de Histoire Générale des Huns, des Turks, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. Vol. 1—4. P. 1756—1758; Vol. 5, P., 1824. (на рус. яз.: Всеобщая история гуннов... Кн. 1—5.— Стамбул, 1924).

⁶ Очерки по истории востоковедения. М., 1953, С. 34.

¹ John Leduard's journey through Russia and Siberia 1787—1788: The Journal and selected letters // Edited with an introduction by Stephen D. Watrous. Madison, Milwaukee, London, 1966. Pp. 154, 173, 176, 206.

России, и сочинения их, составляя часть российской феодально-великодержавной идеологии, оказывали в то же время определенное влияние на работы зарубежных историков и этнографов.

Бесспорными достижениями ученых России явились труды комплексных академических экспедиций в 1768—1784 гг., охвативших своей деятельностью значительную часть территории Казахстана. Историко-этнографические очерки о казахах содержали в себе обобщающие работы членов экспедиций П. С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российской империи в 1768—1784 гг.» (СПб, 1773—1778), И. Г. Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов...» (СПб, 1773—1777), «Полное собрание ученых путешествий акад. И.-П. Фалька» (СПб, 1824—1825, на нем. яз.). Неразрывно связано с историей русской науки имя выдающегося шведского естествоиспытателя и путешественника Эрика (Кирилла) Лаксмана (1737—1796). Он изъездил вдоль и поперек всю Россию, неоднократно пересекал Уральский хребет и Западную Сибирь. Одним из первых собрал сведения о флоре и фауне, минеральных богатствах Восточного Казахстана. Во время путешествия в Сибирь в ноябре 1764 г. он проехал «от Омской крепости и до Катунского форпоста, а к югу до Усть-Каменогорской крепости и далее»¹. В 1781—1791 гг. он совершил второе продолжительное путешествие в Сибирь. Пе-

реписывался с П. И. Рычковым, И. Г. Георги и др. исследователями Казахской степи. В последние годы жизни ученый непосредственно сам стал интересоваться землями между «Иртышом и Бухарией»².

Работы И. Г. Гмелина, И. Зиверса, Д. Г. Мессершмидта, А. И. Шренка, Г. Ф. фон Генса, Э. А. Эверсмана, специальное монографическое исследование Христофора Барданеса «Киргизская или Казахская хореография» также были изданы первоначально на немецком или французском языках и тем самым сразу же становились доступными европейским читателям. Книга И. В. Ханькова «Описание Бухарского ханства» (СПб, 1843) была издана на английском, французском и немецком языках. А его статья «О населении киргизских степей, занимаемых Внутренней и Малою ордою» (журнал Мин-ва Внутрен. дел, 1844, кн. 10, ч. 8, с. 3—60) была переведена на немецкий язык по просьбе А. Гумбольдта³. В I половине XIX в. в Берлине, Париже и Лондоне были опубликованы работы Е. К. Мейендорфа, Ф. Гёбеля, К. Ф. Ледебурга, Я. Поточко, Ю. де Гагемейстера, Г. П. Гельмерсена, венгерского ученого А. Вамбери, польского писателя Б. Залесского и многих других. Зарубежные исследователи Казахстана не могли уже обходиться без капитального трехтомного труда А. И. Левшина «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» (СПб, 1832), вскоре переведенного также на ряд иностран-

ных языков. Однако воздействие перечисленных работ на развитие исторической мысли Запада нередко ограничивалось заимствованием конкретных фактов или отдельных положений. Появилось немало работ компилятивного характера. В одной из них, вышедшей в Берлине в 1799 г., имеется специальная глава «Die Kirgisen», посвященная казахам. Основу рассуждений автора об этимологии слова «казах», разделении казахов на три орды (жуза), их этнической территории, жилищах, мужских и женских одеждах, судопроизводстве, вероисповедании, имущественном расслоении среди них составляют заимствования из работ российских ученых. Книга снабжена иллюстрациями («казах на коне», «казашка»⁴). Работа французского этнографа и историка Рошенберга «Описание народов России», вышедшая в Париже в 1813 г., так же содержала иллюстративный материал, изображающий бытовую жизнь казахов, их одежду⁵. Компиляцией из сочинений П. С. Палласа, А. И. Левшина, И. Г. Георги, Э. А. Эверсмана, П. И. Рычкова является книга немецкого автора Ф. Мюллера «Угорские племена или исследования территории Урала и

Кавказа с точки зрения истории, географии и этнографии»⁶. Первая часть книги — описание этнической территории казахов, отношения их с калмыками и башкирами, принятие подданства России казахами Младшего и Среднего жузов, отношения Среднего жуза с Китаем и Россией. Далее в книге рассказывается о внутривосточном положении в Среднем жузе, образе жизни казахов и занятиях, вероисповедании и культуре мертвых, предпринята попытка определить различия в кочевой жизни восточных и западных казахов⁴.

Английский путешественник Г. Т. Вигне, опираясь на работы А. И. Левшина и собственные наблюдения, ознакомил западных читателей со спортивными (байга и др.) занятиями казахов⁵.

Невысоким научным уровнем отличались и работы ряда других западных авторов (Джордж Макартней, Джордж Стоунтон, Джон Д'Уолф, Джошуа Харлан, Э. Д. Кларк, Л. Стафенс, Джордж Трейн), опубликованные в конце XVIII—первой половине XIX в.⁶

«В XVIII в. — писал В. Бартольд, — мы видим первые примеры европейских путешествий на Восток исклю-

¹ Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман. Ленинград, 1971. С. 27; «Erich Laxman's... Sibirische Briefe»/ Herausgegeben von August Ludwig Schlözer. Göttingen, 1769.

² Но обширная программа путешествия в Среднюю Азию и Казахстан не была осуществлена, ученый скончался 5 января 1796 г. у реки Вагай, впадающей в Иртыш.

³ Асаинов М., Семенов Г. И. Из истории изучения Казахстана в XVI—первой половине XIX в. А.-А., 1970. С. 87. На каз. яз.

⁴ См.: Neue Bilder Gallerie für junge Söhne und Töchter zur Angenehmen und nütlichen Selbstbeschäftigung aus dem Reiche der Natur, Kunst, Sitten, und des gemeinen Lebens. Sechster band, Mit. 150. Berlin, 1799.

⁵ Rothenberg. Les peuples de la Russie ou description des moeurs etc. des divers nations de l'Empire des Russes. P., 1813.

⁶ Müller F. H. Des Ugrische Volkstamm oder untersuchungen über der Langergebiete am Ural und am Caucasus. Berlin, 1837.

⁷ Ibid. S. 215—243.

⁸ Vigne G. T. A personal narrative of a visit to Ghuzni, Kabul and Afghanistan. L., 1840. PP. 452—453.

⁹ Макартней Дж., Стоунтон Дж. Путешествие во внутренность Китая и Татарию, учиненное в 1792, 1793, 1794 гг. ...Пер. с фр. яз. Ч. I—IV. М. 1804—1805. D'Wolf J. A Voyage to the North Pacific and a Journey through Siberia. Cambridge, 1861; Harlan J. Central Asia, personal narrative (1823—1841)/ Ed. by Frank E. Ross. L., 1939; Clarke E. D. Travels in various countries: Europe, Asia and Africa: Part I. Russia, Tartary and Turkey. L., 1811; Stephens J. L. Incidents of travel, Turkey, Russia and Poland. N. Y., 1838; Train G. An American merchant in Europe. N. Y., 1857; The first Americans in Siberia // Travel. 1946. June. Vol. 87. PP. 18—22, 32.

чительно с научной целью, независимо от каких бы то ни было политических, коммерческих или миссионерских задач¹. На наш взгляд, эта оценка правомерна в первую очередь в отношении французских и скандинавских исследователей, которые в рассматриваемый период достигли значительных успехов в изучении восточных стран, в том числе Средней Азии и Казахстана. Ведущая позиция французских востоковедов, которую они занимали в начале XIX в., была связана с дальнейшим развитием связей Запада и Востока, а также общим подъемом молодой буржуазной исторической науки. Еще в 1795 г. в Париже была основана Национальная школа живых восточных языков, в которой обучались дипломаты, переводчики и др. В 1821 г. там же начали свою деятельность первые в истории человечества Географическое общество, а в следующем году — Азиатское общество². К этому следует добавить, что восточные страны и восточные языки изучались в Парижском (знаменитой Сорбонне) и др. университетах. Это в немалой степени способствовало расширению источниковой базы работ французских востоковедов за счет широкого использования материалов на арабском, персидском, турецком и др. языках, что нашло отражение прежде всего в исторических исследованиях А. К. д'Оссона, Э. Картмера, Ж.-П. Абель-Ремюзы.

Абрахам Константин д'Оссон в

1824 г. выпустил в Париже на французском языке «Историю монголов от Чингис-хана до Тимурбека, или Тамерлана»³. Опираясь на арабские, персидские, турецкие, грузинские, немецкие и польские источники, он сумел воссоздать широкую картину монгольских завоеваний и правильно оценить их разрушительные последствия для народов Азии и Восточной Европы. Д'Оссон одним из первых использовал рукописные материалы о народах Центральной Азии из «Сборника летописей» («Джами-ат-Таварих») Рашид-ад-Дина (1247—1318). Профессор школы живых восточных языков в Париже Этьен Марк Картмер (1782—1851) в 1836 г. издал тексты в переводе на французский и обширные комментарии к этому сборнику⁴. Продолжателем изысканий Жозефа де Гиня был Жан-Пьер-Абель Ремюза (1788—1832), ставший крупным французским востоковедом первой половины XIX в. Он возглавил первую в Западной Европе кафедру китайской, монгольской и маньчжурской литературы в Коллеж де Франс. В своих «Исследованиях татарских языков»⁵ А. Ремюза говорит о татарских племенах вообще и о происхождении их имен, о некоторых употреблявшихся у них в древности письменах. Вслед за Ж. де Гинем он обращает особое внимание на историю усуней, считая, что они «принадлежат к ряду крупных народов Центральной Азии». Главным занятием усуней, по данным А. Ремюзы,

было скотоводство и, особенно, коневодство: «Богатые имели по 4—5 тысяч лошадей. Поэтому основным предметом внутренней и внешней торговли были лошади и, отчасти, рогатый скот». Материалы А. Ремюзы почерпнуты им из китайских источников, широко использовал Карл Риттер в «Землеведении Азии»¹. Часть работ А. Ремюзы опубликована на русском языке².

Интерес к духовной культуре народов Средней Азии и Казахстана, проявленный французскими востоковедами, выдвигает их в ряд людей передовых, прогрессивных взглядов своего времени. Профессор Парижской Академии А. Жарри де Манси, опираясь на известный «Исторический, генеалогический, хронологический и географический атлас» А. Лесажа, написал книгу, во второй части которой о казахах приводит следующие сведения: «Си народы в древности были образованны: им обязаны изобретением знаменитого цикла 12 животных, и, как они имели особенный почерк письма, коего употребление затерялось после их обращения к исламу, то им присваивают надписи неизвестными знаками, найденные в Южной Сибири, между Обью и Енисеем. Киргизский язык есть одно из весьма чистых турецких наречий»³. Нетрудно догадаться, что одним из источников информации для французского ученого является известие

шведа Ф. Страленберга о «загадочных письменах» в Южной Сибири. В 1807—1808 гг. исследованием языков, этнографии и истории казахского, киргизского, башкирского и др. тюркоязычных народов занимался известный востоковед и путешественник Генрих-Юлий Клапрот (1783—1835). Хотя он родился и работал в Германии, основные его труды, в том числе научные статьи о «Бабур-наме» и «Кодексе Куманикусе», были изданы во Франции. Клапрот перевел на французский и опубликовал «Описание киргиз-кайсаков», содержащееся в известной китайской географии «Тай-Цинь-и-Туньши»⁴. В 1823 г. в Париже он выпустил одну из своих главных работ — «Многоязычная Азия», где в словаре языков восточных народов приведены отдельные казахские термины с переводом их на французский. В 1825 г. в декабрьском номере «Journal Asiatique» поместил специальную статью о казахском языке с приложением француско-казахского словаря, состоящего из 400 слов. Клапрот указывает также значение каждого казахского слова на татарском, турецком и монгольском языках⁵. Тем самым «Многоязычную Азию» Г.-Ю. Клапрота следует считать одним из первых исследований в области сравнительного языкознания.

Материалы о казахах Клапрот сопровождал собственными зарисов-

¹ Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России. С. 117.

² Известия об учрежденном в Париже Азиатском обществе // Сибирский Вестник. 1823. № 3. С. 117—122.

³ Ohsson C. M. Histoire de Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour Beg ou Tamerlan. Vols. 1—4.— P., 1824.

⁴ Vols. 1—4.— R., 1824. Второе издание, значительно расширенное и дополненное, вышло в 1834—1835 гг. (La Haye — Amsterdam).

⁵ Quartière E. M. Djami et Tevarikh histoire des Mongols de la Perse écrite en Persian par Rashid-addin. Vol. 1. P., 1836.

⁶ Rémsat Ab. Resherches sur les langues Tartares. P., 1820.

¹ См.: Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россиею. Т. II.— СПб, 1859. С. 130—131, 105—129 и т. д.

² См.: Ремюза А. Об успехах восточной литературы в Европе // Московский телеграф. 1928. Ч. 23. № 18. С. 213—218; № 19, С. 314—328; 1830. Ч. 21. № 5. С. 66—85; Ч. 33, № 12. С. 457—476.

³ Манси А. Ж. де. История древнейших и новых литератур, наук и изящных искусств. Пер. с фр. И. Милашевич. Ч. 1—2. М., 1832. С. 105.

⁴ Klapproth G. J. Magazine Antique on revue géographique et historique de l'Asie Centrale... Vol. 1—2.— P., 1825—1826.

⁵ о Г. Ю. Клапроте см.: Венгерова С. А. Источники словаря русских писателей. Т. 3. СПб, 1911.

ками. Среди них изображения казахов в коллективных плясках, их музыкальных инструментов, женских и мужских одежд, седельных принадлежностей. Достоверно переданы им краски и дух народного веселья, спортивные игры («Кыз куу» и др.).

В ознакомлении с жизнью казахского народа заметную роль сыграло издание в Париже в 1836 г. поэмы «Владимир и Зара или киргизы»¹. Автором сочинения был Герман Гамбс, издавший это произведение под именем Клер Клермонт. Поэма создает колоритную картину казахской степи, образа жизни ее жителей, знакомит западного читателя с их обычаями и нравами.

По своей идейной направленности диаметрально противоположность занимает сборник «Живописное путешествие по Азии», составленный на французском языке под руководством Эйрие (Eugrès)². Со страниц сборника казахи выступают «полудикими номадами», «разбойниками», «лентяями», «конокрадами»³. Работа основана на логике и понимании алчного колонизатора, который с умилением описывает баснословные богатства Казахской степи, но ненавидит их истинных хозяев-казахов. «Между гор Илийского округа лежат плодородные равнины и самые тучные луга: здесь собирают пшеницу, просо, ячмень, конопель,— пишет Эйрие.— Лошади, разводимые на берегах Или, славились искони; дичи там бездна...

в горах находят золото и железо, каменную соль и нашатырь»⁴. Далее приводятся подробные сведения о добываемой промышленности в Восточном Казахстане, серебряных и свинцовых рудниках, путях транспортировки руд, а также о состоянии торговли в степи и рыболовстве на озере Зайсан, этническом составе жителей г. Семипалатинска и др.

В первой половине XIX в. ряд публикаций появился в скандинавских странах и Германии. В них затрагивался широкий круг вопросов, касающихся физико-географического описания, истории, этнографии и языкознания. В конце 20-х годов астрономическими и магнитными наблюдениями земель Букеевской орды занимался профессор К. Ганстин в сопровождении Г. С. Карелина⁵. В 1848 г. издана книга немецкого барона Августа Гакстгаузена, которая в оригинале называлась «Исследования о внутренних отношениях народной жизни и в особенности сельских учреждениях»⁶, но была переведена на английский язык под названием «Русская империя»⁷. Она была одной из первых работ по описанию экономических отношений у яицкого казачества. Глава из книги «Община уральских казаков» переведена на русский язык Н. Г. Чернышевским и опубликована в журнале «Современник» (1857, т. 64, № 7, с английского варианта). В рецензии отмечалось: «Гакстгаузен, по понятиям,

убеждениям, образу мыслей и занятиям — немецкий дворянин, католик и агроном... По своим политическим мнениям, не только не республиканец или хотя бы либерал, но даже не просто консерватор, а такой реакционер, какие в Германии могут быть встречены только между помещиками некоторых прусских провинций...»¹. А. Гакстгаузен идеализирует казачью общину, но дает об уральских казаках подробные сведения. Колониальные интересы европейских стран все больше выдвигают на передний план изучение природных богатств азиатских стран, возможности установления с ними торговых отношений. Об этом свидетельствуют и русские источники того времени. Так, в третьем номере «Отечественных записок» за 1820 г. была опубликована статья о приеме Анной Иоанновной голландского посла Верстачко-де Зелено и посланцев «киргиз-кайсацкой орды». Следующая статья называлась «Туркестанская депутация»². В «Дневнике путешествия по России в 1839 г.» Ф. Гагерна рассказывалось о пребывании в Петербурге хана Старшего жуза, предлагавшего русскому царю свои услуги по организации внешней торговли³. Об условиях торгового сношения Европы с Западной Сибирью сообщается в книге датчан К. Гаге и Г. Тегнера. Работа содержит сведения о торговых путях через Восточный Казахстан⁴. Но преобладание утилитарного подхода к исследованиям Средней Азии и Казахстана не означало свертывание научного

интереса, особенно заметного в ряде публикаций скандинавских ученых. Профессор угро-финских языков, этнограф университета Хельсинки Матиас Александр Кастрен (1813—1852) занимался сравнительным изучением финского, тюркских и монгольского языков. С этой целью в 1845—1849 гг. он участвовал в этнографическо-лингвистической экспедиции в Казахстане. Его научное наследие в области изучения языков народов Сибири и Центральной Азии составило 12 томов⁵.

В первой половине XIX в. интерес Англии к Средней Азии и Казахстану определялся ее военно-политическими целями на азиатском континенте, в особенности в прилегающих к Индии районах, борьбой за источники сырья и сферы влияния. Участвовавшие поездки чиновников Ост-Индской компании и английских дипломатов в Бухару, Хиву и Коканд с разведывательными задачами были составной частью этой политики. После завершения своих миссий все они, как правило, писали объемистые отчеты о своих путешествиях и приключениях⁶. Аналогичным образом поступили Уильям Муркрофт и Джордж Требек — ответственные чиновники английской Ост-Индской компании, которые в 1819—1825 гг. через Пенджаб и Афганистан добрались до Бухары. Собранные ими сведения о путях, ведущих на правобережье Амударьи, и местной обстановке составили два тома общим объемом около тыся-

¹ Vladimir et Zara on les Kirguises, poeme en quatre chants/ par C. Clairmont. P., 1836.

² На каз. яз: Клермонт К. Владимир и Зара. Пер. Г. Муканова. А.-А., 1989.

³ Живописное путешествие по Азии... Пер. Е. Корша. Т. 1. М., 1839.

⁴ Там же. Т. 1. С. 172—180; Т. 3. М., 1840. С. 111.

⁵ Там же. Т. 3. С. 63.

⁶ Hansteen Ch. Reise-Erinnerungen aus Sibirien. Leipzig, 1830. S. 152—160.

⁷ Haxthausen A. Studien über die innern Zustände das Volksleben und insbesondere die Landlichen Einrichtungen Russlands. Hanovre, 1848.

⁸ The Russian Empire, its people, institutions and resources: Translated by R. Farie. L., 1856, 2 vols.

¹ Современник. 1857. Т. 64. № 7. С. 18.

² Отечественные записки. 1827. № 3. С. 568.

³ Русская старина 1886. № 7. С. 23—54.

⁴ Записки Зап.-Сибирского отдела РГО, 1881. Кн. 4. С. 1—35.

⁵ Памяти М. А. Кастрена: К 75-летию со дня смерти. Л., 1927; Муравьев В. Б. Вехи забытых путей. М., 1961.

⁶ Murray H. Historical account of discoveries and travels in Asia... Vols. I—II.—Edinburg, 1820 etc.

чи страниц¹. Со своей стороны в это же время Россия проводит ряд военно-административных мероприятий по закреплению «присоединенных» частей Казахской степи, продвигаясь по ней в южном направлении; предпринимает попытки сближения и установления дипломатических отношений с Хивой. Неудачные командировки в Хиву офицеров А. Субхангулова и Н. Германа, чиновника М. Бекчурина и караван-баши А. Ниязмухамедова² были лишь эпизодами истории той поры — приближавшейся борьбы за среднеазиатский плацдарм. В 1832 г. из Индии через Афганистан было отправлено в Бухару «дипломатическое» посольство во главе с лейтенантом Александром Борнсом, пробывшем в Бухаре около года. Одной из целей этого посольства было изучение местности на случай военных действий с Россией. Находившийся в составе посольства лейтенант Джон Вуд проник к верховьям Амударьи и дал описание этого района. Материалы исследований Вуда использовал английский ориенталист Г. Юль, написавший статью о гидрографии бассейна Амударьи. Англичане уделяли все большее внимание географическому изучению Арало-Каспийской низменности, Аральского моря и его окрестностей,

районам Амударьи и Сырдарьи³. Новое издание работы Д. Вуда, подготовленное его сыном, вышло в Лондоне в 1872 г. В том и другом выпусках книги имеются довольно подробные сведения о занятиях, нравах и обычаях приаральских казахов, слабом влиянии мусульманской религии среди них⁴. Глава упомянутого выше посольства, член Королевского общества и по «совместительству» политический агент английского правительства в Афганистане Александр Борнс оставил описание своего путешествия в Бухару, в котором имеется глава «Река Окс или Аму и несколько замечаний об Аральском море».

В нижней части течения Аральского моря, замечает автор, «количество отводимой воды для искусственного орошения так велико, а число рукавов его так значительно, что при устье оно образует болотистую дельту, поросшую тростниками и другими водяными растениями, недоступную для земледельца и неспособную сделаться полезной для человека по причине своей неизменной сырости»⁵. Борнс упоминает о предании «об одном из многочисленных островов» Аральского моря, по которому «будто-бы какая-то орда со всем рогатым скотом своим и со всеми

овцами однажды перешла на него по льду и с тех пор не имеет возможности перейти обратно»¹.

В 1840—1841 гг. по Сибири путешествовал англичанин Чарльз Герберт Котрель. Он посетил Оренбург, Петропавловск, Омск, Бухтарминск и Усть-Каменогорск, составил описание этих городов, а также образа жизни, быта, обычаев, внешнего облика, религиозных верований, одежды, пищи и жилища казахов². Автор книги — ярый расист. Казахов он называет «дикими и нечеловеческими по своему внешнему виду», у русских он замечает только «алкоголизм», «подозрительность», «восточный склад характера»³.

Вслед за А. Борнсом и Дж. Вудом в Хивинское и Бухарское ханства отправились полковник Чарльз Стоддарт, капитаны Джеймс Аббот, Ричмонд Шекспир и Артур Конолли, за действиями которых зорко следили в России⁴. Р. Шекспир опубликовал отчет о своей поездке из Герата в Оренбург⁵. Но его «коротенький путевой журнал», по оценке Е. П. Ковалевского, «исполнен ошибок и, конечно, мало прибавит сведений к тем,

которые мы имеем о пройденных им местах»⁶. Более того обнаруженное советским историком Н. Халфиным дело за № 6996 в Центральном государственном военно-историческом архиве проливает дополнительный свет на истинные цели «дипломатических» миссий Р. Шекспира и др. его коллег⁷.

Двухтомный труд Д. Аббота свидетельствует о предпринятых англичанами действиях с целью втянуть Хиву в орбиту английской политики, направить ее против России и казахов, принявших российское подданство. В книге говорится также о том, что по настоянию Аббота хивинский хан предоставил ему информацию относительно пограничных районов⁸.

«Любопытный» англичанин был задержан группой казахов во главе с батыром Есетом близ Ново-Александровского укрепления на Мангышлакском полуострове и выдан русским властям⁹. 4 мая 1840 г. начальник укрепления доносил, что задержанные им люди, «называющие себя англичанами, шатаясь по степи собирают между туркменами и киргизами скопища, передают свои злые умыслы

¹ Moorcroft W., Trebeck G. Travels in the Himalayan provinces of Hindustan and the Punjab; in Ladakh and Kashmir; in Peshawar, Kabul, Kunduz and Bokhara. Vols. I. II. L., 1837.

² См.: Труды Оренбургской уч. архивной комиссии. 1914. Вып. 30. С. 119—126.

³ Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Аму-Дарьи: Пер. с англ. О. А. Федченко, доп. и примеч. А. П. Федченко и Ханькова // Приложение к 6-му вып. т. IX «Известий РГО» Personal narrative of a journey to the sources of the Oxus by John Wood. L., 1841; Wood H. Lake Aral and the Roof of the World // The Geogr. Magazine. 1876. July; The Shores of Lake Aral. L., 1876; Rickmer W. R. The basins of the Caspian and the Aral // The Geogr. Magazine. 1876. April 1.

⁴ A Journey to the Source of the river Oxus. By Captain John Wood / Edited by his son. L., 1872.

⁵ Борнс А. Путешествие в Бухару: рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с поларками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию: Пер. с англ. Ч. 3. М., 1849, С. 269.

¹ Там же С. 272. (Имеется в виду, очевидно, остров Барса-Кельмес).

² Cottrell Ch. H. Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841. L., 1842. pp. 28, 33—37, 54, 156.

³ Ibid. pp. 34, 409—410.

⁴ См.: «Записки РГО» по отделению этногр. Т. 1. 1867. С. 95—113; «Вестник РГО». Ч. 17. Кн. 3. 1856. С. 1—4 (отд. 4).

⁵ Shakespear R. A personal narrative of a journey from Heraut to Orenburg on the Caspian in 1840 // Blackwood's Edinburgh Magazine. Edinburgh. Vol. 51, No. 320. June 1842. pp. 691—720.

⁶ Ковалевский Е. П. Странствователь по суше и морям. Кн. 1—2. СПб, 1843, С. 168—169.

⁷ Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30—40-х годах XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР, 1958. № 2. С. 102—112.

⁸ Abbot J. Narrative of a journey from Heraut to Khiva, Moscow and St. Petersburg during the late Russian invasion of Khiva; With some account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. L., 1843, Vol. I. P. 100.

⁹ Галкин М. Показания аванцев и туркмен, сопровождавших в 1840 г. английских путешественников Аббота и Шекспира из Герата в Хиву и оттуда на Каспийское море // Записки РГО, отд. этногр. Т. 1. 1867. С. 95—113.

и побуждают разным неприятностям против России»¹. Но книга Аббота содержит ценные наблюдения из жизни казахов Младшего жуза. Автор был в Даш-Кале (Ново-Александровск), описал свои приключения среди казахов, встречу с казахскими баями Черкешом и Ярмухамедом², «маленький рыбацкий городок Гурьев», Уральск и Оренбург³. Казахов называет он своим именем и отзываясь о них так: «Манеры их грубы и необтесаны, но гостеприимны, добродушны, честны, неиспорчены пороками своих соседей». Представляет интерес и нуждается в дополнительном изучении информация Аббота о введении царским правительством воинской повинности среди казахов Младшего жуза. «В обязанности казахов,— пишет он,— вменено снабжение для службы государству вооруженными всадниками и они ездят на маленьких, но выносливых лошадях, вооружены жалкими длинными копьями, саблями и фитильным ружьем»⁴. Сведения примерно такого же содержания встречаются в книге Хавьер Хоммер де Хелла «Путешествие в Прикаспийских степях, Крыму, по Кавказу», изданной также в Лондоне. Говоря о казахах Букеевской орды, он утверждает: «Они пользуются определенной независимостью, хотя бы формально. Имеют своего суверенного хана, налога не платят и единственная обязанность, навязанная им, состоит в том, что

должны выставить кавалерийский корпус во время войны»⁵. Автор далее кратко излагает историю образования Букеевской орды, указывает численность этого ханства в 40-х годах XIX в. Об участии казахских, башкирских и татарских формирований в русско-прусской войне 1758 г. и Отечественной войне 1812 года в свое время писали периодические издания многих западноевропейских стран. Основываясь на них, современный английский историк М. Андерсон пишет: «Разрушительные действия в Восточной Пруссии в 1758 году, в основном, нерусских нерегулярных частей способствовали временному взрыву интереса к татарскому, башкирскому и киргизскому народам России. Но публикации об их обычаях, языках и расовой принадлежности, появившиеся в то время в разных периодических изданиях, содержали мало достоверной информации»⁶. Отмечали лишь «жестокость» («fertility») этих войск, которая проявилась, по их словам, и в сражении с польскими конфедератами. «В войне против Пруссии в 1758 г. нерегулярные части нерусских национальностей — казачья, киргизская и башкирская кавалерия,— по словам автора,— показали себя мобильными и мощными силами»⁷. Об этом писала в свое время и британская пресса⁸.

В 30—40-х годах XIX в. появился ряд работ в США (Ч. Массон,

А. Палмер и др.), которые свидетельствовали о повышении интереса к среднеазиатскому региону¹, но значительно уступали по объему информации публикациям англичан. Наиболее содержательной, вышедшей из-под пера европейцев в I половине XIX в., является книга английского художника и путешественника Томаса Уитлама Аткинсона². В 1848 г. он вместе с женой совершил путешествие из Петербурга по Казахстану и Сибири к Алтайским горам, которое длилось 7 лет. По словам самого Т. Аткинсона, мысль о поездке родилась у него вследствие замечания А. Гумбольдта, что внутри Азии предстоит еще разрешить множество географических, этнографических и других вопросов. В течение 1849 г. Аткинсоны посетили районы Каратау, Зайлиского Алатау, Актау и Мустау, добрались до Капала, в то время «крайнего русского форпоста на юге». В Санкт-Петербург вернулись в декабре 1852 г. Жена Аткинсона (вдова) отдельным томом выпустила позднее свои воспоминания о путешествии по азиатской части России. В русском переводе книги Аткинсонов вышли в 1865 г. вместе с выдержками из сочинений А.-Т. фон Миддендорфа, Ф. Радде и др. ученых-путешественников. Составители сборника старались соединить в одну общую картину

разбросанные в обоих книгах Аткинсона и его жены сведения об азиатской России и Казахской степи³. В 1970 г. работа Т. Аткинсона была выпущена отдельным изданием в США под заголовком «Восточная и Западная Сибирь». В книге даны обстоятельное по тому времени описание восточных областей Казахстана, их жителей, характеристика отношений между отдельными родоначальниками, султанами и царскими властями, хозяйства казахов и казачьих станиц. По пути из Аягуза в Семипалатинск Аткинсон встретился с султаном Батыром, в районе Алакуля — султаном Буланом, «пользовавшимся,— по словам англичанина,— известностью в той местности», а в районе озера Балхаш был в ауле султана Барака⁴. Сообщает о взаимоотношениях баев Махмуда, Джаныбека и Сырдака. Среди этих фигур обращает на себя внимание имя Барака, по-видимому того, о ком известил в письме своему другу Густаву (II июня 1848 г.) из Аягуза польский революционер Адольф Янушкевич, который видел его вместе с Кунанбаем — отцом великого казахского поэта, просветителя-демократа Абая и известного акыном-импровизатором Орынбаем. Аткинсон в целом высоко отзывался о доблести, гостеприимстве и поэтическом даре казах-

¹ Цит. по: Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 50.

² Abbott J. Op. cit. Vol. 2. PP. 1—67.

³ Ibid PP. 74—80.

⁴ Ibid. p. X/vii

⁵ Hell H. H. de. Travels in the Steppes of the Caspian Sea, the Crimea, the Caucasus, etc. L., P. 261.

⁶ Anderson M. S. Britain's discovery of Russia 1553—1815. L., N. Y., 1958, P. 84.

⁷ Ibid. P. 140.

⁸ См.: London Chronicle, 9—12 December 1758.

¹ Халфин Н. Американское проникновение в Индию и Афганистан в первой половине XIX в. // Звезда Востока (Ташкент), 1952. № 11. С. 84; Есмагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация (англо-американская историография о Казахстане), А.-А., 1976. С. 40; Palmer A. Memoir geographical, political and commercial on the present state, productive resources and capabilities for commerce of Siberia, Manchuria. N. Y., 1848; Babey A. Americans in Russia 1778—1917. A Study of the American travellers in Russia from the American Revolution to the Russian revolution. N. Y., 1938. pp. 5—6, 16, 38, etc.

² Atkinson T. W. Oriental and Western Siberia; a narrative of 7 years explorations and adventures in Siberia, Mongolia, the Kirghiz Steppes, Chinese Tartary and part of Central Asia. L., 1858.

³ Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. фон-Миддендорфа, Ф. Радде и др./ Составили А.-фон-Этцель и Г. Вагнер: Пер. с нем. СПб, 1865.

⁴ Там же. С. 289, 304, 401.

ского народа. «Имея хороших офицеров,— говорит он,— киргизы могли бы составить лучшую кавалерию в мире. Им присущи все качества, прославившие в истории знаменитые полчища Чингисхана». В юрте Махмуд-бая встречается с одним из казахских поэтов-сказителей (возможно, с тем же Орынбаем или кем-то другим), об исполнительском мастерстве которого пишет: «Наверное, даже Гомера не слушали с большим вниманием, чем этого поэта пастухов, певшего о героическом прошлом. Киргизский акын пользуется не меньшим влиянием у своего народа, чем Гомер у древних греков. Когда этот бард пел о красоте гор и степей, о киргизских скакунах, лица его слушателей оставались спокойными, но стоило ему начать повесть о славных битвах, как их лица преобразились. Киргизы были так взволнованы, что некоторые из них вскочили с места и схватились за боевые топоры... Такова была власть этого неграмотного барда над сердцами своих собратьев. Долго я слушал его вдохновенные песни». Аткинсон интересуется сказаниями и легендами, связанными с названиями местностей: Каракөл (Қаракөл), гора Калмак (Қалмақ-тау), Актас (Ақтас), Иртыш (Ертіс) и др., а также преданиями, свидетельствующими о вековых народных мечтах, о вере степных жителей в силу любви, справедливости и добра. Так, он на нескольких страницах излагает поэтический сюжет о любви молодого батыра Суюка — сына султана Старшего жуза Тимура и красавицы Ай-Ханум — дочери хана Джангера, об их победе и трагической гибели Ай-Ханум, ставшей жертвой тигра в камышовых зарослях р. Или.

Аткинсону запомнилась еще одна легенда, «свидетельствующая о поэтическом духе киргизов». В ней гово-

рится о том, что когда-то степи вокруг Нор-Зайсана были заселены могучими племенами. В те далекие, древние времена два великана, отец и сын, решили перенести гору Калмак от Тарбагатая к берегам Иртыша, туда, где теперь находится Усть-Каменогорск, чтобы запрудить здесь реку.

В окрестностях гор Каракол великаны остановились отдохнуть. Опустив на землю свою ношу, сын попросил у отца разрешения навестить свою невесту. «Помни, сын,— ответил отец,— что калым еще не уплачен и ты не можешь остаться у нее на ночь!»

Сын отправился к своей невесте. Ее красота произвела на него такое сильное впечатление, что он забыл отцовские наставления и пробыл у девушки всю ночь. Когда утром молодой великан вернулся, он не смог поднять свою половину горы, как ни старался. Поняв, что сын ослушался его, отец рассердился и бросил на землю свой край горы. Обрушившись, гора погребла их обоих.

Напрасно мать ожидала возвращения сына с мужем. Она отправилась вслед за ними и вскоре увидела гору, под которой были погребены дорогие ей люди. Долго и безутешно лила она слезы, сначала кроваво-красные, как горный камень, а потом чистые и прозрачные, как вода ручья. Скалы, молчаливые свидетели ее горя, сохранили следы этих слез — в пяти верстах к югу от горы Калмак всюду видны вкрапления кварца и белой глины. Киргизы называют это место Актас, что значит «белый камень».

Не выпали из поля зрения Аткинсона и памятники истории и археологии: древние курганы и мазары, встречавшиеся на северных склонах Алатау, между Зайсаном и Балха-

шом¹. Книга иллюстрирована зарисовками Аткинсона из жизни казахов: «Бой киргизских всадников», «Ночное нападение на аул» и др.²

В целом в книге Аткинсона представлена широкая панорама социально-экономической и политической жизни казахов. Она не исчерпала своих познавательных возможностей и поныне.

Изучение Средней Азии и Казахстана в Западной Европе и США в XIX в. все больше велось под большим влиянием успехов естествознания, возникавших в его недрах идей и концепций, находилось в тесной связи с историей буржуазного мировоззрения того времени. Развитие научного мировоззрения эпохи подъема буржуазии блестяще охарактеризовано Ф. Энгельсом в его «Диалектике природы» («Введение», написано в 1875—1876 гг.). В основе этого развития лежали борьба зарождавшегося капитализма с феодальными силами, формирование «современных европейских наций и современного буржуазного общества», это был «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством». «С этого времени пошло гигантскими шагами также и развитие наук»³. Особенно больших успехов достигла географическая наука. Вивьен Сен-Мартен — один из крупнейших французских географов XIX в. говорил: «Во все времена и у всех народов география следовала по пятам цивилизации и

в некоторой степени служила мерилom ее прогресса... Исследование земного шара — не только одна из отраслей истории науки, но и отражение истории человечества»⁴. Географические исследования Средней Азии и Казахстана подытожил в своем двухтомном труде К. Ф. Свенске, высоко оцененном Н. Г. Чернышевским⁵. Расцвет географической науки в первой половине XIX в. во многом был обязан трудам А. Гумбольдта и других передовых мыслителей Германии. К. Свенске справедливо отметил: «Одна Германия принимала, по видимому, мало участия в общем состязании первенствующих держав на этом поприще; но это только так кажется. Немногие, правда, из ее среды путешествовали в последнее время по Азии, но в числе этих немногих мы видели Гумбольдта, одно имя которого перевешивает сонмы обыкновенных путешественников»⁶.

А. Гумбольдт жил и творил в эпоху величайших социальных и промышленных революций и научных открытий; был свидетелем заката естествознания XVIII века, рождения и расцвета естествознания новой эпохи. Он оставил за собой 636 книг — исследований, трактатов, увесистых томов, которые охватывают географию, геологию, археологию, этнографию, историю, политическую экономию и многие другие отрасли знания. В 1829 г. Гумбольдт совершил путешествие из Петербурга до Барнаула через Казахстан вместе с

¹ Там же. С. 401—407.

² Там же. С. 287—288, 492.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 347.

⁴ Цит. по: Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. Пер. с англ. М., 1950. С. 493.

⁵ См. Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. 3. М., 1947. С. 451—453.

⁶ Свенске К. Обзорение главнейших путешествий и географических открытий. // Вестник РГО. 1851. Т. 1. Кн. 1. С. 84.

биологом Х. Г. Эренбергом и минералогом Г. Розе. На обратном пути из Сибири остановились в Астрахани. А. Гумбольдт со своими спутниками побывал в Усть-Каменогорске, Бухтарминске, Семипалатинске, Петропавловске, Уральске, «столицах» Степного края — Омске и Оренбурге, на Каспийском море и озере Эльтон. По результатам экспедиции опубликованы работы «Путешествие в 1829 г. по Сибири и Каспийскому морю» А. Гумбольдта (СПб, 1837) и «Минералого-геогностическое путешествие на Урал, Алтай и Каспийское море» Г. Розе (Берлин, 1837, 1843). Собранные в ходе экспедиции и дополнительно полученные от русских ученых материалы вошли в новую трехтомную книгу А. Гумбольдта «Центральная Азия», написанную на французском языке (Париж, 1843). В том же году все, что относилось в ней к Средней Азии и Казахстану, было переведено на русский язык и опубликовано в «Отечественных записках»¹. Ученого интересуют страницы древней и средневековой истории казахского народа. В «Центральной Азии» Гумбольдт приводит, например, записи византийского историка Менандра, описывающего обычаи и нравы тюркских племен, из работ Абулгази и Рашид-ад-Дина — сведения о «киргизских племенах» и их этнической территории. Во время экспедиции А. Гумбольдт проявлял живой интерес к жизни казахов, беседовал с казахскими биями, среднеазиатскими купцами². В своем письме к Р. Шелеру из Астрахани ученый писал: «Я должен еще упомянуть

как о светлых моментах и приятных впечатлениях — о конских скачках и музыкальном киргизском празднике в степи близ Оренбурга»³. На торжестве, устроенном председателем Пограничной комиссии Г. Ф. фон Генсом в честь А. Гумбольдта и его спутников, съехалось немало казахских певцов, поэтов-импровизаторов и музыкантов. В одном из своих писем он сообщает о «молодом хане Внутренней Орды Джангере Букееве, который говорил по-русски, персидски, арабски и был очень образованным человеком»... В письмах к В. Я. Струве, Е. Ф. Канкрину, Ф. Ф. Шуберту и др. русским ученым и государственным деятелям продолжал интересоваться новыми изданиями по Средней Азии и Казахстану, просил прислать «Историю Пугачева» А. С. Пушкина, «Описание киргиз-казахских или киргиз-кайсацких орд и степей» А. И. Левшина, карту окрестностей Иссык-Куля⁴.

Материалистический подход к рассматриваемым, явлениям природы выдвигал А. Гумбольдт в ряды передовых мыслителей-материалистов его времени. Ф. Энгельс, намечая исторические вехи в развитии науки, называл имя Гумбольдта в ряду других ученых, творческая деятельность которых послужила развитию материалистического направления в естествознании⁵. Успехи последнего оказали воздействие на развитие общественных наук, становление в них школ и течений, которые вплотную подошли к пониманию необходимости материалистического подхода к рассмотрению истории.

А. Гумбольдт вместе с другим великим немецким ученым Карлом Риттером создали науку «Землеведения» («Erdkunde») в обширном смысле, одинаково тесно связанную с естествознанием и гуманитарными науками. В истории научной географии К. Риттеру принадлежит место рядом с А. Гумбольдтом и другими светилами. Основным принципом научной географии он выдвинул принцип: страна влияет на жителей, жители на страну¹. Многотомное сочинение К. Риттера «Землеведение Азии», созданное им в 30-х гг. XIX в., с дополнениями и примечаниями П. П. Семенова, В. В. Григорьева, Г. Н. Николаева и других исследователей вышло на русском языке в 60—70-х годах XIX в. Историко-этнографические, географические сведения о Средней Азии и Казахстане, а также исследования западноевропейских и русских ученых (А. Гумбольдт, Г. Розе, Т. Аткинсон, Г. П. Гельмерсен, К. Ф. Ледебур, Г. Клапрот) подытожены К. Риттером в четвертом и шестом томах «Землеведения Азии». Говоря о роли обобщающих работ, подобных трудам А. Гумбольдта и К. Риттера, П. П. Семенов писал: «Сопоставление, сличение и критическая оценка и выводы, к которым приводит такое сопоставление, выдвигает вперед географическую науку не менее чем первоначальные, непосредственные, но разрозненные и более или менее специализированные исследования»².

Таким образом, труды А. Гумбольдта и К. Риттера, значительно опередив свое время, в методологическом плане выступили связующим звеном в развитии общественной мысли между двумя периодами изучения Средней Азии и Казахстана в странах Европы и США. Однако хотя исследование природы, зародившееся «в обстановке всеобщей революции», было само «насквозь революционным», оно все же исходило из идеи «об абсолютной неизменяемости природы». «В природе отрицали всякое изменение, всякое развитие». В этом сказывалось то, что наука еще не умела освободиться до конца от религиозного взгляда на мир, она «все еще глубоко увязает в теологии»³. По словам Ф. Энгельса, хотя прогресс науки совершенно расшатал это устарелое воззрение на природу, вся первая половина XIX века все еще находилась под его господством...⁴. Но идея эволюции, которая лежала уже в основе многих достижений географической и других естественнонаучных дисциплин в первой половине XIX в., и стала вытеснять устарелые воззрения, не могла не проникнуть в науку о человеке и его культуре. Постепенно эволюционистское направление стало не только главенствующим в западной исторической и этнографической науке, но и само изучение истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана велось, по сути, путем естественнонаучных методов.

¹ См.: Отечественные записки. 1843. Т. 30. № 9. С. 1—18; № 10. С. 71—94; № 11—12. С. 1—11.

² Горный журнал. 1830. № 10. С. 109.

³ Переписка А. Гумбольдта с учеными и государственными деятелями. М., 1962. С. 87.

⁴ Там же. С. 87, 110, 112.

⁵ См.: Энгельс Ф. Диалектика природы. Госполитиздат, 1955. С. 153.

¹ Известия Оренбургского отдела РГО. Вып. 20. 1906. С. 165.

² Риттер К. Землеведение Азии: География стран, входящих в состав России или пограничных с нею Сибири, Китайской империи, Туркестана, независимой Татарии и Персии. Т. IV. СПб, 1877. Предисловие.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20, С. 349.

⁴ Там же. С. 350.

Историко-этнографические исследования Казахстана во второй половине XIX — начале XX вв.

Процесс изучения Средней Азии и Казахстана во второй половине XIX в. отмечен зарождением и становлением этнографии, истории и других отраслей знаний о человеке в самостоятельные научные дисциплины. По авторитетному заключению В. Бартольда: «В области языкознания, истории и этнографии только в XIX в. были выработаны те методы исследования, благодаря которым эти отрасли знания впервые получили характер научных дисциплин»¹. Прежде этнография рассматривалась преимущественно как естественная наука и тесно связывалась с антропологией, общей наукой о человеке, а в англоязычных странах называлась этнология. В 60—70-е годы она становится на ноги, появляются общие концепции, осмысляющие факты материальной и духовной культуры, бытовой жизни народов. Появляются научные этнографические и антропологические общества. Самым ранним из них было «Парижское общество этнологии» («Société d'Ethnologie de Paris», 1839), которое позже было сменено «Обществом антропологии» («Société d'anthropologie», 1859) и «Обществом этнологии» («Société d'ethnologie», 1859). В Нью-Йорке (США) в 1842 г. образовалось «Американское этнологическое общество» (American Ethnological Society). В Англии почти одновременно (1843) возникло «Этнологическое общество» (Ethnological Society), а в 1863 г. — «Антропологическое общество» (Anthropological Society); в 1971 г. оба они слились, образовав «Королевский

Антропологический Институт Великобритании и Ирландии» (Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland). В Германии «Общество антропологии, этнологии и доистории» (Gesellschaft für Anthropologie, Ethnologie und Urgeschichte) появилось в 1869 г. и с того же года начало издавать свой журнал «Zeitschrift für Ethnologie». В Италии в 1871 г. было основано «Итальянское общество антропологии и этнологии» (Società italiana di antropologia e di etnologia) во Флоренции и одновременно общество под таким же названием в Риме. Свидетельством зарождения новой науки было появление в 1874 г. особого справочника — руководства для полевых этнографических наблюдений «Notes and Queries on Anthropology». Он был издан «Британской ассоциацией прогресса наук», «чтобы содействовать точным антропологическим наблюдениям путешественников и чтобы помочь тем, кто не антрополог, собирать информацию, требуемую для научных исследований у себя дома»².

За предыдущие два-три столетия в европейских странах накоплено было уже много фактического материала по истории и этнографии народов Востока. И он продолжал быстро пополняться и во второй половине XIX в. в силу практических потребностей европейских государств, превратившихся в колониальные державы. Управление населением колоний, стремление распространить свое влияние на новые территории требовали каких-то, пусть элементарных,

знаний о быте, занятиях, верованиях и культуре народов. «...Изучение дикой жизни, — писал Джон Лёббок, — один из основоположников этнографической науки в Англии, — имеет особенную важность для Англии, составляющей великую державу, колонии которой рассеяны по всем частям света и в числе граждан которой есть люди, стоящие на всех ступенях цивилизации»¹.

Говоря о развитии науки на этом общем историческом фоне (создание колониальных империй), нельзя забывать внутреннюю логику и императивы самой науки. Накопление массы исторических, этнографических, географических материалов по Средней Азии и Казахстану требовали приведения их в систему; осмысления и обобщения, введения их в научный оборот. Ученые стали сопоставлять географические особенности отдельных частей материка с бытом их населения и таким образом выяснять значение географического фактора, как «основной причины», которой-де определяется судьба отдельных стран и народов. Многие историки и этнографы, вдохновляясь успехами естествознания, распространяли идею эволюции на развитие человеческого общества, применяли методы и принципы естественных наук в изучении истории и культуры народов. Историки и этнографы, как и представители естествознания, придерживались: идеи единства человеческого рода и вытекающего отсюда единообразия развития культуры; положения об одноли-

нейности этого развития — от простого к сложному; выводили законы эволюции общественного строя и культуры из психических свойств индивида. Эти идеи по-разному преломлялись у отдельных представителей эволюционистского направления.

Одним из крупных представителей эволюционистской школы в Германии был Адольф Бастиан (1826—1905), немецкий этнограф и путешественник. Собирая этнографические материалы, в 1889—1891 годах он побывал в Средней Азии. Основной его труд называется «Человек в истории» («Der Mensch in der Geschichte», 1860), в котором он изложил передовые для того времени идеи: единство человеческого рода, единообразие человеческого сознания, умственный прогресс, зависимость его от условий среды и пр. Подобный методологический подход способствовал тому, что развитие исторических и этнографических наук еще долго шло параллельно с естественнонаучными, даже более благоприятствовал на определенных этапах опережающему развитию географического изучения среднеазиатского региона. Во второй половине XIX в. в Германии и др. странах появились работы, посвященные как комплексному исследованию всей Казахской степи², так и ее отдельных частей. Так, объектом исследовательского интереса профессоров географии Готфрида Мерцбахера и Фрица Махачека стали важные стратегические пункты Центрального Тянь-Шаня³. Книга последнего, написанная на базе материалов экс-

¹ Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России... С. 126.

² Notes and Queries on Anthropology / Ed. for the British Association for the Advancement of Science. 4-th ed. L. 1912. p. 111.

¹ Лёббок Дж. Начало цивилизации. СПб, 1876. С. 8.

² Marthe F. Aus dem Kirghizenlande. Aus dem Russ. Zeitschrift der Gesellschaft der Erdkunde. Berlin. 1866.

³ Merzbacher G. The Central Tian-Schan mountains. L., 1905; Idem. Von meiner neuen Tian-Schan Expedition. München, 1907 und 1908; Mächatschek F. Landeskunde von Russisch Turkestan. Stuttgart, 1921.

педиции 1911—1914 гг. в западную часть Тянь-Шаня, вобрала в себя и материалы, заимствованные у немецких и русских авторов работ о Туркестане. Ф. Махачек дает не только географическое описание края, но и этнографическое. Шестая глава книги содержит обширные данные о казахах и киргизах, образе жизни, этнической территории, занятиях и их численности, разделении на роды и племена. Автор отмечает «подвижность, гостеприимство, восприимчивость ко всему окружающему, впечатлительность» и другие качества этих народов. Особо выделяет «пристрастие их к поэтическому творчеству и музыке»¹.

Приват-доцент Гёттингенского университета Макс Фредериксен совершил путешествие в Джунгарское Алатау летом 1902 г. в составе экспедиции под руководством профессора В. В. Сапожникова. Наряду с геологическим и петрографическим описанием мест и горных пород на пути от Верного до Копала, он приводит подробные сведения о городах Семиречья². А. Пакуэтом описано географическое положение восточных районов Казахстана со значительным этнографическим материалом, сопровождаемым зарисовками антропологического типа народностей Алтая. На 26-й стр. книги приведено изображение: «Киргизский юноша на коне»³.

Естественные науки смело вторгались в этнографию и историю. Круп-

ный немецкий ученый Фердинанд фон Рихтгофен в числе задач, подлежащих изучению географической науки, указывал: «исследование человека и отдельных моментов его материальной и духовной культуры»⁴. Именно такой подход определяет структуру и тематику исследований немецких ученых-естествоиспытателей Отто Финша и Альфреда Брема. Совместная их работа «Путешествие в Западную Сибирь» представляет собой свод самых разнообразных сведений по истории и этнографии казахского народа, экономике и географии края. Авторы указывают в ней места залегания полезных ископаемых, описывают состояния земледелия, скотоводства и добывающей промышленности в Семиречье, Центральном и Восточном Казахстане в 70-х годах XIX в., излагают историю присоединения казахских земель к России, строительства укрепленных линий в степи, пытаются проникнуть в суть социальной структуры казахского общества, сообщают о судопроизводстве и административном управлении в крае. Книга их содержит в себе большой этнографический материал о различных сторонах жизни казахов (игры и развлечения, музыкальные инструменты, жилище, одежды, пища, обычаи, космогонические и медицинские представления). О. Финш и А. Брем отдают дань некоторым стереотипным измышлениям о казахах («дикости», «воровстве», «лености», «непривлекательном облике» и т. п.),

¹ Machatschek F. Op. cit. S. 119.

² Friederichsen M. Reisebriefe aus Russisch Central Asien // Mitteilungen der Geographischen Gesellschaft in Hamburg, Band XVIII, 1902; Idem. Überland und leute der Russischen Kolonisationsgebiete des Generalgouvernements Turkestan // Geogr. Zeitschr., 1903; Idem. Forschungsreise in den Zentralen Tienschan und Dsungarischen Ala-Tau. Hamburg, 1904.

³ Raquet A. Südsibirien und die Nordwestmongolei politische-geographische studie und reisebericht an die geographische gesellschaft. Jena, 1909.

⁴ Известия Оренбургского отд. РГО. 1906. Вып. 20. С. 73—74.

распространенным идеологами колониализма и теми иностранцами, которые подходили к оценке незнакомого народа с позиции европейских традиций и ценностей. В то же время немецкие ученые высоко отзываются о «бескорыстном гостеприимстве и предупредительности», «отзывчивости», «умственной способности казахов»¹.

«Киргизы, — указывают они, — как известно, обладают весьма развитой народной поэзией, которая при посредстве импровизаторов, передается из рода в род... Поэма, описывающая подвиги героя Кузу-Керпеча (Козы Корпеш. — К. Е.) — погребенного, по преданию, недалеко от Аягуза... включает в себе не менее 1365 стихов и поражает столь же простотою рассказа, сколько нередко поистине поэтическим содержанием»².

После смерти Брема в Штутгарте в 1890 году вышел сборник его лекций под названием «От Северного полюса к экватору». Это увлекательное повествование о его путешествиях, в том числе по Средней Азии и Казахстану. В главах сборника «Кочующие пастухи и кочующие стада», «Общественная и семейная жизнь киргизов» дается характеристика общественного строя казахов, их быта, национальных игр, семейного уклада³. Вторая из этих глав была напечатана в литературном приложении к журналу «Нива»⁴. Брем опять же с восторгом говорит о «рыцарских упражнениях», воспитывающих в мужчинах отвагу, ловкость, выносливость, силу, таких, как байга, борьба, охота с беркутами или борзыми. Его

восхищают выразительность казахского языка, поэтическая одаренность народа, самобытное искусство «бардов», человеческие взаимоотношения, освященные древними законами гостеприимства, уважения, высоким понятием о чести. Предоставим лучше слово самому автору: «Сознание своей силы, ловкости, искусства в верховой езде и в охоте, создание своего поэтического дара и восприимчивого ума, чувство самостоятельности и свободы, развитого степью, придает киргизу уверенную, полную достоинства осанку...»

Нельзя не согласиться с тем, что киргиз имеет весьма много хороших и весьма мало дурных сторон... добродушный, уступчивый, всегда готовый помочь, вежливый и предупредительный, гостеприимный и великодушный, он является в своем роде превосходным человеком, теневые стороны которого тем легче изменяются, чем проще и беспристрастнее к нему относишься. Брем записал текст свадебной песни-импровизации, которую жених пел перед юртой невесты:

Ты, дева, несешь мне
страданье и муку,
Уж трижды я тщетно
являлся к тебе,
Но ты не проснулась, твой сон
был так крепок,
И ты не услышала песню мою.
Зато когда к ночи рядами
верблюдов
Привяжут плетеной уздой,
Тогда утолитса души моей
жажда
Я вновь появлюсь пред тобой,
Взгляну тебе в очи, и снова
вернется
Надежда и радость ко мне.

¹ Финш О. и Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. С. 131, 146.

² Там же. С. 99—100.

³ Brehm A. E. Von Nordpol rum Aequator. Populäre vortrage. Stuttgart. Berlin. Leipzig, 1890. S. 48—75, 373—423.

⁴ Брем А. Бытовая и семейная жизнь киргизов // Нива, 1894. № 2. С. 326—426.

И вместе с желаньем
проснется и бодрость
В истерзанном сердце моем.
Напиться спрощу, утолить
свою жажду
И, сжалившись, ты принесешь
мне кумыс,
Посмотришь в глаза ты мне
ласково взором
Излечишь страданья мои...

В 1896 г. журнал «Нива» опубликовал еще один очерк Брема «Степные кочевники — скотоводы»¹, являющийся как бы продолжением и дополнением предыдущей статьи.

Успеху Бременской экспедиции во многом способствовали губернатор Семипалатинской области, знаток и исследователь среднеазиатских земель генерал-лейтенант В. А. Полторацкий и его жена Л. К. Полторацкая, публиковавшая несколько добротных статей по этнографии казахского народа под псевдонимами «Масальская Л. К.», «О.», «Л. П-я», и «П.»²

Принципа взаимозависимости человеческой истории, обычаев и нравов, духовной культуры народа с географической средой придерживался в своих исследованиях известный немецкий этнограф, географ и историк Фридрих-Антон Геллер Гелльвальд (1842—1892). «Санкт-Петербургские ведомости» (1873, № 201) в отзыве на работу ученого «Русские в Средней Азии»³ писали: «Немцы не отстают от англичан в изучении Средней Азии. Книга Фридриха Гелльвальда едва-ли не представляет, по обилию собранных в одно целое сведений об этой мало еще известной стране,

наиболее замечательное из всех изданий подобного рода», т. е. обширных сочинений, посвященных среднеазиатской тематике. «При составлении ее Гелльвальд воспользовался всем, что только когда-либо было писано и печатано о Средней Азии, начиная со Страбона и кончая журнальными статьями конца прошлого года,— писал русский рецензент.—...с одной стороны, он сгруппировал по отделам все достоверные географические и исторические сведения, привел их в систему, осветил их научными выводами... Во второй части автор излагает свой взгляд на политическую сторону среднеазиатского вопроса, исходя из «призвания России — просвещать Восток», обусловленного ее географическим положением»⁴. Сам же Фр. Гелльвальд, говоря о принципах своей научной деятельности, указывает: «Не зная этнологии мы не можем сделать разумной оценки политических событий, без этнологии не мыслимо понимание исторического развития наций»⁵. Исходя из этого методологического ключа, он сосредоточивает свое внимание на бытовой жизни казахов (в передаче автора: «хазак»); описывает их физический облик: «Они вообще достигают глубокой старости; цвет волос на голове и бороде остаются почти неизменным; воспаление глаз составляет редкость; лихорадка и дизентерия не особенно распространены у жителей степей, которые вообще пользуются здоровым климатом...»⁶. Приведен рисунок «Женщина из пле-

мени кайсаков с дочерью», где изображено роскошное саукеле. Гелльвальд указывает на «своеобразный наряд женщин у кайсаков». Музыкальное искусство казахов, которое в отличие от А. Брема, не очень его чарует, пытается объяснить географическими условиями. «Они имеют многочисленные песни,— пишет Гелльвальд,— которые по своему необыкновенному однообразию, меланхолической и тихой мелодии представляют верное подобие монотонных степей». Среди женщин «чаще встречается контральт с своеобразным металлическим звуком. Аккомпанементом пения служит обычно род трехструнной балалайки»¹. Автор имеет в виду очевидно трехструнную домбру, которая была распространена не везде. Гелльвальд отмечает образность и поэтичность любовной серенады у казахов:

Тихо как тень, скользкая по волнам,
Безмолвно как лунный свет, отраженный в воде.
Крадется Зулейка на крыльях страстных
желаний

К робко ожидающему ее Мухаммеду
Среди ночной тишины...

Природе и народам Средней Азии Ф. Гелльвальд посвятил ранее специальную работу³. Но основным его трудом является четырехтомное сочинение «Земля и ее народы»⁴, в котором интенсивно использованы работы А. Е. Алекторовой, В. В. Радлова, А. И. Левшина, Б. Залесского и др. исследователей истории, этнографии и культуры казахского народа.

Воспитанник немецкой географической школы Свен Гедин — шведский ученый, знаменитый путешественник, живший среди казахов и киргизов в течение четырех месяцев, географическое описание Казахской степи также сопровождается весьма подробными характеристиками жизни ее жителей. Третье путешествие его в Среднюю Азию в 1893—1897 годах из Петербурга в Ташкент пролегало через Оренбург по Тургайской области, вдоль Аральского моря и реки Сырдарья. На пути лежало шесть малых городов: Орск, Иргиз, Казалинск, Перовск, Туркестан, Чимкент. В Туркестане внимание Свена Гедина привлекает мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. В городе, указывает он, «находится грандиозная мечеть-мавзолей, воздвигнутый в 1397 г. Тамерланом, а по бокам его возвышаются две живописные башни. На кровле мечети несколько дыневидных куполов. Облицовка из фарфоровой глины свалилась с фасада, но на двух стенках здания она вполне уцелела и пестреет голубой и зеленой краской. Мечеть обнесена четырехугольной глиняной стеной, которую построил Худояр-хан, внутри этой стены расположены русские казармы»⁵.

С. Гедин пользовался, как он отмечает в предисловии своей книги, советами «ветеранов географической науки» П. П. Семенова и барона Ф. Р. фон Остен-Сакена. С благодарностью вспоминает Н. М. Пржевальского, чтение описаний путешествия которого «впервые зажгло» у

¹ Нива: Ежемесячные литературные приложения. 1896. № 1. С. 131—158.

² См.: Известия РГО, 1876. № 4. С. 364—367; Природа и охота, 1879. № 3. С. 23—52; Русский вестник, 1878. Т. 137; Горизонт, 1988, 5 ноябр.

³ Hellwald F. Die Russen in Centralasien. Eine studie über die neueste Geographie und Geschichte Centralasiens.

⁴ Известия Западно-Сиб. отдела РГО. Т. 1. № 4—5. 1870. С. 61—69.

⁵ Гелльвальд Фр. Естественная история племен и народов. Т. II, СПб, 1883. С. 1.

⁶ Гелльвальд Фр. Там же.

¹ Там же. С. 761.

² Там же. С. 762.

³ Hellwald Fr. Centralasien. Landschaften und Volker in Kashgar, Turkestan, Kashmir und Tibet. Leipzig, 1875.

⁴ Гелльвальд Фр. Земля и ее народы. Пер. с последнего немецкого изд. в 4 томах / под ред. Ф. Груздева. Т. II. Живописная Азия (с картой и 130 рис.), СПб, 1899.

⁵ Гедин С. В Центральной Азии. Путешествие Свена Гедина в 1893—1897 годах в Памир, Тибет и Восточный Туркестан / Обработано А. Анненской. СПб, 1899. С. 17.

автора «страсть к изучению Азии»¹.

С. Гедин убежден в обусловленности национальных черт и культуры народа географической средой, в которой он живет. И это побуждает его обрисовать картину жизни казахов, их обычаи и обряды, национальные спортивные состязания (кокпар, конная скачка) в тесной связи со спецификой огромных степных пространств и климатических условий². О казахах шведский ученый отзывался так: «Киргизы — полудиккий народ, но очень способный, здоровый и добродушный. Для них всего на свете дороже свобода»³; «Мало-по-малу» я стал питать большую симпатию к киргизам». Отмечает «дружелюбие и гостеприимство»⁴ народа. Он верно уловил одну из черт степных жителей: «У киргизов сильно развито чутье местности и зрение. Там, где чужестранцу местность представляется совершенно ровною, без всяких признаков пути, киргиз сумеет найти дорогу даже ночью. Не одни только звезды служат ему указателями; он замечает каждое растение, каждый камень, каждую неровность почвы»⁵.

Уделяя главное внимание географической среде и культуре народа, С. Гедин ограничился лишь отдельными штрихами об экономической жизни казахов. По его свидетельству, в Тургайской области многие казахи

имели по 3 тыс. голов овец и до 500 лошадей⁶. Описал состояние торговли в Карабутаке, Иргизе, Казалинске, Туркестане и Чимкенте. По данным автора, купцы привозили в Иргиз свои товары из Оренбурга, Москвы и Нижнего Новгорода. «Самая оживленная меновая торговля происходит в Троицке и Уральске, так как там в окрестностях расположены аулы самых богатых кочевников»⁷. Описывая почву и климат окрестностей Аральского моря, указывает, что в нем водится масса рыбы и рыбной ловлей занимаются казахи⁸.

Как и свой соотечественник, шведский путешественник Генри Мозер, в 60—80-е годы XIX в. трижды посетивший Среднюю Азию и Казахстан, стремился обрисовать географическую среду, психические качества и другие факторы, которые, по представлениям эволюционистов, влияют на развитие общества. В его книге «Путешествие в Среднюю Азию»⁹, вышедшей на французском языке в 1885 г., охвачен широкий круг вопросов; русско-казахские отношения в последней четверти XIX в., этнический состав и занятия жителей Иргиза, Казалинска, Перовска, Туркестана и Чимкента, развитие земледелия в долинах реки Сырдарьи. Отмечает честность, смелость, преданность казахов родной земле. «Киргиз чувствует себя свободным и сча-

стливым только в своей безбрежной степи»¹, — пишет Мозер. Будучи в гостях у казахского султана Сулеймана в Оренбурге он детально описал национальные женские и мужские одежды; в окрестностях города был свидетелем национального конного спорта «Кокпар», который, по мнению автора, требует «большой силы, ловкости» — качества, которые «во множестве находятся у казахов».

Об огромном интересе западной общественности к народам Востока свидетельствовало открытие в июле 1887 г. выставки в Люцерне (Швейцария), посвященной культуре народов Центральной Азии. Среди десятков изданий о странах этого региона демонстрировалась и книга Г. Мозера, иллюстрированная со 170 зарисовками автора. Его изображения бытовой жизни и спортивных игр казахов вызвали живой интерес у посетителей³.

Современник С. Гедина и Г. Мозера профессор санскрита и языковедания Гельсингфорского университета Отто Доннер (1825—1909), наряду с лингвистическими исследованиями в Туркестане, вел этнографические наблюдения в г. Верном, публикуя свои материалы на страницах журнала «Фенния» (Гельсингфорс)⁴.

В 80—90-е годы XIX в. западноевропейская литература о Казахстане пополнилась трудами француз-

ских ученых и путешественников Мальте-Бруна (о мангышлакских казахах), Г. Сент-Ива (о Семиречье), Л. Ланьера (о Мангышлаке и южных районах Казахстана)⁵, итальянцев Г. Адамоли, Джулио Брочерела, Стефана Сомье⁶. В журнале Женевского географического общества «Le Globe» (1881, т. IV) была опубликована специальная статья «Киргизская степь», носившая познавательный характер. Среди них внимание научной общественности привлекла книга С. Сомье «Лето в Сибири среди остяков, самоедов, татар, киргиз и башкир». В рецензиях на эту работу итальянца, опубликованных в «Сибирском вестнике» и «Восточном обозрении», *указывалось: «Автор принадлежит к людям с солидным образованием; будучи специалистом-ботаником, он обладает этнографическими и антропологическими познаниями»⁷.

Крупным представителем географической школы в историко-этнографическом изучении народов мира, в т. ч. Средней Азии и Казахстана, был французский ученый и общественный деятель Жан Жак Элизе Реклю (1830—1905), который дальше развил идеи К. Риттера в своих трудах: «Всеобщая география. Человек и земля» в 19 томах (в русском переводе слова «Земля и люди» поставлены впереди. Пер. с фр. т. I.

¹ Гедин С. Памир — Тибет — Восточный Туркестан. Путешествие Свена Гедина в 1893—1897 годах. Пер. со шведского. Т. I. СПб, 1899. С. III.

² Гедин С. В Центральной Азии. С. 57—58.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 54.

⁵ Там же. С. 14.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Памир — Тибет — Восточный Туркестан. Т. I. С. 43.

⁸ Там же. С. 16 (В некоторых своих работах С. Гедин восхвалял немецкий империализм и фашистскую диктатуру. См.: 300 путешественников и исследователей. Биографический словарь. — М., 1966. С. 55).

⁹ Moser H. A Travers L'Asie Centrale. La Steppe Kirghise; Le Turkestan Russe; Boukhara; Khiva; Le pays der Turcomans et la perse: Impressions de voyage. P., 1885.

¹ Мозер Г. В странах Средней Азии: Путевые впечатления. — СПб, 1888. С. 149.

² Там же. С. 154.

³ См.: Русская старина. 1888. январь.

⁴ Donner O. En Turkestan et en Dzungarie avec une karte. 1899 // Fennia. Vol. 18. No. 4. pp. 1—53; 1910. Vol. 28. No. 5, etc.

⁵ См.: Malte-Brun. Abrégé de Géographie universelle physique, historique, politique, ancienne et moderne. Troisième édition. P. 562; St. Yves G. Dans le Tian Schan Russe // Annales de Géographie (Paris), 1898, 1900; Lanier L. L'Asie. Choix de lectures de Géographie. P., 1899. pp. 165—166.

⁶ Adamoli G. Ricordi di un viaggio nelle steppe dei Kirghisi // Bollet. d. la Soc. Geogr. Ital., 1872. Vol. VII; Brocherel J. In Asia Centrale. Roma, 1904; Sommier St. Un estate in Sibiria fra Ostiacchi, Samoiedie, Tatars, Kirghuisi et Baskiri. Roma, 1885.

⁷ Сибирский Вестник. 1886. Кн. 1. № 27. С. 169—195; «Восточное обозрение». 1886, № 35, 36, 37 и 41.

СПб, 1906), «Азиатская Россия и среднеазиатские ханства» (СПб, 1884), «Земля. Описание жизненных явлений земного шара» (La Terre. Description des phénomènes de la vie du Globe. 2 vols. P., 1867—1868). В 1873 г. в «Бюллетене Парижского географического общества» опубликована статья ученого «История Аральского моря». Две другие статьи его «Покаемость Аральского и Каспийского морей», «Народы, населяющие Арало-Каспийскую низменность» написаны на основе фактических данных А. И. Левшина, Г. П. Гельмерсена, А. Вамбери, Н. Карамзина, М. Красовского, Л. Мейера, А. П. Хорошкина, В. Полторацкого, А. В. Каульбарса, А. Борнса и многих других путешественников, географов и этнографов. Само это краткое изречение говорит о широкой эрудиции ученого, пользовавшегося литературой на многих европейских языках. Элизе Реклю по достоинству оценил научные заслуги Ч. Валиханова¹. Секретарем Э. Реклю состоял в течение нескольких лет Лев Ильич Мечников, а после его смерти — его сестра Н. В. Кончевская. Он находился в дружеских отношениях с революционером П. А. Кропоткиным, разносторонние знания которого также делали доступными для него достижения русских исследователей Средней Азии и Казахстана.

«Всеобщая география» Э. Реклю является энциклопедией жизни Земли и человечества с естественно-научной и социально-исторической сторон. Для понимания научных принципов написания ее и всего творчества ученого очень важным представляет-

ся предисловие к русскому изданию. В нем автор «Всеобщей географии» указывает: «В наше время острого кризиса, когда могучая волна глубоко всколыхнула все человеческое общество, и когда человек подхваченный потоком эволюции, несущим его с головокружительной быстротой, ищет новых точек опоры направления своей жизни,— в это время изучение истории получает тем больший интерес и значение, что область ее все сильнее расширяется»².

Далее автор определяет три основных положения, на которых основано его сочинение: «борьба классов», лишь внешняя форма которой «изменяется на тысячи ладов... под влиянием бесконечного разнообразия личности, климата и сплетения событий», «искание равновесия общественных групп» и «преобладающее значение личности», «которые в хаосе мировых событий являются настолько постоянными, что им может быть дано название «законов»³. Таким образом Э. Реклю пытается излагать историю человечества, стремясь показать первенствующую роль в развитии общества географической среды и сильных личностей.

Методология Э. Реклю, при всех оговорках его о «борьбе классов» и «закономерности отщепенения за несправедливость», свидетельствует все-таки о противоречивости взглядов автора на развитие общества. Как известно, географический детерминизм, сыгравший первоначально прогрессивную роль в борьбе с теологическими воззрениями, в 80—90-е годы становится основой ряда реакционных теорий и, в первую очередь, геополитики.

В конце XIX— начале XX вв. географический детерминизм в новой интерпретации получил оформление в работах Ф. Ратцеля и А. Геттнера. Последний из них оставил обширное описание России («Russland Eine Geographische Betrachtung von Volk, Staat und Kultur»), выпустил работу «Как культура распространялась по земному шару» (Пер. с нем., Ленинград, 1925) в серии «Geographische Schriften». В них он попытался, как и Ратцель, доказать, что условия географические всецело определяют историю наций. Это утверждение нашло свое отражение у геополитиков в тезисе о «географической обусловленности политических явлений». Все большее распространение получает эволюционизм в спенсеровском понимании⁴. По Г. Спенсеру, общество развивается под влиянием «внешних» и «внутренних» факторов: «внешние» факторы — это влияние географической среды, а также и соседних обществ; «внутренние» факторы — это физическая природа человека, дифференциация рас, психические качества. Характеризуя эти «внутренние» факторы, Спенсер старается изобразить отсталые народы как состоящие из людей, будто бы и физически, и морально, и умственно неразвитых⁵. Идея эволюционизма в этом поверхностном, одностороннем понимании отразилась на некоторых положениях упомянутых выше исследовате-

лей истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана Фр. Гелльвальда, С. Гедина, Г. Мозера. Тенденциозности, присущей им в трактовке особенно русско-казахских отношений, не избежал и Э. Реклю. Более того в его работах получают распространение идеи о Востоке как антиподе Запада, отсутствию поступательного развития восточных обществ, антинаучная теория «азиатского деспотизма»³.

С конца 1880-х годов в научной мысли начинается ревизия эволюционистских построений в области истории и этнографии, в выводах которых буржуазия усматривала опасность для своей власти. Нельзя здесь отрицать и усилия добросовестных ученых, пытавшихся преодолеть ограниченность, узкую прямолинейность эволюционистских схем. Однако эволюционизм, хотя и утратил монопольные позиции в науке, не исчез. И в конце XIX и в первые десятилетия XX в. продолжали появляться этнографические и исторические работы, выдержанные в духе эволюционистского направления. Особенно это было заметно во Франции, где начиная с последней четверти XIX в. значительно активизировалось историко-этнографическое и антропологическое изучение народов⁴. Французские ученые занимались физиологическим описанием казахов, их национального характера, языка, вероисповедания

¹ Герберт Спенсер (1820—1903) — английский философ-позитивист, один из классиков буржуазного эволюционизма.

² См.: Спенсер Г. Основания социологии. Т. 1. СПб, 1876. С. 5, 42—103.

³ Подробнее см.: Никитин В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975. С. 104 и далее; Реклю Э. Земля и люди. Т. V. СПб, 1908, С. 488; 490—492.

⁴ См.: Figuier L. Les races Humaines. P., 1872; Serena C. Seule dans les steppes; Episodes de mon voyage aux pays des Kalmoucs et des Kirghiz. P., 1883; Gatterias I. A. A Travers L'Asie Centrale. P., 1884; Specht E. Étude sur L'Asie Centrale. P., 1890; Krafft H. A Travers le Turkestan Russe. P., 1902; Angimieur, Capt. En Asie Centrale: Turkestan — Thibet — Cashemir (1903). P. 1904 etc; Деникер И. Человеческие расы. СПб, 1902; Deniker J. Les races et les peuples de la terre éléments d'anthropologie et d'ethnographie. 1900.

¹ См.: Реклю Э. Всеобщая география. Земля и люди. Т. 6. СПб, 1898.

² Там же. Т. 1. СПб, 1908. С. III.

³ Там же. С. III—V.

(ислама, шаманизма), жилища, расовой принадлежности, тамг и тотемов. Эдмонд Домолэн посвятил одну из глав своего труда описанию татаро-монгольского расового типа, занятий казахов, их взаимоотношений с калмыками и другими соседними народами¹. Но в его книге много заимствований из сочинений С. Палласа, Т. Аткинсона, Э. Реклю и др. исследователей. Член Азиатского и Географического обществ Парижа Ж. Риал опубликовал работу, в которой он попытался проследить историю среднеазиатских народов с древнейших времен, расселение племен (саков: тиграхауда, хаомоварга, парадарай и др.)². В III главе на основе работ древнегреческих и более поздних авторов определена локализация тохаров, усуней и гуннов³. В дальнейшем белло изложены история народов Средней Азии с VIII в. до середины XIX в.⁴, разделение казахов на три жуза, родо-племенная структура, этническая территория и социальная организация казахов⁵.

По средневековой истории казахов и их взаимоотношений с монголами представляет интерес работа другого французского исследователя Леона Кауна (1841—1900) «Введение в историю Азии. Тюрки и монголы с древнейших времен до 1405 г.» В ней значительное место отведено канглы, кыпчакам, сунну, киданям, формам их государственного устройства,

религии, взаимоотношениям с Китаем, Персией⁶, но обзор этот сделан весьма поверхностно⁷.

Во второй половине XIX в. среднеазиатская тематика входила во французскую художественную литературу и публицистику, что также немало способствовало росту интереса широкой общественности к далеким восточным окраинам России. Еще в 1858 г. А. Дюма, побывав в Западном Казахстане, сочинил очерк «Из Парижа — в Астрахань». Своему сыну из Астрахани он писал: «...Я отправляюсь к киргизам. Найди на карте озеро, вернее — три озера: первое из них озеро Эльтон. Там я ночевал в палатке посреди степи и пировал с очаровательным человеком, господином Беклемишевым, атаманом астраханских казаков». Широкой известностью пользовались романы другого великого французского писателя Ж. Верна «Клодиус Бомбарнак» и «Михаил Строгов», в которых отражена духовная и материальная культура народов Средней Азии. В то время, когда появился роман «Клодиус Бомбарнак» (1893), подходило к концу строительство Закаспийской железной дороги (Красноводск — Ташкент) и было начато сооружение Великой Сибирской магистрали. Но уже тогда Жюль Верн предсказал строительство Турксиба: «Сейчас уже прокладывается новая ветка, которая вскоре соединит Таш-

кент с Семипалатинском, и, таким образом, железные дороги Средней Азии примкнут к дорогам Северной Азии, образуя единую нить»¹.

В романе сообщается, что казахи — кочующий народ, что они мусульманского вероисповедания, земли их делятся на три орды, указывается их местоположение. Жюль Верн перечисляет имена многих исследователей и путешественников, писавших о Средней Азии и Казахстане: Марко Поло, А. П. Федченко, Н. М. Пржевальского, братьев Грум-Гржимайло, Г. Бонвало, М. Капю, М. Уйфальви, Свена Гедина, Элизе Реклю. Ему известна и трагическая судьба исследователя азиатского материка, крупного ученого Адольфа Шлагинвейта (1829—1857), который погиб во время своего кашгарского путешествия. Работы его брата Роберта Шлагинвейта, посвященные вопросам присоединения Средней Азии к России, этнографическому описанию народов региона, были опубликованы в 60—70-х годах XIX в.². Осведомленность Жюля Верна в подробностях гибели А. Шлагинвейта наводит на мысль о знакомстве писателя с сообщениями Ч. Валиханова по работам французских авторов³.

Упомянутый в романе Пьер Габриэль Бонвало (1853—1933) — французский исследователь Внутренней

Азии, который со своим соотечественником М. Капю первым из европейцев проник через Алай, Заалайский хребет и Памир в Индию (Читрал). В 1889—1890 годах Бонвало сопровождал Генриха Орлеанского в его путешествии во Внутренней Азии. Ранее (1881 г.) Бонвало и Капю проезжали из Семипалатинска в Ташкент и дали описание своей поездки⁴. Выдержки из этих трудов опубликованы в книге на русском языке: «От Парижа до пределов Индии. Закаспийская железная дорога, русские среднеазиатские владения и краткий очерк Индии» (М., 1890). Кроме того описание путешествия Г. Бонвало и М. Капю дано в ряде работ французских исследователей, совершивших путешествия по Средней Азии в 80-х годах XIX в.⁵. С их сочинениями Жюль Верн, очевидно, также был хорошо знаком. О казахах Г. Бонвало ограничился краткими комментариями их обычаев и нравов⁶.

Но поездка Г. Бонвало и М. Капю все-таки оказалась плодотворной. В 1882 г. в газете «Кавказ» они опубликовали статью «Киргизские трубадуры», в которой содержится описание казахской песни и ее исполнитель. «Киргизская песня зародилась в степях, им она обязана всеми своими прелестями, — пишут они, — Походка коня или мерный шаг верблюда опре-

¹ См.: Demolins E. Comment la route crée le type social. P. 1900. p. 87.

² Rielle G. de. Mémoire sur L'Asie Centrale son histoire, ses populations. Deuxieme edition. P. 1873. p. 7—26.

³ Ibid. P. 27—49.

⁴ Ibid. P. 50—83.

⁵ Ibid. P. 90—96.

⁶ Cahun L. Introduction à l'Histoire de L'Asie. Turks et Mongols dès origines à 1405. P., 1896. pp. 29—1908.

⁷ См. рец.: Н. Катанов // Изв. Общества археол., ист. и этногр. при Казанском университете, Т. 14, Вып. 1, 1897. С. 128—129; Сәтбаева Ш. Достық дастандары. А., 1983. 90—94 беттер.

¹ Жюль Верн. Клодиус Бомбарнак: Пер. с французского Е. и И. Брандис. Ташкент, 1961. С. 120.

² Профессор Шлагинвейт о бывших и будущих движениях России в Средней Азии // Биржевые Ведомости. 1875. № 215; Schlaginweit R. von. Die Bewohner Turkistan's // Internationale Revue. 1868. B. IV 2 Heft. No. 20. S. 141—149; Idem. Results of a scientific mission to India and High Asia, undertaken between the years 1854 and 1858. 3 vols. Leipzig: London, 1862.

³ См.: Rhins D. de. L'Asie Centrale. P., 1889. P., 1889. Здесь в числе исследователей Кашгарии называются имена А. Шлагинвейта и Ч. Валиханова (p. 157).

⁴ См.: Bonvalot G. En Asie Centrale, de Moscou en Bactriane. P., 1884; Idem. En Asie Centrale, du Kohistan à la Caspienne P., 1888; Idem. Through the Herat of Asia over the Pamir to India. 2 vols. L., 1889; Capus M. A Travers le royaume de Tamerlan. P., 1892.

⁵ Boulangier E. Voyage a Merv. Les Russes dans L'Asie Centrale et le chemin de fer Transcaspien. P., 1888; Plon M. M. En Asie Centrale. P., 1886.

⁶ Bonvalot G. Through the Herat of Asia. Vol. 2. PP. 240—241.

деляют размер и ритм пения; необозримый простор степи вызывает протяжные ноты мелодии, ветер, волнующий степную траву, научает певца попеременно усиливать и ослаблять свой голос и придавать рельефность пению посредством всевозможных оттенков, естественно прочувствованных и вовсе не рассчитанных на эффект». Таким образом, авторы придерживаются известного положения об обусловленности духовного мира народа географической средой (ландшафтом, рельефом территории, климатом и т. п.).

Они восхищаются красотой исполнительского мастерства одного из «киргизских трубадуров» — Идрискула. Он «дошел до изумительной виртуозности в своем искусстве. Не знаешь, чему более удивляться: совершенству ли техники или красоте пения». М. Капю говорит, что такие теноры, как Идрискул, были бы гордостью и славой любого из оперных театров Европы¹.

Во Франции заметное развитие получило антропологическое изучение народов Средней Азии и Казахстана. В 1865 г. в «Бюллетене Географического общества» была опубликована специальная статья о казахах². Отдельные антропологические и этнографические работы публиковались в «Архивах научных миссий», выходивших в Париже³. В 70—90-х годах XIX в. широкой и громкой известностью в Западной Европе и России

пользовались работы профессора финского языка и географии азиатских стран в Парижской школе восточных языков М. К. Уйфальви. Известность эта была к тому же скандальной. Д. Л. Иванов в пространной рецензии на публикации Уйфальви, возможно и излишне придирчиво, показал наличие в них многочисленных несуразиц и грубых ошибок⁴. Однако нельзя зачеркивать то положительное, что имеется в среднеазиатских публикациях французского ученого. Он был командирован в октябре 1876 г. Министерством народного просвещения Франции в Россию и Центральную Азию для антропологических, археологических и филологических исследований. В течение двух-трех месяцев Уйфальви и его жена, выехав из Оренбурга, проводили исследования в районе Аральского моря, в городах Туркестана, Верном и ряде других мест Казахстана. Наряду с изучением антропологических типов казахов, узбеков и других среднеазиатских народов, ими были описаны курганы у Акмолинска, собраны археологические материалы, относящиеся к каменному и бронзовым векам и найденные в озере Иссык-Куль, в районе к северо-востоку от озера Балхаш. Результаты своей поездки Уйфальви изложил в своем выступлении на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве 13 января 1878 года⁵, а затем по ним опу-

бликовал шеститомное сочинение в Париже под заглавием «Научная французская экспедиция в Россию, Сибирь и Туркестан»¹. В 1880 г. вышла его отдельная книга «Итоги антропологической поездки в Среднюю Азию»². Все эти труды включают в себя богатые антропологические, этнографические сведения о казахах, об их расселении, этногенезе и истории. Но в целом, внимание ученого сосредоточено на Семиречье, которому автор посвятил специальный том в своем шеститомном сочинении. О казахах ученый отзывался восторженно как о «честном и вежливом» народе³. Выдержки из трудов Уйфальви в русском переводе опубликованы в «Известиях РГО» и других изданиях⁴. Однако специальному исследованию работы Уйфальви ни в зарубежной, ни в советской историографии не подвергнуты.

Поездки французских и других западноевропейских путешественников в Среднюю Азию зачастились в связи с завершением строительства Закаспийской железной дороги, заключением Франко-русского союза в конце XIX в. Для участия в торжестве по случаю сдачи в эксплуатацию самаркандской ветви железной дороги в 1888 г. в Средней Азии побывал член Французской академии наук, известный исследователь русского языка и литературы, автор монографии «Русский роман» Эжен Мельхиор

де Вогюэ (1848—1910). Он написал очерк «От Каспия до Самарканда», который был опубликован в том же году в 36—37 номерах «Дала уалаяты газети». В 1895 г. в «Киргизской Степной газете» (№ 31) появилась статья «Путешественники-французы в Киргизской степи». Ими были морской офицер запаса Виконт де-Кювервиль, командированный в Россию Министерством народного просвещения Франции с этнографической целью и Жозеф Бартелло (барон де Бай) — член Комитета исторических работ, президент французского Общества антикваров, член русского общества археологии⁵. Последний во время своего путешествия был в гостях у волостного старшины Дуйсена Джангаскина, у которого, по словам барона, было 5000 голов скота и 40 юрт⁶. Дает описание юрты старшины: «Она была снаружи покрыта войлоком из верблюжьей шерсти, но внутри была богато украшена. Деревянная основа ее в рост человека исчезала под материями с крупными и яркими рисунками. Пол был покрыт коврами». Саукеле жены старшины, которую звали Дамей, имел вид пирамиды, высотой с полсажени, украшен мехом, драгоценными камнями (многочисленным рядом жемчугов, кораллов), золоченым серебром⁷.

Усилия французских ученых по изучению истории и этнографии народов Средней Азии и Казахстана

¹ См.: «Кавказ». 1882. № 17.

² Sponville A. Chez les Kirghiz // Bulletin de la Soc. de Geogr... 1865. Mai.

³ Chaffanjon M. J. Rapport sur une mission scientifique dans L'Asie Centrale et la Siberia // Archives des missions scientifiques. Sér. 4. Vol. IX. P., 1899. pp. 51-100; Blanck M. E. Rapport de mission en Asie Centrale. 1890—1891 // Ibid.

⁴ См.: Залеман К. Г. Шугнанский словарь Д. Л. Иванова Восточные заметки: Сб. статей и исследований профессоров и преподавателей восточных языков Санкт-Петербургского ун-та. СПб, 1895.

⁵ Антропологическая выставка. Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии, Т. 1. М., 1878. С. 356—357.

¹ Expedition Scientifique Francaise en Russie, en Sibirie et dans le Turkestan, le Kohistan, le Ferghanah and Kouldja / Par Ch. E. de Ujfalvy de Mezo — Kovesd. P., 1878.

² Resultats antropologiques d'un voyage en Asie Centrale / Par Ch. E. de Ujfalvy. P., 1880.

³ Lansdell H. Russian Central Asia... p. 399.

⁴ См.: Известия РГО, 1877, С. 116—118; Антропологическая выставка, 1879. Т. III, Ч. I; Голос. 1880. № 142; Отголоски, 1880. № 18; Туркестанские ведомости. 1879. 27 марта.

⁵ De Moscou au Krasnoïarsk souvenir d'une mission / par le Baron de Baye. P., 1897; Вопросы истории, 1986. № 4. С. 186.

⁶ Бай Ж. А. От Волги до Иртыша: Археологическо-этнографическая экскурсия по Приуралью и Западной Сибири с 1895 г.: Пер. с фр. Тобольск, 1898. С. 21.

⁷ Там же. С. 27.

завершили публикации Поль Пеллио (1878—1945) по средневековой истории региона. После окончания Сорбонны он был в 1900—1904 гг. стажером во Французской школе Дальнего Востока в Ханое, с 1911 г. — профессор Коллеж де Франс по кафедре языков и истории народов Центральной Азии. Исследования киритов, принявших христианство несторианского толка, взаимоотношения тюркских и монгольских племен в средние века вел непосредственно в Средней Азии¹.

Весьма заметных успехов достигла этнографическая наука в Германии. Наиболее значительной фигурой из числа немецких этнографов, занимавшихся комплексным изучением быта, нравов, обычаев, религии, устного народного творчества, был Рихард Карутц. Он в 1903, 1909 годах проводил этнографические исследования среди казахов и туркмен Мангышлака, совершил путешествия в Коканд с познавательной-научной целью. На основе личных наблюдений, опроса и бесед с жителями Мангышлака он написал обширную статью «Из Любека в Коканд», фундаментальное исследование «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке». Первая работа увидела свет в «Сообщении географического общества и музея естествознания в Любеке» (2-я серия, 18 тетрадь, 1904). В путевых записках, легших в основу этой статьи, приводятся описание городов, бытовые картины, излагается краткая история движения народов в Средней Азии с древних

времен до завоевания ее Россией, кратко касается казахов и киргизов, их взаимоотношений². Но основной работой Р. Карутца является этнографическое исследование «Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке», переведенное на русский язык Е. Петри и отредактированное академиком В. В. Радловым. Книга эта представляется разнообразным сводом о жизни и быте казахов Западного Казахстана. Форт Александровск — административный центр Мангышлака предстает немецким этнографом так: «...большие крепостные стены окружают казармы, церковь и административные учреждения. Скромные одноэтажные дома, построенные из добываемого здесь из краев плато известняка, татарские и армянские дворы, персидские лавки, туркменские мастерские окаймляют улицу с обеих сторон»³. Автор представляет сюжеты разных легенд, связанных с местными пещерами, дает свое понимание предназначения каменных кругов, изображенных в свое время Б. Залесским в альбоме «Киргизская степь» (Париж, 1865). Эти круги из камней он сравнивает с подобными сооружениями в Африке, которые служили сидением при проведении совещательных собраний. Но каменные круги на Мангышлаке, видимо, имели универсальное значение: служили путевыми знаками, оборонительными сооружениями, защитными стенами святых мест, изображением рода алтаря, местом отдыха для караванов⁴.

Описывая повседневную жизнь казахов Мангышлака, Р. Карутц отмечает исключительную приспособленность его жителей к окружающей среде, детально описывает мужские и женские одежды, конструкции юрты. «Изредка лишь попадают еще шапки с разрезанными на подобие крыльев полями, халаты из сшитых вместе овчин (прежде из лошадиных шкур) и кожаные штаны», — пишет ученый, ссылаясь при этом на Р. Палласа⁵. «Конструкция кибитки, — пишет Карутц, — в смысле практического разрешения задачи приспособления палатки к жизниномада — является настоящим произведением искусства»⁶. Сообщает о неизвестной технологии приготовления чая у мангышлакских казахов. «Вместо свежего молока, — пишет он, — сплошь и рядом подливают в чай кумыс, что придает ему приятный, особенно освежительный, как бы фруктовый, вкус»⁷.

Р. Карутц пытается проникнуть в суть астрологических представлений и связанных с ним легенд казахов, народных средств от разных болезней. Объясняя рельеф луны, ученый приводит содержание казахской легенды: «Солнце и месяц спорили о том, кто из них красивее и светлее, тогда солнце расцарапало месяцу лицо и убежало». Большая Медведица объясняется следующим образом: «Семь воров похитили дочь царя на Полярной звезде; лошади царя (звезды Малой Медведицы) привязаны, поэтому царь не может пойти, чтобы освободить свою дочь»⁸.

Р. Карутц сообщает, что «смертность среди детей при высокой цифре рождаемости очень невелика». Интересны и такие доводы автора о причинах «прекрасного здоровья» степных жителей: «Свое крепкое выносливое здоровье киргиз несомненно черпает из главного своего источника — расового организма, создавшегося путем естественного отбора и закаленного в суровых условиях кочевнического хозяйства в степи, подверженной резким климатическим контрастам»⁹. Он с уважением отмечает любовное отношение казахов к детям, их воспитание. Описание им детских игр у казахов (какпакыл, джерменкиль, сасыр, бес тас, хан, кол тусак, коржун шалмак и т. д.)⁶ лишь свидетельствует о любознательности и дошности немецкого исследователя.

Самой плодотворной частью книги является описание свадебных обычаев у казахов Мангышлака, которые имеют «коренные особенности и видоизменения»⁷. Киргизский свадебный церемониал требует семь стадий целого ряда очень обстоятельных формальностей. I-я стадия — достижение соглашения относительно калыма; II-я — ответный визит жениха и т. п.

Р. Карутц указывает на относительную самостоятельность киргизских женщин в вопросе о разводе, рассказывает о положении вдовы и вдовца при вступлении во второй брак, многоженстве, наследственном праве у казахов⁸.

¹ Pelliot P. La Mission Pelliot en Asie Centrale // Annales de la Société de Géogr. commerciale. P., 1909; Idem. Chrétiens d'Asie Centrale et d'Extrême Orient // Extrait du T'oung Pao. Ser. 2. of Vol. XV, 5 Decembre 1914. Leiden 1914; Histoire des compagnes de Gengis Chan... T. I. Leiden, 1951.

² Karutz R. Von Lübeck nach Kokand: Mitteilungen der geographischen Gesellschaft und des naturhistorischen Museums in Lübeck. Zweite Reihe. Heft 18. Lübeck, 1904.

³ Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке: Пер. с нем. СПб, 1910. С. 5.

⁴ Там же. С. 3, 10, 13—14.

⁵ См.: Pallas P. Reise durch verschiedene provinzen des Russischen Reiches. St. Petersburg, 1771. Vol. 1, Tafel. III.

⁶ Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. С. 75.

⁷ Там же. С. 76.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же. С. 114—116.

⁶ Там же. С. 88—92.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 108—112.

Говорит о куполах надгробных сооружений, которые, по его словам, схожи с византийским искусством: «На стенах появляется окраска или раскрашенный орнамент, которые формой своих узоров служат интересными документами киргизской истории. Тут, наряду со старинными тюркскими мотивами пастушеских номадов, мы видим иранские цивилизации, новоперсидские завитки и реальные изображения предметов европейского импорта, как например, самовара, который при жизни покойного был ему, неизменным товарищем»¹. Р. Карутц описал ряд палеографических памятников Мангышлака, высказал свои соображения об искусстве казахов этого региона. Он отмечает четыре типа орнаментации у мангышлакских казахов: 1) «грубые, небрежно врезанные линии, или неправильно разбросанные или симметрически сгруппированные» (рис. 23. Киргизская пряслица, с. 144); 2) второй тип заключает в себе фигурные мотивы, а именно более или менее стилизованные изображения животных; 3) третий вид показывает растительные мотивы, которые доведены до большой пышности и выдают свое персидское происхождение. Они преимущественно на вышивках, халатах и пополах (рис. 24—25. Киргизские женские халаты; с. 145); персидский растительный орнамент на резьбе по дереву (пороховницы, рис. 35) и на орнаментированной коже (рис. 27—кожаные щитки); 4) части растительного орнамента, заимствованные у персидских образцов являются лишь второ-

степенными придатками к общей картине, в основе которой лежит уже четвертый тип орнамента — двойная дуговая линия. Этот тип Карутц называет «киргизской линией»². Он дает полное описание стадий развития рогового мотива, мотив рогов в сложной группировке, указывает на важность изучения рогового мотива («Кошкар муиз»). В книге имеются изображения верхнего косяка двери и т. п. деталей домашнего убранства³.

Высокий уровень постановки этнографических и лингвистических исследований тюркских народов в Германии привлекал сюда немало ученых в научные стажировки. Даже В. В. Радлов в свое время слушал лекции известного востоковеда В. Шота о монгольском, татарском, маньчжурском и китайском языках. Работы немецкого ученого «Вопросы татарских (тюркских) языков», «Древние известия о монголах и татарах», «Об истинных киргизах», «Вопрос о уйгурах» предопределили творческий путь В. Радлова. В. Шот, ссылаясь на А. Вамбери, в своих работах приводит отдельные выдержки из узбекской, кыпчакской поэзии с переводом на немецкий язык⁴. В Германии, в свою очередь, хорошо были знакомы с работами В. В. Радлова, опубликованными на немецком языке. Так, У. Банг пытался выявить ошибки и непоследовательность фонетики Радлова в четвертом томе «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи», а также в «фонетике северо-тюркских языков» и «опыте словаря тюркских диалектов»⁵.

Спустя несколько лет он написал монографию по истории тюркских языков, где он касается и некоторых вопросов языка уйгур и казахов¹.

Нарастание интереса к Средней Азии и ее культуре доктор Генрих Шурц — один из видных представителей эволюционизма объяснял следующим образом: «Со времен глубокой древности до настоящего времени Средняя Азия и ее население оказывали самое глубокое влияние на род человеческий... Если без знакомства со Средней Азией и ее народами непонятна история прилегающих к ней стран, то еще менее понятна история среднеазиатских степных стран без обозрения окружающих их культурных стран: Китая на востоке, средиземноморских стран на западе и Индии на юге»².

В Германии, Франции и отчасти в Англии велись работы по переводу с иностранных языков и изданию наиболее важных трудов, посвященных Средней Азии и Казахстану. Профессор Берлинского университета Георг Адольф Эрман (1806—1877) организовал «Архив научных знаний о России», где в 50—60-х годах прошлого столетия печатались материалы по истории и культуре народов Сред-

ней Азии и Казахстана, преимущественно выдержки из работ русских ученых³, нередко и западноевропейских путешественников⁴. В одном из номеров сообщалось о восстании в Кашгарии в 1857 г. и посещении ее Ч. Валихановым⁵. Здесь же приводятся выдержки из работ казахского ученого⁶, опубликованы статья «Киргизские исследования Ильминского», в которой анонимный автор излагает суть грамматического раздела его книги⁷, а также материалы о языках народов Средней Азии и Казахстана и шаманизме среди них⁸. Самим Г. А. Эрманом написана двухтомная книга «Путешествие в Сибирь», его научная и издательская деятельность привлекла внимание русской общественности⁹.

Другой немецкий ученый А. фон Этцель совместно с Г. Вагнером издал сборник под названием «Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии», в которую вошли выдержки из книг Т. Аткинсона, фон-Миддендорфа и др.¹⁰. Этот сборник переведен на русский язык в следующем же году (1865).

Во Франции публикацией дневниковых записей путешественников и других источников, имеющих отноше-

¹ Там же. С. 122.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 158, 159, 163—172.

⁴ Schott W. Über die ächten Kirghisen. Berlin, 1865.

⁵ Idem. Etwas über die poesie der Turk-Tataren Russlands. Berlin, 1886.

¹ Bang W. Turkologische Epikrisen. Heidelberg, 1910; Idem. Monographien zur Türkischen sprachgeschichte vorgelegt. Heidelberg, 1918.

² Шурц Г. Средняя Азия и Сибирь (гл. II) // Гельмгольт Г. История человечества. Всемирная история. Т. II. СПб, 1902. С. 112, 115.

³ См.: Sitten der Kirghisen // Archiv für Wissenschaftliche kunde von Russland / Herausgegeben von A. Erman. Band XIV. Heft. 1—2. Berlin, 1855; Expedition zur untersuchung des schawazzen Irtysh Ibid., 1865 etc.

⁴ L'Empire de Tsars, un septieme des terres du globe, an point actuel de la science / par I. H. Schmitzler. Vols. 1—2. P., 1856 // Ibid., 1863.

⁵ Archiv für Wissenschaftliche kunde von Russland, 1862. B. 22. 1-es Heft.

⁶ Ibid. S. 71—82.

⁷ Ibid. S. 105—119.

⁸ Ibid 1867, Funf und zwanziger Band. Viertes Heft. S. 175—187, 188—218.

⁹ Erman G. A. Travels in Siberia. Translated from the German. Vols. 1—2. L., 1848; Вестник РГО, 1851. Т. 1. Кн. 1.

¹⁰ Etzel von A. Reisen in den Steppen u. Hochgebirgen Sibiriens und der angrenzenden länder Central Asiens-Leipzig, 1864.

ние к Средней Азии, занималась Парижская Школа живых восточных языков¹.

Из всех классиков эволюционизма наиболее широкую известность получил английский этнограф Эдуард Тэйлор (1852—1917). Подобно другим представителям эволюционистского направления он рассматривал историю человеческой культуры как «часть истории природы», пытался применить к изучению явлений культуры естественнонаучный метод. Единицы изучения для него — отдельные категории предметов материальной культуры (копья, палицы, луки и стрелы, плетение, ткани и пр.) и духовной культуры (мифы о солнечном восходе и закате, очистительные обряды, жертвоприношения и т. п.). Этот метод мы находим у Р. Карутца, в его описаниях различных примет, сновидений и мифов у казахов, летоисчисления, материальной культуры (седло, стремя, колыба, уздечки и т. п.)². Но в Англии и США было опубликовано в этом методологическом ключе очень мало работ, посвященных специально изучению Средней Азии и Казахстана. Процесс накопления этнографических, антропологических, исторических материалов продолжался

в этих странах все еще усилиями торговцев, дипломатов и миссионеров³, которые стремились описать все, что им попадалось в пути, не стесняя себя какими-либо методологическими установками. Лишь в последней четверти XIX—начале XX вв. появился ряд исторических работ, обративший на себя внимание исследователей. Среди них: четырехтомник английского историка Г. Ховорса «История монголов с девятого до XIX века», второй том которого называется «Так называемые татары России и Средней Азии»⁴, книга профессора Университета Виктории (Манчестер) Э. Паркера «Тысяча лет татар», вышедшая двумя изданиями⁵, работа видного американского лингвиста Дж. Кэртина «Путешествие в Западную Сибирь»⁶; очерки американского поэта, новеллиста и путешественника Баярда Тэйлора⁷. Последний приняв дипломатический пост в России, по его словам, намеревался не только заработать «кучу денег», но и заниматься изучением Средней Азии⁸. Но это более всего удалось американскому дипломату Юджину Скайлеру и корреспонденту газеты «Нью-Йорк Геральд» Я. Мак-Гахану, которые, чтобы стать очевидцами

завершающихся акций русских войск по «присоединению» среднеазиатских ханств, выехали из Петербурга в марте 1873 г. в сопровождении старшего сына последнего хана Букеевской орды — Чингиса, по словам Ю. Скайлера, «культурного джентельмена, глубоко знавшего французскую литературу». Американский дипломат по пути свернул в Ташкент, имея целью «описать политическое и социальное положение районов, недавно завоеванных Россией, провести сравнение условий жизни их жителей с условиями тех, которые еще продолжали находиться под деспотизмом ханов».

Результатом восьмимесячного пребывания Скайлера в Средней Азии и Казахстане явился двухтомный труд «Туркестан», а Мак-Гахан описал «Военные действия на Оксусе и падение Хивы»⁹. В них охвачен широкий круг проблем, касающихся истории и этнографии народов региона, колониальной политики царизма в Казахской степи, ее экономики и природы.

Обширный фактический материал по экономике, истории и этнографии казахов собран в двухтомной книге английского миссионера, члена Королевского географического общества Генри Лансделла. Книга была переведена на многие европейские языки, и в 80-х годах к ней обращались историки, государственные деятели, экономисты, географы, натуралисты, археологи, этнографы¹⁰. Автор дает социально-экономическое описание

почти всех областей Казахстана, высказывает предположения о происхождении казахского народа, упоминает имена исследователей края. Называет казахов «грубыми и дикими», потому что, по признаниям английской газеты «Экедеми», «он на все смотрел сквозь розовые очки русских чиновников»¹¹. В отличие от английского миссионера, более сдержанно и уважительно относятся ко многим сторонам жизни казахов предыдущие два автора. Скайлер, будучи в Аулие-Ате, с восхищением отмечает архитектурные особенности мавзолеев Карахана и Айша-Биби; описывает развалины древнего города Тюмекент («Tiume-kent») в Мойынкумах, рассказывает содержание местной легенды о незаконченном сооружении «Таш-Курган» (или «Акыр-Таше»), которое в свое время П. И. Лерхом отождествлялось с Буддийским монастырем¹². Скайлер, как разносторонне образованный человек, юрист, дипломат и писатель, занимался переводами произведений И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого на английский язык.

Вплоть до 1917 г. одним из основных каналов расширения познаний западных читателей оставались труды путешественников, вклад которых в науку высоко оценил венгерский ученый А. Вамбери. «Едва ли кто пользуется в Англии такой популярностью, как путешественники,— писал он.— Путешественник расширяет путь миссионеру и купцу, вслед за ними и

¹ См.: Recueil d'itinéraires et de voyages dans l'Asie Centrale et L'Extreme Orient (Publications de L'Ecole des langues orientales vivantes). P., 1878.

² См.: Тэйлор Э. Первобытная культура. СПб, 1872 (последнее изд.: М., 1989). Tylor E. B. Anthropology. London, 1881.

³ Карутц Р. Среди киргизов и туркмен. С. 53, 133—136.

⁴ См.: Очерки Верхней Татарии, Яркенда и Кашгара / Сочинение Роберта Шо, великобританского комиссара в Ладаке. СПб, 1872; Overland through Asia. Pictures of Siberian, Chinese and Tatar life. Harford, 1870; Bookwatter J.W. Siberia and Central Asia. L., 1990; Meakin A. M. B. In Russian Turkestan A Garden of Asia and its people. L., 1903 (Гл. XXIII. The Kirghis. PP. 225—235).

⁵ Howorth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. Pt I. L., 1876; Pt VI. L., 1880.

⁶ Parker E. H. A Thousand years of the Tatars. L., 1893—1894 (2-nd ed., L., 1924).

⁷ Curtain J. A Journey in Southern Siberia. Boston, 1909.

⁸ M. Hansen-Taylôr and H. E. Scudder (eds.). Life and letters of Bayard Taylor. Boston, 1885.

⁹ Babey A. M. Americans in Russia... P. 11.

¹ Schuyler E. Turkestan. Notes of a journey in Russian Turkestan, Khokand, Buchara and Kuldja. In 2 vols. L., 1876. Об авторе см.: The Encyclopedia Americana, 1944. Vol. 24. P. 408; Мак-Гахан А. Я. Военные действия на Оксусе и падение Хивы: Пер. с англ. М., 1875. Об авторе см.: Вестник Европы. 1878. № 12, С. 424—427.

² Lansdell H. Russian Central Asia including Kuldja, Bochara, Chiva and Merv. 2 vols. Boston, 1885; Английский миссионер в русской Азии // Новое время. 1885. № 3453. С. 2.

³ Lansdell H. Op. cit. Vol. 1. PP. 42—50, 120, 83—94, 151—159, 290—305 etc; Степняк-Кравчинский С. М. В Лондонской эмиграции. М., 1968. С. 407.

⁴ Schuyler E. Op. cit. Vol. 2. P. 121.

воину... Вследствие этого там установился взгляд, что исследователи новых стран и в дальнейшем помогут Англии расширить свое политическое влияние и включить в сферу своих интересов новые области»¹.

Межимпериалистические противоречия в борьбе за колониальные территории, обострение англо-русского соперничества в Средней Азии в конце XIX—начале XX в., развитие железнодорожного транспорта, научные поиски и многие другие факторы заставляли бывать бизнесменов, дипломатов, разведчиков, геологов, археологов и лиц других специальностей в самых разных, донные неизученных отдаленных районах Казахстана². Проводились археологические, геологические и гидрографические исследования в районах Арало-Каспия, Закаспия, Ферганской долины, Семиречья, горной системы Тянь-Шаня, озера Иссык-Куль. Для орошения Чуйской долины англичанин Ч. Дильк предложил даже проект спустить воду Иссык-Куля в Чу³. Особый интерес американцев вызывали Сибирь и Казахстан, «земли,— по словам М. П. Прайса,— безграничных возможностей». Путешествуя по Сибири, он побывал в Омске и Петропавловске, собрал сведения о хо-

зяйственном освоении северных и восточных областей Казахстана, транспортных средствах; о пригодности почвы для земледелия, торговле, укрепленных пунктах и др.⁴. В книге помещена этнографическая и географическая карта Западной и Центральной Сибири. В 1893 г. в Петербурге была выпущена книга генерального консула США в России Дж. Кроуфорда «Промышленность России, Сибири и Великой Сибирская железная дорога», в которой приведены сведения о «состоянии промышленности в Степном крае»⁵.

Интерес к богатствам земных недр Казахстана привел к дальнейшей активизации деятельности иностранцев по всестороннему изучению края. На рубеже XIX—XX вв. представители иностранного капитала стали скупать ценнейшие месторождения и предприятия Казахстана: Риддерские полиметаллические рудники, Карагандинские и Экибастузские каменноугольные копи, Спасские и Успенские медные рудники, нефтяные промыслы на Эмбе и т. д. Английскими предпринимателями были основаны «Акционерное общество Спасских медных руд», «Акционерное общество Атбасарских медных руд». В Лондоне образовался «Сибирский синдикат»,

целью которого были поиски новых месторождений в Казахстане и Сибири.

С деятельностью американского и английского капитала в Казахстане связаны сюжеты книги Джона Уильфорда Уорделла «В Киргизских степях», работ Эдварда Нельсона Фелла «Рассказы о русских и кочевниках киргизских степей» и его дочери Оливии Фелл Ванс-Агню «Британская семья в Казахской степи»¹. Книга Д. У. Уорделла ценна тем, что в ней приводится немало фактов очевидца о социальной дифференциации в казахских аулах, процессе формирования рабочего класса из числа казахов, его численности и структуре, социальной жизни в городах Казахстана, классовой борьбе, развернувшейся на предприятиях Центрального Казахстана накануне Октябрьской революции.

Среди всей этой разнообразной литературы, вышедшей в Западной Европе и США в дореволюционный период, своей прогрессивной направленностью выделяется книга американского публициста и путешественника Джорджа Кеннана «Сибирь и ссылка»², вызвавшая глубокое недовольство правящих кругов России. Джордж Кеннан первый раз посетил Сибирь в 1865—1867 гг., а во второй раз, в 1885—1886 гг. для обследования каторжных тюрем и мест ссылки русских революционеров. Объясняя мотивы, побудившие его совершить это далекое путешествие Дж. Кеннан

писал: «Для среднего американца того времени Сибирь была почти такая же как Центральная Африка или Тибет... Происшедшее в 1881 г. убийство Александра II и последовавшая затем ссылка значительного числа русских революционеров в рудники Забайкалья еще более усилили мой интерес к Сибири и мое желание не только изучить на месте условия ссылки, но и ознакомиться также с русскими революционным движением в той именно части государства, где такое ознакомление, казалось мне, могло быть наиболее успешным,— именно на месте ссылки революционеров»³.

Во второй поездке Дж. Кеннан совместно с художником Д. Фростом проехал по Сибири 8 тыс. км. Возвратившись в Америку, Кеннан в серии статей, в двухтомном труде и в сотнях лекций, прочитанных в американских (впоследствии и в английских) городах, правдиво изобразил невыносимые условия, в которых находились политические ссыльные в Сибири. Даже журнал «Новь» признал, что «относительно умения наблюдать, быстро овладевать самым характерным — нужно отдать ему полную справедливость»⁴. Труд американского журналиста получил резонанс во всем мире⁵. Кеннан питал к русскому народу живейшие симпатии, его глубоко трогала участь «несчастных», которым «до Бога высоко, а до царя далеко». Сведения о жизни казахов — немногочисленны, но они объективны и ценны. Он посетил Омск, Семипа-

¹ В амбери А. Моя жизнь. М., 1914, С. 209.

² Michie A. The Siberian overland route from Peking to deserts and steppes of Mongolia, Tartary etc. L., 1864; Morgan E. D. A Journey through Semiretchia to Kuldja in 1880 // Proceedings of the Royal Geographical Society and Monthly Record of Geography. 1881. Vol. III. PP. 150—169; Jandfield J. B. Made mining explorations in the Kirghiz Steppes, 1898 // The Engineering Magazine, 1901, XXI, PP. 891—903.

³ См.: Stein M. A. Explorations in Central Asia, 1906—1908 // Geogr. Journal., July-September 1909; Pumpelly R. Archeological and physico-geographical reconnaissance in Turkestan: Explorations of 1903, Washington, 1905; Explorations in Turkestan. Washington, 1905. PP. 6—19, 159—216, 23—117; Stoliczka F. Geological observations made on a visit to the Shadr Kul Tian-Shan Range // Rec. Geol. Survey. India, 1874; Dilke ch. On the valley of the Ili and the water system of Russian Turkestan // Proceedings of the Royal Geogr. Society, 1874, XVIII. No. 8; Carruthers D. Arpa and Aksai plateau // Geogr. Journal. 1910. November.

⁴ Price M. P. Siberia. L., 1910. PP. VIII. 9, 174—184, 214—215, 304 etc.

⁵ Crawford J. M. The Industries of Russia, Siberia and the Great Siberian Railway etc. St. Petersburg, 1893.

¹ Wordell J. W. In the Kirghiz Steppes. L., 1918; Idem. An account of the happening at Spassky in Kazakhstan between 1914—1919 // Central Asian Review, Vol. XII. No. 2. 1964; Fell E. N. Russia and Nomad. Tales of the Kirghiz Steppes. N. Y., 1916; Vans-Agniew O. F. A British family in the Kazakh Steppe // Central Asian Review. Vol. X. No. 1. 1962.

² Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка. Т. 1—2. СПб, 1906.

³ Дж. Кеннан. Сибирь и ссылка. Т. 1—2. СПб, 1906. С. 1.

⁴ Джордж Кеннан и его путешествия // Новь, 1888, т. XXIV. С. 81.

⁵ См. отзывы: Sunday Sun. London, 3.01. 1892; Neue Freie Press, Wien, 23.10. 1892; Daily Telegraph. Boston. Mass., 1890. July 5 etc.

латинск, Ульбинск и Усть-Каменогорск. В беседе с политическим ссыльным А. Леонтьевым в Семипалатинске Кеннан узнал об Абае Кунанбаеве, посещавшем городскую библиотеку и читавшем сочинения западных классиков¹.

Известно, что Абай сблизился в Семипалатинске с ссыльным поляком С. Гроссом, широко образованным человеком, кандидатом права, окончившим Петербургский университет. А. Кунанбаев был также хорошо знаком и с другими семипалатинскими ссыльными — А. Леонтьевым, П. Лобановским, Н. Коншиным, А. Блэком², с которыми встречался и беседовал Дж. Кеннан. Поэтому можно полагать, что Кеннан даже располагал большими сведениями о казахском поэте-просветителе, чем те, которые приведены в его книге.

Ф. Энгельс в письме к В. И. Засулич от 3 апреля 1890 г. высоко оценил книгу Кеннана³. Книга была переведена на все европейские языки и произвела большое впечатление на общественное мнение Америки и Европы. Но самое глубокое впечатление книга произвела в России, где стала известна в 90-е годы в нелегальных русских изданиях. Вокруг «Сибири и ссылки» шли горячие дис-

куссии и в самой Америке. Позднее Дж. Кеннан горячо приветствовал свержение самодержавия и энергично выступил против всех попыток вооруженной интервенции в Советскую Россию⁴.

Многовековая история накопления исторических, этнографических, лингвистических, археологических и др. данных о Средней Азии и Казахстане имела своим естественным следствием появление в конце XIX — первом десятилетии XX вв. ряда научных исследований. Среди них по средневековой истории Казахстана заслуживают внимание работы Е. Оливера, Г. Ле Стрэнга, Е. Бретшнейдера, Е. Блоше, Дж. Маркварта⁵. Историю среднеазиатских ханств и Казахской степи в древнейших временах до конца XIX в., их взаимоотношения с Россией в XVII—XIX вв. изложили Д. Х. Скрайн и профессор персидского языка и литературы Лондонского университетского колледжа Э. Д. Росс⁶. Однако обобщение и осмысление фактических материалов носило противоречивый, сложный характер, оно нередко зависело от политической конъюнктуры, межгосударственных отношений, личных взглядов авторов. А. Краусс в объемистой книге «Россия в Азии», рассмат-

ривая сношения России с азиатскими странами со второй половины XVI и до конца XIX в., сводит их главным образом к расширению границ империи. Упомянутые выше Ф. Х. Скрайн и Е. Д. Росс указывают на «исконную агрессивность» русских. Сведения о казахах содержат также разные учебники и учебные пособия по истории Азии и России. Среди них: работы Джеймса Хаттона, Мишеля Шоумейкера, Б. Р. Морфиля, Р. М. Честера, Л. Е. Уолтера и др.

В летописи многолетних усилий зарубежных востоковедов по изучению Средней Азии и Казахстана, судьбы жителей которых были испокон веков тесно связаны со многими соседними странами, по праву займут работы скандинавских ученых. В 1890 г. в районы реки Орхон была снаряжена финская экспедиция во главе с А. Гейкелем, в 1898—1901 гг. там же работал другой финский ученый Г. И. Рамстедт. В 1893 г. датский ученый, лингвист В. Томсен расшифровал орхонскую надпись. Следует отметить и прусские экспедиции Альфреда Грюнведела (1856—1935) и Георга Хута (1867—1906) в 1902—1903 гг., Альберта фон Лекока (1860—1935) и А. Грюнведела в 1904—1905 гг. в Турфан.

Стимулирующее воздействие на научные занятия Казахстаном оказало общее интенсивное развитие востоковедения в Западной Европе и США, что нашло отражение, в частности, в возникновении и деятельности ряда востоковедческих научных ассоциаций — Королевского Азиатского общества с 1823 г. и Королев-

ского общества по изучению Центральной Азии с 1901 г. в Англии, Американского общества востоковедов с 1842 г., Немецкого восточного общества с 1845 г. и т. п. Развитию академического интереса к Средней Азии и Казахстану способствовало и начало международного сотрудничества ориенталистов, нашедшее свое выражение в проведении с 1873 г. международных конгрессов востоковедов. На XIII конгрессе ориенталистов в Гамбурге в 1902 г. была создана специальная Международная ассоциация для исторического, этнолого-лингвистического и этнографического изучения Центральной Азии и Дальнего Востока. Ведущими печатными органами востоковедов стали «Журнал Королевского Азиатского общества Великобритании и Ирландии» (с 1834 г.), «Исламское обозрение» (основанное в 1912 г.), «Журнал Королевского общества по Центральной Азии», «Бюллетень восточных и африканских исследований» (Лондонский ун-т), «Гарвардский журнал азиатских исследований» (Кембридж, Массачуссетс), «Журнал Американского общества востоковедов» (Нью-Йорк — Нью-Хейвен), «Журнал Финно-угорского общества» (Хельсинки), «Урало-алтайский ежегодник» (Висбаден) и др.¹

В то же время необходимо подчеркнуть, что несмотря на наличие значительного количества исследований по истории и этнографии Казахстана в дореволюционный период, западное среднеазиоведение развивалось в рамках тюркологии, алтаисти-

¹ Дж. Кеннан. Указ. соч. Т. 1, С. 140.

² См. Л. М. Ауэзова. Исторические основы эпопеи «Путь Абая». Алма-Ата, 1969. С. 287, 294.

³ См.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, С. 315.

⁴ Подробнее см.: Меламед Е. И. Джордж Кеннан против царизма. М., 1981.

⁵ Oliver E. E. The Chagatai Mughals // The Journal of the Royal Asiatic Society. Vol. XX. 1888; Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate: Mesopotamia, Persia and Central Asia from the Moslem conquest to the time of Timur. Cambridge, 1905; Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources: Fragments towards the knowledge of geography and history of Central Asia and Western Asia from the 13th to the 17th century. Vols. I—II. 2-nd ed. L., 1910; Blochet E. Introduction a l'histoire des Mongols de Fadl Allān Rashid ed-Din. Leyden; London, 1910; Marquart J. Über das Volkstum der Komanen // Osttürkische Dialektstudien. Abh. der königl. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Bd. XIII. No. Berlin, 1914.

⁶ Skrine F. H. and Ross E. D. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the earliest times. L., 1899.

¹ The World Learning, 1958—1964. 19th ed. L., 1969. P. 533, 522; Said E. W. Orientalism. L., Routledge and Kegan Daul. 1978 (Эдуард Саид освещает историю востоковедения с XVIII в. до наших дней, касаясь аспектов исторического, археологического, этнографического, географического, искусствоведческого и литературного). Aalto P. Oriental studies in Finland. 1828—1918. Helsinki, 1971.

ки, региональных исследований. Причины такого положения коренились в территориальной отдаленности Западной Европы и США от Казахстана и Средней Азии, в отсутствии между ними прямых и постоянных связей, в «защитных» мерах, проводимых царизмом. Поэтому изучение истории и этнографии казахского народа в странах Запада, в отличие от России, не сложилось в самостоятельную научную дисциплину, а проходило главным образом в русле буржуазной историографии Востока, прежде всего Центральной Азии. Тем не менее по словам русского востоковеда А. Е. Снесарева, «Англия изучала Среднюю Азию с полной внимательностью и, как можно догадываться по широко обоснованной программе... Благодаря настойчивому применению принципа самой широкой осведомленности, англичане получали в свое распоряжение относительно Средней Азии огромный материал»¹.

Но в Англии, как и в ряде западноевропейских стран, вступивших на стадию империализма, развитие историографической мысли характеризовалось проникновением в нее так же теологических, биологических, психологических и др. концепций, некоторые из буржуазных исследователей стремились оживить «теорию героев». Самым значительным буржуазным теоретиком общества эпохи империализма, оказавшим огромное влияние на дальнейшее развитие общественной науки, был, пожалуй, Макс Вебер (1864—1920), опиравшийся на идеалистическую неокантианскую гносеологию. В своем

очерке мировой истории религии он утверждал, что только протестантизм породил в Западной Европе капиталистическую этику накопления и расчетливости, в то время как все азиатские религии тормозили и (или) вовсе исключали расцвет капиталистической экономической этики. В связи с этим появляется ряд работ, посвященных изучению роли ислама в истории азиатского общества и призванных показать «кочевников тюркской и монгольской расы» в качестве «грабителей караванов», «разбойников», «разрушителей» оседлых культурных центров, без влияния извне неспособных к саморазвитию². А. Шателье — автор работы «Ислам в XIX в.» указывает: «Вне портов Аральского и Каспийского морей и русских городов, население исключительно кочевое и слишком редкое, чтобы испытывать непосредственное влияние своих победителей». Но его устраивает именно такое состояние — пребывание казахов вдали от городской жизни и культуры, чтобы «не пробудить» у них «дух национализма»³. Другие же, пытаясь вызвать ненависть ко всему азиатскому, ассоциируемому с деспотизмом и тиранией, изображали у далеких предков народов Средней Азии и Казахстана — древних племен саков, массагетов и др. звериные обычаи. Ведь авторы таких строк рассматривали явления истории «в прагматической.. связи, чтобы пробуждалась фантазия читателя и вместе мыслящий дух его заинтересовывался и удовлетворялся выяснением причин и следствий»⁴.

Наиболее полное отражение превалирования реакционных тенденций во многих сферах общественной жизни империализма, в частности, попыток обоснования политических амбиций германского империализма, колониально-расовых теорий мы находим во всемирной истории немецкого профессора Г. Гельмгольца «История человечества». В методологическом резюме выводов ее, написанном профессором Томасом Ахелисом, указываются следующие принципы:

1. «В расположении материала решающее значение придавалось исключительно географической точке зрения, связывающейся без натяжки с этнографической»¹.

2. Авторы придерживаются точки зрения, что «более слабые племена покоряются воинственными представителями более сильного племени»².

3. Отмечая «благотворное» влияние Запада на восточные страны, Т. Ахелис заявляет, что «Восток издавна отличался грудой суеверия и мистики»³.

4. «Развитие культуры определяется климатическими условиями и геологическим строением земли, на которой обитает тот или иной народ»⁴.

Весьма воинственно звучит и заключение, к которому пришли авторы:

а) «Непрерывное соперничество и борьба за господство, которые отесняют на задний план более слабые и менее способные народы»;

б) «Импозантное триумфальное шествие арийско-европейской культуры по всему земному шару»⁵. Иными словами, авторы методологического резюме выступают как типичные

представители направления, подменяющего законы высшей и наиболее сложной формы движения материи — социальной — законами относительно простой формы движения материи — биологической. Разновидностью биологического направления является социал-дарвинизм, механически переносящий на общество отдельные открытия Ч. Дарвина — закономерности биологического развития. Одну из наиболее реакционных школ биологического направления в истории и социологии представляет расизм, отправным пунктом которого является антинаучная предпосылка об умственной и психической неравноценности различных рас. Идеологи империализма к числу последних относят, как правило, народы Азии, Африки и Латинской Америки, ставшие объектами колониального грабежа и разбоя. Авторы «Истории человечества» как раз и заняты обоснованием неизбежности и целесообразности господства «арийской» (германской) расы над другими народами и странами.

Антинаучная расовая теория положена в основу сопоставления жизни восточных и европейских народов во «Всемирной истории» Теодора Линдера (1901—1917).

Одним из проявлений методологического кризиса в западной исторической и этнографической науке конца XIX — начала XX в. было возникновение диффузионистских школ. Приверженцы диффузионизма главным содержанием исторического процесса признают распространение культурных явлений через контакты

¹ Снесарев А. Е. Индия как главный фактор в среднеазиатском вопросе. СПб, 1907. С. 8.

² См.: Гельмгольт Г. История человечества: Всемирная история. СПб, 1903, т. II. С. 159; т. IV. С. 206—207; История XIX века. Пер. с фр. т. IV. М., 1906, с. 265; Шателье А. Ислам в XIX в.: Пер. с фр. Ташкент, 1900.

³ Шателье А. Указ. соч. С. 75, 105.

⁴ Вебер Г. Курс всеобщей истории. Пер. с нем. Т. I. Вып. 1. М., 1859, С. 55.

¹ Гельмгольт Г. Указ. соч. Т. 9, С. 295.

² Там же. С. 296.

³ Там же. С. 305.

⁴ Там же. С. 308.

⁵ Там же. С. 335.

между народами (диффузии), стремятся свести исторический процесс к миграциям, столкновениям, взаимодействиям, переносу культур, скрещиванию культурных явлений и комплексов. Это направление представляет собой попытку снять понятие исторического прогресса. Представитель одной из школ диффузионизма, т. н. «культурной мифологии», немецкий ученый Лео Фробениус выдвинул концепцию полярной противоположности культур «Востока» и «Запада». Первому присуще, по его мнению, неподвижность, идея фатализма, а второму — динамичность, идея личности и свободы¹.

Во Франции в ходе борьбы против эволюционизма сформировалось социологическое направление. Крупнейший его представитель французский философ Эмиль Дюркгейм (1858—1917) главным предметом своего исследования выбрал человеческое общество. Но последнее рассматривается им как особая реальность, отнюдь не сводимая к сумме составляющих общество индивидов. «Общество» для Дюркгейма — это не система материальных, трудовых, производственных отношений, а лишь совокупность психических связей².

Э. Дюркгейм и другие представители социологической школы чрезмерно преувеличивают роль религии в истории человеческого общества, о чем уже говорилось на примере А. Шателле и других авторов трудов по исламу. По убеждению Дюркгейма, «почти все великие социальные уч-

реждения родились из религии»³. Для него религия — не только форма общественного сознания, но и средство укрепления общественной солидарности, творческое воодушевление человеческих коллективов и т. п.

В США с 90-х годов также зарождается взамен эволюционизма новое направление в истории и этнографии — т. н. «американская школа исторической этнологии». Последователи ее в основу классификации племен и народов положили понятие культурно-географической области, назвав ее «культурным ареалом». Основные положения школы, сформулированные ее основателем крупнейшим ученым и мыслителем Францем Боасом (1858—1942)⁴, претерпели в дальнейшем существенные изменения. Его идеи об уважительном отношении к культуре каждого народа впоследствии получили превратное толкование и легли в основу целого направления в американской исторической науке — релятивизма, т. е. учения об относительности всех морально-оценочных критериев и несравнимости культурных ценностей разных народов.

Позиции эволюционистской школы в Англии в первом десятилетии XX в. были значительно вытеснены функционалистским направлением, слабой стороной которого также был откровенный антиисторизм. Главное требование функционального метода — рассматривать быт и культуру любого народа как единое целое, как систему взаимосвязанных частей, где

каждая часть выполняет свою определенную роль, свою функцию.

Одним из ближайших истоков функционализма можно считать «Кембриджскую школу» А. Хэддона и В. Риверса, стремившуюся сочетать полевую работу с кабинетной и проводить полевые исследования на строго научной уровне. В этом отношении, да и для оценки вообще буржуазно-либерального направления, труды представителей которого содержали в себе еще много прогрессивных черт, заслуживает введение, написанное А. Хэддоном к книге «Народы мира в нравах и обычаях». В нем ставится ряд принципиальных методологических вопросов в духе прогрессивных идей эволюционизма: «Нередко приходится слышать шаблонную фразу, что у народов «низших рас» господствуют звериные обычаи и нравы. Человек высшей культуры считает унаследованный им уклад жизни самым нормальным и правильным все, что с ним расходится, он презрительно отвергает или, в лучшем случае, снисходительно терпит»¹.

А. Хэддон пытается определить основные принципы и значение исследования отставших в своем развитии народов:

1) «Изучение обычаев отсталых рас представляет такую же научную ценность, как и изучение обычаев всякой другой группы людей, на какой бы ступени цивилизации они ни стояли»; 2) «Нравы и обычаи народа зависят прежде всего от естественных условий, в которых он живет»; 3) «Ныне живущие варварские и дикие народы — это запоздалые путники на историческом пути, и их обычаи пред-

ставляют для нас не курьезы, не предмет насмешек, они также полны глубокого смысла и значения для нас, как и для них»².

И далее в книге, исходя из этих принципов, приводятся краткие сведения об образе жизни казахов. «Киргизы, — отмечают авторы, — отважные кочевники, живущие в степях между северными пределами Туркестана и Центральной Сибирью. Они одной расы с узбеками и сами называют себя киргиз-кайсаками»³.

Итак, в изучении истории и этнографии казахского народа отчетливо выделяются два основных направления, которые наложили отпечаток на трактовку ряда конкретных, узловых проблем истории и жизни дореволюционного Казахстана.

С началом I-ой мировой войны на востоковедении, как и на других отраслях научной работы, отразилось ослабление культурной связи между народами. Прекратилось издание «Энциклопедии ислама» в Голландии, международной библиографии по Востоку, издававшейся в Германии с 1887 г. (Orientalische Bibliographie).

Таким образом, дореволюционным авторам принадлежит заслуга постановки большинства проблем истории и этнографии казахского народа, сбор и накопление массы разнообразных сведений и попытки их обобщения в рамках школ и течений дворянской и буржуазной методологии. Некоторые из общих работ исследователей, свидетельства очевидцев событий прошлого (путевые записки, дневники и т. д.) заслуживают специального рассмотрения по своей познавательной значимости.

¹ См.: Frobenius L. Paideuma, Umriss einer Kultur und Seelenlehre. Frankfurt-am-Main, 1928, S. 205—220.

² См.: Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев, Харьков, 1899. С. 127.

³ Durkheim E. Les formes élémentaires de la vie religieuse, le système totemique en Australie. P., 1912. P. 598.

⁴ Аверкиева Ю. П. Франц Боас (1858—1942) // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, Вып. 1. 1946.

¹ Народы мира в нравах и обычаях: Пер. с англ. Пр., 1916. С. 1.

² Там же. С. 2, 3, 20.

³ Там же. С. 430.

Проблемы истории Казахстана глазами очевидцев и в ретроспективе

Некоторые вопросы социально-экономического развития кочевого общества казахов

В западной литературе накоплен разнообразный фактический материал о социально-экономическом развитии дореволюционного Казахстана. Значительная часть его обобщена и осмыслена рядом западных историков в рамках буржуазной методологии уже в дореволюционный период. Об этнической территории, численности, занятиях (кочевое хозяйство, торговля, рыболовство, ремесло) и расселении казахов в разное время писали немецкие историки М. Шнитцлер, М. Людвиг, Г. Крамер, Г. Благовещенский, англичане Е. Д. Морган, М. П. Прайс¹. Так, Г. Крамер, побывав в Верном, Аулие-Ате, Чимкенте, Иргизе, Казалинске и Туркестане в конце прошлого века, приводит данные о численности и этническом составе населения этих городов, дает описание мавзолея Ахмеда Ясави. В дальнейших главах он подробно рассказывает о состоянии торговли,

рыболовства, развитии земледелия, добывающей промышленности, полезных ископаемых края, о животноводстве в Кызылкумах, в районе Аральского моря, степях Эмбы. Внимание его привлекли также социальная организация казахского общества: бии, тюленгуты, султаны, ханы и другие социальные категории. Отмечает, что казахи — приверженцы ислама суннитского толка, но они — не фанатики; указывает на сохранение среди них пережитков шаманизма². О значительных объемах торговли в северных и восточных районах пишет М. Прайс: из одного только Петропавловска в Европейскую Россию ежегодно вывозилось до 30 тыс. т. мяса³. О развитии новых отраслей в Семиречье, приводившем к появлению торговцев, рабочих и др. социальных категорий здесь, свидетельствует Л. Морган. По пути в Кульджу он побывал в Аягузе и вслед за Ат-

кинсоном сообщил о полезных ископаемых (медной и др. рудах) Чингистау. Здесь же он интересовался пещерой «Singer-Tash», что в переводе «Поющая скала». В районе р. Тентек был в ауле зажиточного казаха Малайбека Султанова, описал кочевое хозяйство здешних казахов⁴.

Иностранцы широко осветили в своих трудах процесс урбанизации казахского общества, развитие земледелия, торговли, добывающей промышленности. Путешествия Д. Аббота по Мангышлаку и вдоль Яика, Джона Кохрейна, Г. Ланселла, Т. Аткинсона по восточным районам Казахстана, С. Грэхам по Семиречью, Ю. Скайлера и Я. Мак-Гахана по южному маршруту доставили разнообразные сведения о городской жизни, численности, национальном и социальном составе жителей Верного, Чимкента, Аулие-Аты, Копала, Аягуза, Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Акмолинска, Гурьева, Уральска, об архитектурных памятниках в них².

О городах и поселениях Восточного Казахстана, полезных ископаемых и развитии горнорудной промышленности, пригодных для земледелия районах рассказывают авторы шеститомного сочинения «Живописное путешествие по Азии». В нем приводятся данные о численности рабочих, среди которых были и казахи. Серебряный рудник Змеиногорска, открытый в 1745 г., ежегодно давал до 600 пудов серебра, а Зыряновск до 500 золотоносного серебра³. Земные богатства нового ко-

лонияльного края подвергались безжалостному разграблению, став одним из источников развивавшегося капитализма в России.

Побывавшие в восточных районах Казахстана во второй половине XIX в. немецкие естествоиспытатели О. Финш и А. Брем писали: в зимнее время для работ в рудниках приезжали до 300—400 казахов. Они же сообщают, что в 1875 г. на Зыряновских рудниках было добыто 3,5 пудов золота, 50 пудов серебра и 15 тыс. пудов меди⁴. Состояние горных промыслов и других отраслей экономики в дореволюционном Казахстане в конце XIX в. обследовал французский дипломат Клавдий Оланьон в книге «Сибирь и ее экономическая будущность». Он убедительно описывает тяжелые условия работы в рудниках Казахстана, чудовищную эксплуатацию рабочих владельцами предприятий. Приведем отрывок из его книги: «Невыгодные гигиенические условия, полное лишение самого элементарного комфорта быстро разрушает здоровье и нравственный склад этих людей, которые часто еще к тому же подвержены страшной болезни. После этого неудивительно, что алкоголь является для них средством забвения; он составляет единственное наслаждение для этих несчастных и неразвитых людей, их высшее блаженство... Здесь не существует ни пенсионных касс, ни обществ взаимопомощи, ни страхования рабочих; рабочий, в случае расстройства здоровья, впадает вследствие этого в крайнюю бедность и присоединяется

¹ Schnitzler M. J.-H. L'Empire des Tsars. Au point actuel de la science. T. 1. P., 1862; Schlesinger M. L. Russland im XX Jahrhundert. Berlin. 1908; Kraemer G. Russland in Mittelasiien, 1898; Blagowieshensky G. Die Wirtschaftliche Entwicklung Turkestan. Berlin, 1913; Morgan E. D. A Journey through Semifetchia to Kuldja in 1880 // Proceedings of the Royal Geogr. Society and Monthly Record of Geography. 1881. Vol. III. PP. 150—169 etc.

² Kraemer G. Russland in Mittelasiien... S. 7—31, 79.

³ Price M. P. Op. cit. P. 214.

¹ Morgan E. D. Op. cit. PP. 151, 154, 157.

² См.: Cochrane J. D. A Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary. Edinburgh, 1829. Vol. 1. PP. 120, 125, 129; Lansdell H. Op. cit. Vol. 1. PP. 274, 54; Schuyler E. Op. cit. Vol. 2. PP. 145, 146, 121; Graham S. Through Russian Central Asia. L., N. Y., 1916. PP. 123, 149, etc.

³ Живописное путешествие по Азии. Т. III.— М., 1840. С. 108, 109, 163.

⁴ Финш О. и Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. С. 257—258.

к полчищу нищих, бродяг и преступников. Выгодно выделяются рабочие из киргизов: они трезвее, терпеливее и нравственнее. Работа киргиза не так производительна, но он спокойнее и менее требователен; словом, киргизы более порядочные рабочие»¹.

В степной области Оланьон указывает на четыре группы золотоносных приисков: кокчетавская, усть-каменогорско-кокчетавская, курчумская, джаркентская. «Блестящее будущее, по видимому, ожидает разработку медной руды в киргизских степях,— пишет он.— Близость каменноугольных копей облегчает металлургическую обработку этого металла»². К. Оланьону известно участие рабочих-казахов в различных отраслях промышленности. В соледобывающей ее отрасли, указывает он, в основном работают казахи³. Много места уделено в книге участию казахов в торговле. В Петропавловске и др. городах Казахстана имелись агентства русских и иностранных торговых домов по закупке мяса, масла, животноводческого сырья. В Петропавловск в 1893 г. пригоняли для убоя 14 тыс. голов крупного рогатого скота, в 1899 г.—53 тыс. голов, ежегодно привозили сюда 170—180 тыс. штук лошадиных шкур. В западно-европейские страны из Петропавловска отправляли ежегодно до 1 млн. бараньих шкур. За козьими шкурами сюда и в Семипалатинск ежегодно приезжали комиссионеры из Парижа, Лейпцига, американских штатов⁴.

Таким образом, краткий обзор работ отдельных западных авторов

XIX века, разнообразные сведения в них о социально-экономической жизни жителей Казахстана опровергают тезис о «застойности» и «незыблемости» кочевого общества, неподвластности его социальных и политических институтов внешним и внутренним факторам. Не выдерживают критики и утверждения буржуазных исследователей о «чистом» кочевничестве, «незнании» казахами земледелия, неспособности их стать профессиональными рабочими, земледельцами. Но одни подходили к этому вопросу с позиции идеализации «патриархального», кочевого образа жизни, а другие твердили так будучи под влиянием европоцентристских концепций. Фр. Гелльвальд, указывал на ограниченность земледелия среди казахов, пытается объяснить это обстоятельство «глубоким отражением кайсака к оседлой жизни». «Он по природе пастух и... вполне доволен своей судьбой, когда с быстротой ветра несется по степи на своем коне, а также в течение нескольких месяцев, которые проводит в горах, где находят богатые пастбища для своих стад»⁵. М. Э. Чаплика же вовсе отрицала развитие земледелия в степи: «кайсаки никогда не знали земледелия»⁶. Неверием в возможности народа порождено мнение Т. Аткинсона. Будучи в Верном он писал: «Я не раз слышал разговоры о том, что Верный в будущем станет промышленным городом и в нем появятся текстильные фабрики, на которых будут трудиться киргизы. Я сомневаюсь в этом, подобные предположения мо-

жет высказывать лишь энтузиаст, совершенно незнакомый с этой местностью и ее обитателями. Насколько я знаю киргизов, никакая сила не может превратить этих кочевников в индустриальных рабочих. Их приверженность к кочевой жизни складывалась в течение столетий и столько же веков потребуется, чтобы изменить ее». Однако подобного рода утверждения опровергаются большинством зарубежных исследователей дореволюционного Казахстана. Джон Уорделл точно указывает на очаги земледелия, численность рабочих-казахов в Центральном Казахстане. Казахи,— пишет он,— издавна знали земледелие, об этом свидетельствуют ирригационные сооружения вдоль рек Центрального Казахстана¹. О повсеместном развитии орошаемого земледелия в южных районах Казахстана рассказывают англичанин С. Грэхам, швейцарский ученый Н. А. Дингельштедт². К. Оланьон, говоря о том, что «киргизы с незапамятных времен вели полукочевую жизнь пастушеских народов», приводит данные о посевных площадях и сборе пшеницы в северных областях Казахстана. В 1897 г. в Акмолинской области было собрано 5 млн. 500 тыс., а в Семипалатинской — 3 млн. 500 тыс. пудов хлеба³.

В конце XIX— начале XX вв. о появлении во многих районах Казахстана новых социальных категорий «егинши-джатаков», казахов, работающих по найму стали писать многие западные авторы, побывавшие в Ка-

захстане. «Совсем обедневшие киргизы... целыми сотнями работают на алтайских рудниках»⁴,— писали О. Финш и А. Брем в 80-х годах XIX в. Тем не менее в современной буржуазной литературе широко распространено мнение о том, что «кочевое общество» является неким субстантивным социальным организмом, развитием которого управляют свои специфические законы природы и исторического процесса. По представлениям сторонников такой теории, даже духовный, интеллектуальный мир кочевника выступает как явление, определяемое климатическими условиями; кочевничество несовместимо с культурой. Профессор Гейдельбергского университета Альфред Геттнер писал: кочевничество возникло «вследствие приспособления человека к сухим, безводным местностям, которые не пригодны для оседлого земледелия, а тем более для насаждения и развития настоящей культуры. Кроме охоты, здесь возможно лишь весьма экстенсивное скотоводство, требующее кочевого образа жизни»⁵. Предшественник А. Геттнера — упомянутый выше Г. Гельмгольт также отказывает кочевнику быть субъектом истории. Его методология, опирающаяся лишь на географический фактор, порождает немало ошибок в определении роли кочевников в историческом процессе. «Сам кочевник не создает культуры,— пишет Г. Гельмгольт,— но косвенным образом способствует ее прогрессу, уничтожая границы между различны-

¹ Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность: Пер. с фр. СПб. 1905. С. 165.

² Там же. С. 186.

³ Там же. С. 221.

⁴ Там же. С. 116, 128, 129—130.

⁵ Гелльвальд Фр. Естественная история племен и народов. Т. II. СПб. 1883. С. 761.

⁶ Czapliska M. A. Op. cit. P. 40.

¹ Wordell J. M. Op. cit. PP. 115—116.

² Dingelstedt N. A. La regime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz. P., 1891; его же. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сыр-Дарьинская область. Т. 1—2. СПб, 1893—1895.

³ Оланьон К. Указ. соч. С. 99.

⁴ Финш О. и Брем А. Путешествие в Западную Сибирь, С. 282.

⁵ Геттнер А. Как культура распространялась по земному шару. Пер. с нем. Ленинград, 1925. С. 36.

ми странами и создавая мировые государства, бесконечный горизонт которых воскрешает идею о единстве человеческого рода даже там, где эта идея, казалось, совсем заглохла вследствие политической раздробленности и самодовольства¹. Но приобщение кочевников к мировой культуре, по мнению автора, происходит путем завоеваний, слияний, миграций, т. е. под влиянием внешних факторов, а не является естественным результатом внутреннего развития. «В конечном результате, разумеется, всегда оказывается, — пытается он подытожить, — что накопленный труд бесчисленных поколений, поскольку он воплотился в культуре, сильнее необузданной культуры кочевников; и даже самый дикий степной народ в конце концов вынужден склониться пред властью мысли и незаметным давлением высшей культуры»². Однако в отличие от многих дореволюционных авторов, Г. Гельмгольт считает, что «мирные сношения между оседлыми жителями и кочевниками», были «скорее правилом», чем исключением в истории³. Такого же мнения придерживается ряд современных историков. Профессор Национального центра научных исследований (Париж) А.-П. Франкфор утверждает: «В отношениях между кочевыми и оседлыми народностями можно выявить тенденции: существование определенных, устоявшихся форм жизни, характерных для той или иной группы, и проме-

жуточных форм, которые были, по результатам археологических исследований, органичными и для чистых пастушеских кочевых племен, и для оседлых, занимавшихся земледелием»⁴.

Но в целом буржуазные историки не смогли правильно определить те факторы, которые лежали в основе взаимоотношений оседлых и кочевых народов, большинство из них, в т. ч. французский ученый Рене Груссе, английский историк и социолог Арнольд Тойнби, исходят из географического детерминизма. Р. Груссе посвятил этой проблеме ряд работ. В его «Истории Азии», выпущенной в 1921 г., имеются глава «Исламский Восток», карта расселения древних народов Востока. В четырехтомном сочинении «Цивилизация Востока» Китаю и Средней Азии посвящен третий том (т. 1 — египетская, персидская и арабская культура; т. 2 — индийская; т. 4 — японская). Им написана также работа «Империя степей: Аттила, Чингис-хан, Тамирлан», «Монгольская империя»⁵. Они основаны на объяснении «периодических тюрко-монгольских нашествий» на оседлые земледельческие области лишь сменой погодных условий в степи, периодичностью засух и других стихийных бедствий.

Между тем в буржуазной историографии эти работы Р. Груссе копируются весьма высоко⁶. В целом, «закон» Р. Груссе, т. е. его теория

«пульсирующих миграций» кочевников, прямой зависимости их массовых передвижений от состояния травостоя в степи, как и его философия истории кочевников и их взаимоотношений с соседними народами, базируется или по крайней мере очень схожа с концепцией Арнольда Тойнби, которая сжато изложена в третьем томе его 12-томного «Исследования истории»¹, проанализированном в статье И. Я. Златкина². По Тойнби, номадизм — это общество без истории, кочевые народы обречены на исчезновение³.

История человечества, по утверждению английского ученого, не поднимается по прямой линии прогресса, а предстает в виде ряда «цивилизаций». Последние создают и двигают великие люди; масса способна в лучшем случае на поверхностное и механическое подражание. Основой каждой «цивилизации» Тойнби считает религию, которая дескать и составляет содержание истории человечества. Таким образом, вся концепция «круговорота цивилизации» направлена против исторического материализма, в первую очередь, его основного положения о последовательном и поступательном развитии человеческого общества.

Опираясь на теории Р. Груссе, А. Тойнби и др., современные немарксистские историки пытаются по своему осмыслить узловые проблемы истории дореволюционного казахского общества. Так, в редакционном

предисловии к статье Дж. Фокс-Холмса, наряду с признанием высокого научного уровня трудов советских историков, говорится, что их ценность «затмевается политическими соображениями, которые требуют даже туманную и расплывчатую структуру казахского общества представить в жестких рамках марксистской терминологии»⁴. В статье «Феодализм в Казахстане. Некоторые трудности марксистской историографии», опубликованной в органе английских советологов — «Среднеазиатском обозрении» дается подробный обзор статьи В. Ф. Шахматова «Основные черты казахской патриархально-феодальной государственности»; его взгляды сопоставлены с выводами работ С. В. Юшкова, М. П. Вяткина, Т. М. Культелева, Н. Т. Аполловой. По мнению рецензента, статья является характерным примером стремления советской историографии применить марксистскую периодизацию ко всем народам, «независимо от уровня их цивилизации и географического расселения»⁵. Американский советолог В. Рязановский также утверждает, что считать дореволюционное казахское общество патриархально-феодальным нет оснований, ибо у «казахов земля находилась в распоряжении родовых общин в качестве пастбища и ведения охоты»⁶. Такая оценка содержится и в статье А. Беннигсена «Туркестанцы», опубликованной в Гарвардской энци-

¹ Гельмгольт Г. Указ. соч. Т. II. С. 119.

² Там же.

³ См.: Там же. С. 118.

⁴ Франкфор А.-П. Существовал ли великий шелковый путь во II—I тыс. до н. э. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. А.-А., 1989. С. 203.

⁵ Grousset R. Histoire de l'Asie. P., 1921; Idem. Les civilisations de l'Orient. T. 1—4. P., 1929—1930; Idem. L'Empire des steppes: Attila, Genghis-khan, Tamerlan. P., 1939.

⁶ См.: Schurz H. Bibliotheca Mongolica. P., 1941, S. 162; Singer D. The Scope and Importance of Altaic Studies // Journal of the American Oriental Society. 1963. Vol. 83. No. 2. P. 195.

¹ Тоунбее А. A Study of History. Vol. 3. L., 1934. PP. 1—127, 395—404, 425—452.

² Златкин И. Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность. В кн.: Современная историография зарубежного Востока. Проблемы социально-политического развития. М., 1971, С. 131—193.

³ Тоунбее А. Op. cit. Vol. 3. PP. 17, 21.

⁴ Central Asian Review. 1957. Vol. 1. No. 5. P. 5.

⁵ Feudalism in Kazakhstan. Some difficulties of Marxist historiography // Central Asian Review. 1961. Vol. IX. No. 2. P. 126.

⁶ Кисановский В. Customary law of the nomadic tribes. P. 28.

кнопиди американских этнических групп¹.

Ошибка буржуазных историков состоит в том, что они рассматривают роды и племена в казахском обществе, другие локальные объединения кочевников в качестве стабильных социальных организмов, вне времени и вне пространства. Они не учитывают, что социальные образования кочевников, в т. ч. роды и племена казахов, их внутренний строй исторически давно-давно не выражали сущности родового общества; коллективная форма владения пастбищами скрывала феодальную сущность его. Советскими историками доказано, что история «кочевого» казахского общества вполне объяснима действиями тех же общих закономерностей, которые лежат в основе развития всего человеческого общества. Но в то же время необходимо избегать: «искусственное сближение кочевой и оседло-земледельческой моделей общественного развития, предать забвению экологические, биологические и экономические аспекты проблемы кочевничества»². «Труд, — указывает К. Маркс.— есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой»³.

В современной западной литературе продолжается процесс изучения

и других аспектов социально-экономической жизни дореволюционного Казахстана.

Материалы западной литературы, русских и китайских источников о народах Средней Азии и Казахстана были обобщены в обстоятельной работе преподавателя этнологии Оксфордского университета Мэри Чаплики «Тюрки Средней Азии», вышедшей в 1918 году. Ею использованы труды И. Бичурина, В. В. Радлова, В. В. Бартольда, Н. И. Гродекова. Масса фактических сведений и идей о происхождении казахского народа, об этнониме «казах», расселении тюркских племен и их миграции на огромном пространстве, о тамгах и уранах казахских родов, изменениях этнического состава населения со времени монгольского нашествия почерпнуты ею из работ английских, американских, финских и французских исследователей.

М. Чаплика делит историю среднеазиатских народов на четыре периода:

I — с отдельных упоминаний в китайских хрониках и в «Авесте» до середины VI в. до н. э., когда появляется имя «Tu-kiu» (Турк);

II — с появления имени «Tu-kiu» до монгольского нашествия (сер. XIII в.);

III — с этого времени до начала русского продвижения в середине XVII в.;

IV — войны с Россией, установле-

ние над Средней Азией русского господства (до 1917 г.).

В этнографической части работы сообщается, что казахи по переписи 1897 г. насчитывали 4,1 млн. человек, а в 1911 г. численность их достигла 4,7 млн. человек; кроме того в Казахстане в 1911 г. жило до 800 тыс. русских, дунган, уйгуров, узбеков. Автор высказывает свое мнение о времени появления казахских жузов (при хане Тауке в XIII в.), о разделении их на «белую» и «черную» кости. Как и многие дореволюционные авторы утверждают, что «социальная структура казахов базируется на патриархальной системе»⁴.

Отдельные суждения и сведения, приводимые М. Чапликой дублируют материалы книги Э. Паркера «Тысяча лет татар», в особенности IV главы «Империя западных тюрков». В ней Паркер пытался выяснить этногенез казахов, описывал образ жизни, судопроизводство, вооружение племен, населявших территорию Казахстана⁵. В свою очередь, с работой М. А. Чаплики перекликается сочинение Г. Гибби «Арабское завоевание Средней Азии»⁶. Но в отличие от предыдущих авторов, Гибби почти не знаком русскоязычная литература. Книга основана на материалах диссертации,

защищенной им в 1921 г. в Лондонском университете на соискание ученой степени доктора искусств. Представляют интерес данные автора о древних тюркских племенах, образовании и территории Западно-Тюркского каганата, вторжении арабов в Среднюю Азию.

Велись исследования отдельных племен и государственных образований на территории Казахстана в средние века: о кимаках, кыпчаках и их расселении В. Хеннигом, Г. Бэйли, П. Пеллио, карлукских племенах Б. Карлгреном, об этнониме некоторых племен, вошедших в состав Карлукского государства, о государстве Караханидов О. Прицаком и Р. Васмером⁴. Э. Доблхофер сообщил о грамоте Тюркского кагана на «скифской письменности» к византийскому императору⁵. Американский ученый М. Данлоп изложил историю Хазарского каганата, границы которого в X в. достигли северо-восточного побережья Каспия⁶. По тому времени эти исследования явились значительным вкладом в зарубежное востоковедение.

В 1912 г. Б. Шпулер выпустил монографию «Золотая Орда: монголы в России, 1223—1502 гг.», в которой излагается подробная генеалогия зо-

¹ Bennigsen A. Turkestanis // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups / Ed. by S. Thernstram, c. a. Cambridge, Mass., 1980. PP. 749—750.

² Масанов Н. Е. Типология скотоводческого хозяйства кочевников Евразии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 59.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 188.

⁴ См.: Parker E. H. A Thousand years of the Tartars; Chavannes E. Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan oriental. Oxford, 1913; Donner O. Sur l'origine de l'alphabet Turc du Nord de l'Asie // Journal Soc. Fin.—Ougr. Helsingfors, 1896. V. XIV; A. Vambery. Das Türkenvolk. Leipzig, 1885; Blochet E. Le nom de Turc dans l'Avesta // Journal of the Royal Asiatic Society. L., 1915, etc.

¹ Czapliska M. A. The Turks of Central Asia in history and the present day. Oxford, 1918. P. 40—41.

² Parker E. H. Op. cit. PP. 185—191.

³ Gibb H. A. R. The Arab conquests in Central Asia. L., 1923.

⁴ См.: Hennig W. B. Argi and «Tokharistans». // Bulletin of the School of Oriental Studies. 1938. Vol. IX. Pt. 3; Bailey H. W. Ttagara // Ibid. 1937. Vol. VIII. Pt. 4; Pelliot P. neuf notes sur les questions d'Asie Centrale // T'oung Pao. 1929. Vol. 26; Idem. A propos des Comans // Journal Asiatic Sér. 11. T. XV. P., 1920 (impression séparée); Karlgren B. Analitic dictionary of Chinese and Sino-Japanese. P., 1923; Pzitsak O. Von der Karluk zu der Karacraniden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Bd. 101. Berlin; Idem. Karachanidische Streitfragen // Oriens. Vol. III. No. 2. 1959; Idem. Die Karachaniden // Der Islam. 1953. Bd. XXXI; Vasmer R. Zur Münskunde der Karachaniden // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jg. XXXIII. Abt. II. Berlin, 1930.

⁵ Doblhofer E. Bysantische diplomaten und Östliche Barbaren Graz.—1955. Bd. IV.

⁶ Dunlop M. D. The history of Jewish Khazars. Princeton, 1954.

лотоордынских ханов». Основные тезисы: взаимопроникновение номадизма и оседлости, о первоначальной приспособляемости и конечной совместимости, симбиозе кочевых структур Золотой Орды с оседлым обществом Руси. Эти же идеи были изложены Б. Шпулером в докладе на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско в 1975 г.

Изучению социальной структуры дореволюционного казахского общества посвящены книги сотрудника Йельского университета Альфреда Хадсона «Социальная структура казахов»¹, сотрудника Корнелльского университета (США) Элизабет Бэкон «Средняя Азия под русским господством», немецкого ученого Х. Шленгера «Изменения в социальной структуре Казахстана в русском, особенно в советское время» и ряд других публикаций². В последней из них прослежены социально-экономические и демографические процессы в структуре казахского общества, предпринята попытка выявления основных факторов, повлиявших на них. Работы же американцев А. Хадсона и Э. Бэкон основаны на материалах, собранных во время их пребывания в научной командировке в Казахстане в 1934 г. Книга Бэкон охватывает большой круг вопросов истории и этнографии казахского народа. Автор затрагивает вопросы, касающиеся характера организации казахской семьи, наследственного права у казахов, имущественного расслоения с указанием

скрытой формы эксплуатации («жалшы», «консы» и т. д.), жилища, пищи, свадебных обычаев и обрядов³. Но по конкретности и богатству содержания этнографических материалов книга Э. Бэкон намного уступает ранее опубликованной работе англичанина Джона Уорделла «В Киргизских степях», который более подробно и наглядно описывает предметы материальной и духовной культуры народа. Уорделл пишет: «Несомненно, казахи — очень музыкальный народ... Среди них и немало мастеров ювелирных, ткацких и кожаных изделий с прекрасным вкусом»⁴. Англичанин детально описывает одежды людей, принадлежащих к разным социальным группам казахского общества, технологию приготовления различных видов пищи (бауырсак, айран, кумыс, казы, карта, их лечебные свойства), свадебный церемониал, похоронные обряды, спортивные и другие национальные игры, музыкальные инструменты. Казахские женщины, указывает автор, готовят около 30 видов молочных продуктов; отмечает отсутствие религиозного фанатизма у казахов⁵. В отличие от англичанина, Э. Бэкон идеализирует дореволюционное общество казахов, отмечая его лишь «патриархальный» характер, не видя в нем социальных противоречий. Подобный методологический изъян присущ и указанной работе А. Хадсона, которого при ее написании консультировали Г. Вернадский и Э. Бэкон.

Попытки обосновать «патриар-

хальный» характер казахского общества были предприняты профессором Индианского университета Валентином Рязановским. В его книге «Обычное право кочевых племен Сибири» имеется раздел «Юридические обычаи киргизов», где он пишет: «Основным источником киргизского права являются степные обычаи... В основе их социальных отношений лежал патриархальный родовой порядок, административное и судебное производство было основано на родоплеменных принципах»¹. Автор подвергает анализу свод законов хана Тауке («Жеті Жарғы»), царское судопроизводство, перечисляет роды трех казахских жузов, указывает численность казахов². Свое исследование он заканчивает выводами об отсутствии права частной собственности, слабой государственной власти у казахов-кочевников, сохранении родового порядка вплоть до 1917 г.³ По его мнению, кочевое общество несовместимо с частной собственностью на землю, классами и классовой борьбой: «Частное право на недвижимость возникает у казахов с переходом к полуоседлой и оседлой жизни»⁴.

Достижения, пробелы и методологическая ограниченность буржуазной исторической и этнографической наук в изучении проблем этногенеза казахского народа, эволюции родоплеменной структуры общества и социальных отношений получили отражение в обобщающих исследованиях профессора Индианского университета Лоуренса Крадера. Преимуще-

ственное внимание при изучении общественных отношений в дореволюционном Казахстане он обращает на патриархальные устои, жизнеспособность родоплеменных институтов, подчеркивает их «живучесть» и в советское время. Одна из первых работ ученого называлась «Этнонимы «казаха». Приводя разные точки дореволюционных и советских авторов по проблеме этимологии и этнического содержания слова «казах», автор обращает внимание на известия русских летописей о казахах⁵. Вслед за этой работой Крадер завершил исследование темы, осуществляемой по инициативе и поддержке Дальневосточного института (сейчас: Дальневосточного и русского института) Вашингтонского университета и Русского исследовательского центра Гарвардского университета. В процессе сбора материалов автор посетил Казахстан и консультировался у специалистов. Эта работа его называется «Социальная организация монголо-тюркских кочевников», к ней приложена большая библиография на 20 страницах⁶. Она основана на значительном, разнообразном материале и использовании сравнительного метода изучения родственных народов; автор пытается в ней выделить общность и отличия в структуре родовых отношений, культурных взаимосвязях, общественной организации тюрко-монгольских народностей. В другой своей работе «Народы Средней Азии» Л. Крадер рассмотрел образование казахской народности, дал гео-

¹ Hudson A. E. Kazak social structure. Yale Univ. press, 1938; Bacon E. E. Central Asians under Russian rule. A study in Culture change. Cornell Univ. press, Ithaca, N. Y. 1965;

² Schlenger H. Strukturwandlungen Kasachstans im Russischen insbesondere Sowjetischer. Zeit. Berlin, 1953.

³ Bacon E. Op. cit. PP. 31—35, 40, etc.

⁴ Wordell J. W. Op. cit. P. 88.

⁵ Ibid. PP. 90—92, 94—97, 100—116.

¹ Riasanovsky V. A. Customary law of the nomadic tribes. r. 120.

² Ibid. PP. 7—8, 26, 13—19, 142—151.

³ Ibid. PP. 128—129.

⁴ Ibid. P. 142.

⁵ Krader L. Ethnonyms of Kazakh (American Studies in Altaic linguistics.) Ed. by N. Poppe. Indian Univ. publications. of the Uralic and Altaic series). Bloomington. Vol. 13.

⁶ Krader L. Social Organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads. The Hague, 1963. PP. 378—383.

графическое описание казахских земель, изложил на основе трудов дореволюционных и советских авторов некоторые вопросы истории Казахстана до 1917 г. По вопросам этногенеза казахов привлечены сочинения Ч. Валиханова и В. В. Вельяминова-Зернова, А. Самойловича¹. Им опубликована статья о принципах и структуре организации общества у азиатских степных кочевников-скотоводов². Во всех указанных публикациях Крадера имеются специальные главы о казахах, где излагаются вопросы формирования этнической территории, о времени и причинах разделения их на три жуза, мифы о происхождении тюркских народов. «Основная задача исследования... состоит в том, чтобы продемонстрировать в каких экономических и экологических районах развивалась социальная и политическая организация кочевых обществ, подчиненная одним и тем же принципам»³. Но приводимые Крадером факторы образования родов и племен, государственности у кочевников вызывают серьезные возражения. Он, рассматривая клан в качестве политико-военного объединения, утверждает: в результате торговли, набегов, завоевания и миграции старшая линия по генеалогическому древу отделяется от младшей по происхождению, старшие овладевают властью. И образуется государство, основанное на принципах родства. В связи с этим происходит разделе-

ние на две кости («белую» и «черную»), в частности, у казахов⁴. Иными словами, основным инструментом раскрытия структуры и исторического соотношения локальных подразделений тех или иных тюрко- и монголоязычных народов служит метод генеалогической реконструкции, довольно слабо увязанный с историко-социологическим подходом к изучаемым явлениям⁵. Подобный метод имеет существенные изъяны, он не может быть приемлемым для историков-марксистов. Исходная позиция их, как известно, состоит в том, что они рассматривают развитие общества не как естественно-исторический процесс развития и смены общественно-экономических формаций, из которых каждая выступает качественно особой социологической моделью, «особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм»⁶.

Несмотря на обширность и многоплановость историко-этнографических сочинений американских ученых, исследования в этом направлении продолжались и в других западных странах. По средневековой истории Средней Азии (о Тимуре и Улугбеке) опубликованы работы бывшего генерального консула Англии в Мешхеде, впоследствии сотрудника Среднеазиатского исследовательского центра Хьюберта Эванса⁷. Сотрудник Лон-

донского университета Ширин Акинер в своей книге «Исламские народы Средней Азии» попытался проследить этногенез и основные этапы истории казахов, поло-возрастную структуру населения, этническую композицию, степень урбанизации и т. п.¹. Западногерманский остфоршер Эмануил Саркисянц в «Истории восточных народов России до 1917 года» изложил историю образования первых казахских ханств, их взаимоотношения с соседними народами при Касым-хане, Тахире, Хаккназаре, образование казахских жузов, их племенной состав и расположение², усилия хана Тауке, стремившегося создать независимое, централизованное государство казахов³. Историко-этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в последнее время оживилось в скандинавских странах. В частности, сотрудник Национального музея Копенгагена Каре Матиассон опубликовал статью «Этнические группы в Советской Средней Азии» в научном сборнике «Советская Средняя Азия», составляющем материалы конференции в Оксболе (Дания)⁴. В своей краткой информации об этногенезе казахов, этимологии и этническом содержании термина «казах» автор опирается на исследование профессора Оле Олуфсена (Olufsen), руководителя датской

экспедиции в 1876 и 1899 годах, а также на материалы третьей датской экспедиции⁵. В сборнике имеются рисунки, иллюстрирующие быт казахов.

Новейшие достижения историков в области изучения общеисторических закономерностей развития контактов между номадами и оседлыми земледельцами древних цивилизаций, социальной организации кочевых обществ были подытожены на советско-французском симпозиуме⁶, состоявшемся в Алма-Ате в октябре 1987 г. В работе симпозиума приняла участие группа французских специалистов во главе с профессором А.-П. Франкфором. Внимание Ж.-П. Дигара привлекла, в частности, полемика, развернувшаяся вокруг концепции Б. Владимирцова, для которого «социальный режим» монголов представляется путем оригинальным, кочевым, переходным к феодализму⁷. Новый аспект в дебатах, пишет он, появился в двух статьях, опубликованных в начале 70-х годов в журнале «Советская этнография». В первой из них Г. Е. Марков утверждал, что быстрый ритм воспроизводства скота и, следовательно, увеличившиеся возможности накопления, частного присвоения стад внутри маленьких экономически автономных социальных коллективов, постоянная потребность в увеличении пастбищ и т. д.

¹ Krader L. Peoples of Central Asia. The Hague, 1963.

² См.: Krader L. Principles and structures in the organization of the Asiatic Steppé pastoralists // Southwestern Journal of Anthropology, 1955. Vol. 11. No. 2. PP. 67—92.

³ Krader L. Social organization of the Mongol-Turkic pastoral nomads. P. 12.

⁴ Ibid. P. 326.

⁵ Подробнее см.: Лашук Л. П. Историческая структура социальных организмов средневековых кочевников // Советская этнография, 1967, № 4, С. 163—164.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1, С. 429.

⁷ Evans H. Tamerlane the conqueror. L., 1962; Idem. Russian research on Ulug Beg // Central Asian Review, 1966. Vol. XIV. No. 3. PP. 270—272.

¹ Akiner Sh. Islamic peoples of the Soviet Union. L., 1983. PP. 287—302.

² Sarkisyanz E. Geschichte der Orientalischen Völker Russlands bis 1917. München, 1961. S. 310—320.

³ Ibid. S. 321—322.

⁴ Mathiasson K. Ethnic groups in Soviet Central Asia // Chylinski E. A. (ed.) Soviet Central Asia: continuity and change: Papers from the conference at Oksbol, Denmark, Febr. 16—17, 1984. Esbjerg, 1984. P. 25.

⁵ Journal of the Royal Central Asian Society. Vol. XLI. 1954. P. 228.

⁶ См.: взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций / Ред. коллегия: член-корр. АН Туркменской ССР. В. М. Массон (отв. ред.) и др. А.-А., 1989.

⁷ Vladimirtsov V. Le régime social de Mongols. Le féodalisme nomade. P., 1978; Дигар Ж.-П. Отношения между кочевниками и оседлыми племенами на Среднем Востоке // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 34.

вызвали у скотоводов раньше, чем у земледельцев, социальную интенсификацию и диверсификацию. Этот анализ критиковался в статье, в которой Л. П. Лашук, подчеркивая, напротив, экстенсивный характер и элементарное техническое оснащение кочевого скотоводства, оспаривал возможность социального развития кочевников отдельно от развития оседлых обществ: они не могут быть вне «основных законов истории»¹.

Полемика вновь возникла в Париже в 1976 г. во время коллоквиума по вопросам изучения отношений между животноводством и социальной организацией. В числе разногласий между неофункционалистским англо-саксонским подходом и подходом французских марксистов к обществам кочевников на одном из первых мест стоял вопрос о социаль-

Проблема присоединения Казахстана к России: идеологические мифы

Среди множества проблем, затронутых в западной историко-этнографической литературе (города и процесс урбанизации, вопросы социальной структуры казахского общества, колониальная политика царизма и т. д.), необходимо особо выделить две взаимосвязанные темы.

ном неравенстве и материальной базе².

В кочевниковедческой историографии прослеживается чрезвычайно много концепций исторического развития кочевых обществ, характеризующихся нередко диаметрально противоположным подходом к оценке и характеристике общественного строя номадов³.

Но в целом материалы советско-французского симпозиума (1987 г.) свидетельствуют о «перманентном взаимодействии двух историко-культурных ареалов, многообразии форм и типов взаимодействий, эпохальных изменениях и диалектической противоречивости»⁴. В пользу такого вывода говорят новейшие исследования ряда советских историков, подчеркивающих важность или определенную роль географического фактора в развитии кочевого общества⁵.

ставшие постоянно объектами не только научных поисков, но и политических спекуляций. Речь идет о причинах, характере и последствиях присоединения казахских земель к России и национально-освободительного движения в Казахстане.

О событиях, связанных с началь-

ным этапом присоединения Казахстана к России, впервые рассказывалось в «Дневнике» Джона Кэстля, внимание которого, прежде всего, привлекли внутриполитическая обстановка в Младшем жузе, влиятельные феодальные группировки, поддерживавшие хана Абулхаира, взаимоотношения казахов с яицким казачеством, башкирами, волжскими калмыками. Ему удалось выяснить, что «киргиз-кайсацкая страна граничит на востоке с хунтайчи-калмыками, на юге — Бухарией, на западе — Каспийским, Аральскими морями, Хивой, на севере — Сибирью и Башкирией» и что казахи делились на три орды, возглавляемые независимыми друг от друга ханами. «Хотя они не могут призывать друг друга и управляют каждый самостоятельно, — писал он, — но находятся в дружественных между собой отношениях». Некоторые косвенные сведения о натянутых отношениях между ханом Абулхаиром и султаном Батыром содержат донесения английского купца Р. Хоуга.

В 30—40-х годах XIX в. в Хиве уже непосредственно сталкивались «интересы» Англии и России. Отражение этих событий мы находим в книгах англичанина Ч. Котреля о хивинской экспедиции 1839 г., французского офицера Дж. Феррье о своих

путешествиях в Персии, Афганистане и Туркестане⁶. Позднее английский полковник Ф. Барнаби детально описал крепости и укрепленные линии в степных областях, взятие Ак-Мечети⁷. В 70-х годах XIX в. завершающий этап присоединения Казахстана к России был описан рядом зарубежных авторов, в числе которых был, в частности, французский географ Л. Ланьер, который в качестве одного из источников использовал книгу Б. Залесского «Жизнь в киргизской степи»⁸. В своей книге «Военные действия на Оксусе» Я. Мак-Гахан рассказал о штурме Ак-Мечети царскими войсками, о личной отваге Якубека, руководившего обороной этой крепости, а также об отношениях казахов с хивинцами и туркменами. Об основных маршрутах продвижения русских войск по территории Средней Азии и Казахстана, военных действиях, стратегических пунктах и соотношении сил европейских держав в этом регионе постоянно сообщалось во французской печати.

Военно-политическая история отношений народов Казахстана и Средней Азии с Россией, основные вехи сложного процесса вхождения их в состав Российской империи обобщены в работах Хуго Стамма и Йорка де Вартенбурга⁹. Французский исто-

¹ Дигар Ж.-П. Указ. соч. С. 34.

² См.: Equipe ecologie et anthropologie des sociétés pastorales (ed.): *Pastoral production and society / Production pastorale et société*. Cambridge: Cambridge University Press / Paris: Edition de la Maison des Sciences de L'Homme, 1979.

³ См.: Першиц А. И. Некоторые особенности классового образования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов // *Становление классов и государства*. М., 1976; Сулейменов Р. Б. Формационная природа кочевого общества: проблема и метод // *Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций*. С. 89—102.

⁴ Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 3.

⁵ См.: Анучин В. А. Географический фактор в развитии общества. М., 192; Масанов Н. Е. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII—XIX вв. А.-А., 1984; Герасимов И. П. Экологические проблемы в прошлом, настоящей и будущей географии мира. М., 1985.

¹ Castle J. Op. cit. S.

² См.: Матвиевский П. Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII веке. С. 102, 103—104; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Сб. док. и материалов. А.-А., 1961. С. 206, 214.

³ Cottrell Ch. *Recollections of Siberia in the years 1840 and 1842*. L., 1842. PP. 39—51; Ferrier J. P. *Caravan journeys and wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan and Beloochistan; with historical notices of the countries lying between Russia and India*. L., 1856.

⁴ Burnaby F. *A ride to Khiva*. L., 1876. P. 367—376.

⁵ Lanier L. *L'Asie*. Choix de lectures de *Geographic*. P., 1899.

⁶ Мак-Гахан Я. Указ. соч., С. 18—21, 68—69, 134, 274.

⁷ Roca F. de. *Les possessions Russes dans L'Asie Centrale (по французским источникам)* // № 6, pp. 389—459; Положение дел в Средней Азии (по французским источникам) // Сборник геогр., топогр. и статистич. материалов по Азии. Вып. XVI. СПб. 1885. С. 114—124.

⁸ Stumm H. *Russia in Central Asia. Historical sketch of Russia's progress in the East up to 1873*. L., 1885; Wartenburg G. de. *La pénétration Russe en Asie*. P., 1900.

рик Вартенбург изложил историю создания Российской империи и включения в ее состав южных территорий со времени провала экспедиции Бековича-Черкасского, возведения укрепленных пунктов и линий на территории Казахстана. Решающими событиями в процессе завершения присоединения Казахстана он считает штурм царскими войсками Ак-Мечети, сражения у Узун-Агача и ряд других боевых действий (у Чимкента, Аулие-Аты)¹. Отрывочные сведения о начальном этапе принятия казахами российского подданства, который носил «вынужденный», но в целом «добровольный» характер, сообщают в своих работах О. Финш, А. Брем, Г. Гельмгольт². По мнению Г. Гельмгольта, «В начале XVIII столетия составил союз из джунгаров, башкиров, волжских калмыков и оседлых казаков Сибири — этого форпоста России; союз этот поставил киргизов в такое затруднительное положение, что в 1719 г. они обратились к посредничеству России, но безуспешно». В числе факторов, заставивших казахов просить подданство России, он указывает также на строительство ею укрепленных линий вдоль рек³. К отдельным боевым эпизодам, строительству укрепленных линий в степи, «угрозе джунгар» сведено присоединение Казахстана к России в книге Г. Крамера «Русские в Средней Азии»⁴.

Противоречивых взглядов на причины и характер присоединения Ка-

захстана к России придерживались английские историки, разделившиеся на русофобов и русофилов, в особенности, в период обострения англо-русского соперничества из-за «дележа» Средней Азии. Г. Ланселл, излагая историю русско-казахских отношений с начала XVIII в. до 80-х годов XIX в., затрагивает широкий круг проблем: политику Аблая и его преемников, развитие торговли в степи — как средство оказания влияния на казахов, «насаждение» мусульманской религии в Казахстане, изучение территории края русскими учеными⁵. Начальный этап подданства казахов он объясняет желанием их получить помощь в борьбе против джунгарского нашествия, пишет о «добровольном подчинении части Большой орды», но приходит к выводу о том, что все-таки «казахская земля была постепенно аннексирована русским оружием»⁶. Ф. Х. Скрайн и Э. Д. Росс, проследив все этапы присоединения Казахстана к России, также делают заключение: «Мирная колонизация была невозможна, поскольку эти беспокойные соседи отстаивали свою независимость»⁷. В том же ключе написана книга Алексиса Краусса «Русские в Азии», которая была тепло принята русофобами. «Необоснованные избиения и жестокости в отношении среднеазиатских народов, — пишет автор, — совершались ради того, чтобы покрыть себя славой и получить награды, разыгрывая большие военные операции»⁸. В качестве основных ар-

¹ Wartenburg G. de. Op. cit. PP. 6, 8—9, 19—20, etc.

² Финш О. и Брем А. Путешествие в Западную Сибирь. С. 133; Гельмгольт Г. История человечества. Т. II. С. 186.

³ Гельмгольт Г. Там же. С. 186, 211.

⁴ Kraemer G. Russland in Mittelasien. Leipzig, 1898. S. 4—31.

⁵ См.: Lansdell H. Russian Central Asia. Vol. 1, PP. 284—290.

⁶ Ibid. PP. 284, 289, 298.

⁷ Skrine F. H. and Ross E. D. The heart of Asia. P. 242.

⁸ Krausse A. Russia in Asia. A record and study 1558—1899. L., 1899. PP. 132, 133, 138.

гументов для А. Краусса, Д. Бульдже-ра, Ф. Тренча, Джорджа Тоула служила идея об «извечной агрессивности» русских, получившая якобы свое письменное оформление в так называемом «Завещании Петра I» — документе, который в XIX в. в различных вариантах неоднократно публиковался в Западной Европе¹. Ф. Тренч пытался убедить, что Петр I был даже «продолжателем идей своих предшественников». «Задолго до того, как Россия вышла из состояния политического хаоса и варварства, и начала играть едва заметную роль на большой сцене европейской политики, идея создания огромной восточной империи занимала преобладающее место в различных планах ее правителей»².

Отождествление экспансионистской внешней политики царизма с проявлением национального характера русского народа, с его отношением к другим, в т. ч. восточным народам, служило определенным внешнеполитическим целям Англии и других империалистических держав, ведших борьбу с Россией за колониальные территории и сферы влияния. Точку зрения официальной английской историографии по проблемам присоединения Казахстана к России пытался обобщить Джордж Тоул в 1875 г. в статье «Русские на Востоке» и Уолф Шьербранд в книге «Россия, ее сила и слабость» в 1904 г. (Они перечисляют в числе факторов, приведших казахов в русское подданство, следующие обстоятельства: 1) испокон веков агрессив-

ная политика России, стремившейся к созданию мировой державы; 2) исключительная стратегическая важность территорий Казахстана и Средней Азии; 3) джунгарская угроза казахам; 4) традиционная враждебность русских к татарам и туркам; 5) жажда власти, амбиции великих завоевателей³. Таков был набор «аргументов» и «доводов» у представителей консервативно настроенных историков, которые полностью игнорировали социально-экономические причины присоединения казахских земель к России. Поисками исторической истины они себя не утруждали.

Субъективно-идеалистическая трактовка истории русско-казахских отношений присуща и русофилам, которые в своих публикациях следовали за официальной буржуазной историографией России. В трактовке проблемы присоединения Казахстана к России они исходили из концепции мессианской роли европейцев в Азии, изложенной, в частности, в книге профессора Санкт-Петербургского университета Ф. Ф. Мартенса «Россия и Англия в Средней Азии» (СПб, 1880). Изданная первоначально на французском языке она была переведена на русский, немецкий и английский языки. Такой успех книги объяснялся тем, что ее автор сформулировал в ней «законность» колониализма, оправдывал политику царской России в Средней Азии и Казахстане. Основные выводы книги сводятся к «неприменимости европейского международного права в отношениях цивилизованных наций к

¹ См.: Berholz G. Das Testament Peters der Grossen // Baltische Monatsschrift. Oktober 1859. S. 61—73;

² Trench F. The Russo-Indian question. L., 1869. P. 1.

³ См.: Towle G. M. The Russians in the East // The Atlantic Monthly. Boston, 1875, July. P. 71; Schierbrand W. Ph. Russia. Her strength and her weakness: A study of the present conditions of the Russian Empire. N. Y., 1904. PP. 13, 25.

народам необразованным, каковы среднеазиатские»; «необходимости мирной совместной деятельности России и Англии в Средней Азии, направленной к разрешению задач, которые сама судьба возложила на них, как на представительниц европейской образованности среди полудикого населения этой части Азии». Легенды о «дикости» и «невежестве» народов Казахстана и Средней Азии, широко распространенные идеологами царизма, перекочевывали на страницы работ многих западных авторов, служа «объяснением» колониального разбоя для тех и других. В начале XX в. усиление реакционных тенденций в буржуазной исторической литературе было настолько ощутимым, что колониализм стали изображать как благоденствие для покоренных народов, великий дар истории, европейской цивилизации. В этом отношении типичны рассуждения Джорда Райта — автора двухтомной книги «Азиатская Россия». «Оккупация Туркестана, — пишет он, — явилась главным образом результатом добровольного подчинения киргизских татар, которые нуждались в помощи русских. Поэтому продвижение России к горным рубежам Великого Центрально-Азиатского плоскогорья явилось необходимостью, как для защиты своих граждан, так и для сохранения всеобщего мира»¹. Вопреки своим утверждениям о том, что южноказахстанские города были взяты, в основном, царскими войсками штурмом, Ю. Скай-

лер пишет: «Для самой Средней Азии владычество России благотворно, потому что оно избавило население от анархии и произвола деспотизма». По мнению У. Шьербранда, русские «водворили законность, развили торговлю среди кочевников, не знавших порядка, правил и права»².

В вопросе об оценке последствий присоединения Казахстана к России в дореволюционной западной литературе установилась и другая тенденция, впоследствии ставшая компонентом евразийской концепции. «Некоторые даже утверждают, — пишет Д. Бульджер, — что он (русский К. Е.) — всего-навсего татарин, одичавший и той же расы с теми, которых он с помощью западной науки, порабощения и которые могут, однако, в будущем отогнать москвитя при помощи тех же самых средств, которыми пользовался он сам, обратно к стенам Москвы и к берегам Черного моря»³. Спустя два десятилетия после него, точно также рассуждал один из крупнейших идеологов английского колониализма Джордж Керзон: «Завоевание Средней Азии есть завоевание азиатов азиатами, родственного характера родственным характером... Русским присущи черты, аналогичные азиатам, но чуждые для цивилизованных народов»⁴. Наряду с такими односторонними суждениями, исходящими Запада и Востока, в буржуазной литературе обсуждался вопрос о том, какое влияние может оказать присоединение Казахстана и Средней

Азии на судьбы самой России. Но при этом удивление, как можно убедиться на примере сочинений Э. Реклю, привело лишь к повторению избитого тезиса об азиатском деспотизме. «Обширные пустынные территории, произведенные Россией в Центральной Азии, — пишет Э. Реклю, — имеют двойного рода значение, в высшей степени важное для морального и политического равновесия в мире: Азия европеизируется, а Европа, при посредстве России, имеет тенденции регрессировать по направлению к азиатскому типу...» Далее французский ученый, продолжая бездоказательно приписывать Азии «невежество» и «покорность», заявлял: «Атавистический яд традиционной рабской покорности легко проникает в кровь европейцев: восточное представление о необходимости сильного правительства встречается сочувственно многими на Западе; всякий знает, что немало найдется на Западе низменных душ, которые рады чувствовать над собой власть и повиноваться»¹. Разумеется, не в результате влияния «азиатского деспотизма» воцарилась временно во Франции и ряде других стран «социальная тишина», просто после поражения буржуазных революций в Европе и Парижской Коммуны, в которой участвовал сам Реклю, рабочее движение пошло на убыль.

Таким образом, работам буржуазных историков XVIII — начала XX вв., за редким исключением, характерно отсутствие анализа социально-экономических предпосылок присоединения Казахстана к России, «освеще-

ние» видимых, внешних аспектов проблемы, не вникая в суть глубинных процессов того времени. Более того, интерпретация русско-казахских отношений была поставлена ими в зависимость от политики; от состояния межгосударственных отношений на том или ином этапе истории. «Русофобия», отразившаяся на выводах работ историков в период обострения работ историков в период обострения англо-русских отношений, с 90-х годов XIX в. сменилась тенденцией, восхваляющей колониальные порядки царизма². В качестве определяющего фактора, вынудившего казахов обратиться за помощью к России взамен вассальных отношений с ней, большинство из них указывают лишь на джунгарскую опасность. Но в даже специальных научных изысканиях буржуазных историков, каковым является книга профессора Лионского университета Мориса Курана «Центральная Азия в XVII—XVIII вв.: калмыцкая или маньчжурская империя?», отношения казахов с джунгарами, внутривосточная нестабильность в казахских жузах сводятся к деятельности казахских ханов Тауке, Абулхаира, Нуралы, Аблая, с одной стороны, калмыцких хунтайчи Цевана Рабдана, Амурсаны, с другой³. При этом почти повсеместно выделялись буржуазными историками такие моменты, как «лукавая» и «тщеславная» личность хана Абулхаира, положившего начало присоединению Казахстана к России⁴.

Особое место в трактовке проблемы вхождения казахских земель в состав Российской империи занимает

¹ Wright G. F. Asiatic Russia. L., N. Y., 1903. Vol. 1. P. 473.

² Венюков М. Новые английские сочинения о Средней Азии // Русский инвалид, 1876, № 234; Schuyler E. Turkestan. Vol. 2. P. 120.

³ Schierbrand W. Ph. Op. cit. P. 20.

⁴ Boulger D. Ch. England and Russia in Central Asia. L., 1879. Vol. 1. P. 63.

⁵ Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1899 and the Anglo-Russian question. 2-nd ed. L., 1899. P. 392.

¹ Реклю Э. Земля и люди. Т. V. СПб, 1908. С. 488.

² Подробнее см.: Есмагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация. С. 76—94; Халфин Н. А. Дж. Керзон в Российской Средней Азии // Вопросы истории, 1988, № 3. С. 106—115.

³ См.: Courant M. L'Asie Central aux XVIIe et XVIIIe siècles. PP. 66, 126, 128, etc.

⁴ См.: Венюков М. Новые английские сочинения о Средней Азии.

трехтомная публикация английского историка Д. Маккензи Уоллеса «Россия». Автор провел в России шесть лет, но книга его носит поверхностный характер и основные вопросы истории России, в том числе русско-казахских отношений не получили достоверного освещения. М. Уоллес, как геополитик и сторонник мальтузианских взглядов, пытался объяснить колониальную политику царизма географическими условиями России, долгой борьбой «между этими (казахскими — К. Е.) ордами и земледельческими поселенцами с северо-запада... стремившимся к присваиванию территории своих соседей»¹. Ссылаясь на «теорию» Мальтуса, он пытается доказать, будто русский народ (а не его правители, не царизм) был заинтересован в захвате казахских земель.

В основе воззрений Уоллеса, как видим, лежит географический детерминизм, который развитие политических событий в «кочевом обществе», как и самого общества, обуславливает природой, а не способом производства.

Таким образом, в дореволюционной буржуазной историографии проблемы присоединения Казахстана и Средней Азии в целом обозначились два главных направления: «политико-психологическое» и «экономическое» (понимаемые весьма упрощенно, в вульгарно-материалистическом духе). Для приверженцев первого направления характерны доводы о том, что колониальные захваты России на юге совершены были по причинам «необходимости обороны границ от набегов кочевников и других полудиких народов» Средней Азии, из-за

соображений великой державы. Указывается и на то, что действиями русских генералов и солдат «руководили амбиции великих завоевателей», «жажда мести тюркоязычным народам после поражения в Крымской войне», «извечная неприязнь русских к ним», «поиск романтики и приключений на далеких азиатских окраинах» и т. п. С этим направлением связана и другая тенденция, состоявшая в том, чтобы изобразить пионеров колониальной экспансии как людей бескорыстных, пришедших, чтобы «установить порядок и законность». Распространено было мнение, что Средняя Азия и Казахстан не играли сколь-нибудь заметной роли в становлении капиталистической экономики Центральной России — метрополии. Утверждается также, что «черняевы», «скобелевы», «кауфманы» и пр. его собратья переоценили природные богатства Казахстана и Средней Азии, что дескать они «ошиблись». Мотивы сторонников «экономического» направления сводятся в основном к утверждениям о «необходимости» защиты русской торговли со странами Азии (Китаем, Индией, Ираном и самими среднеазиатскими ханствами).

Современная немарксистская историография унаследовала от дореволюционного периода ряд идей и концепций с известной социальной и политической мотивацией. Американский историк Марк Раефф в книге «Сибирь и реформа 1822 года» перечисляет экономические меры царской администрации по привлечению султанов и биев Средней Орды на сторону России: денежные ассигнования, освобождение от налогов, выделение земельного участка для занятия зем-

леделием¹. В 1788 году, указывает Раефф, сибирской администрации было предоставлено право без специальной санкции Санкт-Петербурга выделять землю казахам, принявшим российское подданство. В то же время правительство, стремясь поощрить переход казахов к оседлости, велело построить постоянные дома для видных казахских султанов. Несмотря на все эти стимулы, казахи находили более полезным занятие скотоводческой экономикой, продукции которой были в большом спросе в Средней Азии и Западной Сибири. Только беднейшая часть казахов, не имевшая достаточного скота для поддержания своего существования, изъявила желание перейти к обработке земель. М. Раефф тем самым акцентирует внимание на мирных, экономических средствах принятия частью казахов подданства России. В дальнейшем взгляды его претерпели определенную эволюцию в русле модной в современной буржуазной историографии «теории факторов». В статье «Модели русской имперской политики в отношении национальностей» он объясняет присоединение Казахстана и Средней Азии к России стратегическим (обеспечение безопасности границ на юге и юго-востоке государства), экономическим (поиски свободных земель для возделывания), но, прежде всего, политическим мотивами², ибо оно было покушением

на самобытность народов⁴. Западно-германский историк Отто Гётч рассматривает «приобретение» Казахстана и Средней Азии событием, обусловленным военно-стратегическими нуждами и, в меньшей степени, экономическими. Уже само географическое положение России, пишет автор, «волей-неволей» заставляло ее идти в восточном направлении⁵. Профессор истории Университета Королевы в г. Кингстоне (Канада) Ричард Пирс на первый план выдвигает экономические мотивы, на второй — военно-стратегические⁶. По мнению профессора Калифорнийского университета (Беркли) Николааса Рязановского, причины присоединения среднеазиатской территории к России кроются «в национальных чертах русских». Иными словами, Н. Рязановский, рассуждая в духе русофобов XIX в., пытается снова оживить версии о «Завещании Петра I», «стремлении русских установить над миром свое господство». Пренебрежение исторической истиной в годы «холодной войны», когда писал эти свои строки Н. Рязановский, не было редким явлением в советологии. Сказанное присуще и публикациям западногерманского остфоршера Э. Саркисянца, с 1967 г. ставшего директором Семинара по политической науке при Институте Южной Азии Гейдельбергского университета. В работах «История восточных народов России до

¹ Wallace D. M. Russia. Leipzig, 1878. Vol. II. P. 192.
² Ibid. Vol. III. PP. 323, 233.

¹ Raeff M. Siberia and the reforms of 1822. Seattle. 1956. PP. 27, 67.

² Ibid. P. 106.

³ Raeff M. Patterns of Russian Imperial policy towards the nationalities // Soviet nationality problems N. Y., L., 1971. PP. 28—30.

⁴ Ibid. PP. 38—40.

⁵ Hoetzch O. Russland in Asien. Stuttgart, 1966. S. 25—27, 47—49, 101—102.

⁶ Pierce R. A. Russian Central Asia 1867—1917. Berkeley, Los Angeles, 1960. P. 13; Idem. The Russian conquest and administration of Turkestan // Hambly G. (ed.) Central Asia. N. Y., 1969. PP. 208—226.

⁷ Riasanovsky N. V. Old-Russia, the Soviet Union and Eastern Europe // The American Slavic and East European Review. Oct. 1952. Vol. XI. N. 3. PP. 171—182.

1917 года», «Русское завоевание Средней Азии: трансформация и аккумуляция» он стремился описать историю русско-казахских отношений с позиций евразийской концепции. «Мусульманских кочевников» и русских, по его мнению, никогда не разделяла расовая неприязнь. Но это оказывается из-за «азиатского» характера русских, о чем писали до-революционные авторы Д. Бульджер, Дж. Керзон и др. Далее Э. Саркисянц полагает, что указанное обстоятельство, а также постепенность колонизации Средней Азии и Казахстана русскими способствовали «сужению пропасти между русскими и местными азиатами, связывая их вместе с тем, что называется исторической судьбой народов евразийских пространств, облегчили русское проникновение в этот край»¹. Он пытается представить широкую панораму русско-казахских отношений, затрагивая основные этапы присоединения Казахстана к России, взаимоотношения казахов с джунгарскими и волжскими калмыками, со среднеазиатскими ханствами, башкирами и уральским казачеством, политику хана Аблая, который, по его словам, «стремился создать централизованную монархию, задумал перевести казахов в оседлость»².

«Общность исторической судьбы» народов нашей страны, на что указывает Э. Саркисянц, обусловлена отнюдь не «азиатским» характером или другими особыми психическими, расовыми чертами русских, а факто-

рами более глубинными, лежащими в области давнишних экономических, культурных, политико-дипломатических связей. На фоне «русской модели» колониализма, основанной на евразийской концепции, современные буржуазные историки приписывают всем другим колониальным державам миролюбивый гуманный, созидательный характер³. Приват-доцент Дюссельдорфского университета в Нейсе Франк Гольчевски считает, что торгово-политические и стратегические моменты играли в «русской экспансии» существенную роль и поясняет это автор примером «вторжения» русских в Казахскую степь для обеспечения безопасности сибирских торговых путей, стремлением России получить доступ к «теплым морям», освоением новых и захватом проложенных торговых путей⁴. Но на какие факторы и причины ни указывали (джунгарская опасность казахам, торгово-экономические, военно-политические интересы России, особые психические свойства русских, их амбициозность, стремление выйти к южным морям, политика казахских ханов, сокращение пастбищ и т. д.), буржуазные историки почти все сходятся на том, что присоединение Казахстана и Средней Азии носило завоевательный характер. И те авторы, которые указывают в целом на мирный характер русско-казахских отношений до начала XVIII в., на существование между ними торговых, дипломатических связей, считают, что казахская степь была окружена

укрепленными линиями и «по частям была завоевана»¹. Один из ведущих американских среднеазиетов — профессор Колумбийского университета Э. Олуорд рассматривает принятие подданства России казахами как вынужденный акт, предпринятый «в условиях физического давления». И на этой основе он пытается придать законность феодально-монархическим движениям», заявляя, что присяга 1731 и 1734 годов, договоры, заключенные Абулхаиром, Семее и их последователями, «не были прочувствованы казахами как обязательные для них»². В целом буржуазные историки сходятся и на том, что казахи до середины XIX в. были все-таки полунезависимыми, их отношения с Россией носили вассальный характер, находились лишь под «протекцией» России в силу угрожавших внешнеполитических обстоятельств³. Лишь в дальнейшем, в результате «сочетания военных, мирных средств вассальные отношения были ликвидированы»⁴. Подобные суждения были характерны представителям дворянско-буржуазной историографии России, которые причины присоединения Казахстана к России усматривали лишь во внешнеполитической ситуации, в которой оказались казахи в 20—30-х годах XVIII в., корыстных расчетах Абулхаира. В XVIII томе сочинения «Россия. Полное географическое описание», выпущенном

в Санкт-Петербурге в 1903 г. и представляющем собой свод познаний русскими учеными истории, этнографии и географии Казахстана в до-революционный период, говорится: «В 1723 г. джунгарский властитель Галдан Церен покорил роды Старшей и Средней орд. Нашествие джунгар и калмыков заставило киргизские орды подвинуться на запад — к Аральскому и Каспийскому морям и на север — к верховьям рек Ишима, Урала и Тобола. Младшая и Средняя орды, прижатые с юга своими врагами к так называемой Горькой линии были вынуждены признать русскую власть... В 1730 г. султан Младшей орды Абулхаир, отчасти боясь нашествия Галдан Церена на свои земли, отчасти хлопоча усилить свою пошатнувшуюся от вражды между султанами власть, обратился к русскому правительству принять его народ в подданство»⁵. Как справедливо подчеркивает советский историк В. Я. Басин, «широко употребляемый термин о подданстве казахов... правомерен лишь на завершающем этапе присоединения Казахстана к России»⁶. Первоначально, видимо, речь шла о поиске сюзерена, покровителя и союзника, что соответствовало замыслам Абулхаира, Аблая и их сторонников.

Обобщить взгляды на проблему, существующую в современной советской и западной историографии, и

¹ Sarkisyanz E. Russian Conquest in Central Asia: transformations and accuration // Wayne S. (ed.). Russia in Asia. Stanford (Cal.), 1972. PP. 248—288.

² Sarkisyanz E. Geschichte der Orientalischen Völker Russlands bis 1917 / Vorwort von B. Spuler. S. 324—329.

³ См. Ruehl L. Russlands weg zur weltmacht. Düsseldorf; Wien, 1981. S. 240—247.

⁴ Golczewski F. Russlands Zentralasiatische expansion im lichte der neueren Sowjetischen Geschichtsinterpretation // Osteuropa, 1980. No. 6. S. 481—493.

¹ См.: Czapliska M. The Turks of Central Asia in history. P. 78; Hudson A. E. Kazak social structure. P. 16—17; Bacon E. E. Central Asians under Russian rule. PP. 93—94; Morgan G. Anglo-Russian rivalry in Central Asia: 1810—1895. With an epilogue by G. Wheeler. L., 1981.

Allworth E. (ed.). Central Asia: A Century of Russian rule. N. Y.; L., 1967. PP. 11, 50, 52.

³ Riasanovsky V. A. Customary law of the nomadic tribes... P. 71; Pares B. A history of Russia. L., 1947. PP. 291—293.

⁴ Towle G. M. The Russians in the East. P. 72.

⁵ Россия. Полное географическое описание. Т. XVIII. Киргизский край. СПб, 1903, С. 144.

⁶ Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1971. С. 250.

высказать по ряду вопросов свою точку зрения пытался Алэн Боджер — преподаватель истории внешней политики России в Азии в Университетском колледже Суонси в статье «Абулхаир — хан Младшей орды казахов и его присяга о верности России в октябре 1731 г.», опубликованной в 1980 году в «Славоник энд Ист Юропиен ревью». Он привлек большой круг источников и литературы на русском и западноевропейских языках. Среди них: Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках (Сб. документов и материалов. А-А., 1961); Из истории сношений казахов с царской Россией (Красный архив, т. 78. М., 1936); И. Крафт. Принятие киргизами русского подданства (ИРГО, XIII. СПб., 1897, с. 1—59); Полный свод законов Российской империи (т. VIII, СПб, 1728—32); А. Добросмыслов. Принятие киргизами Малой и части Средней орд русского подданства и управление ими при посредстве ханов (1730—1824) (Тургайские областные ведомости, П., 1899); А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей (т. II, СПб, 1832); Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства (СПб, 1865); П. И. Рычков. История Оренбургская (2-е изд., СПб, 1896) и др. Ссылается Боджер и на работы советских историков: С. Асфендиарова, М. П. Вяткина, Н. Г. Аполловой, Б. Сулейменова, С. Е. Толыбекова, И. Я. Златкина; А. Сабырханова, В. Я. Басина.

Вопросы о начальном этапе при-

соединения Казахстана к России, статусе подданства казахов Младшего жуза, внешнеполитическая ситуация и внутреннее положение жуза, побудившие Абулхаира обратиться за помощью к России, о его расчетах и замыслах, поднятые в статье А. Боджера, в разное время и разной степени затрагивались его предшественниками: рассмотрены они, в частности, в работах Дж. Уилера, А. Н. Курата, А. С. Донелли, Э. Олуорда и др.¹.

Характер подданства казахов Младшего жуза А. Боджер определяет так: соглашаясь быть под протекцией России, они обещали: защищать русские границы, когда в этом будет необходимость; оказать помощь и оберегать русские торговые караваны, следующие в Среднюю Азию². Однако «для казахов,— пишет он,— присяга носила чисто формальный характер, означала добровольно принятый статус патронажа, от которого можно отказаться в одностороннем порядке, когда удобно. Взамен принятия суверенитета России казахи надеялись получить от нее поддержку в борьбе против своих внешних врагов, добиться привилегий и возможностей пользоваться пастбищами вдоль русской границы. Царское правительство приняло просьбу казахов слишком серьезно и сочло, что они добровольно стали подданными России»³. Для выяснения позиции автора было бы этой выдержки достаточно, если он не пытался оспорить ряд положений советской историографии проблемы, от которых она отказалась как оши-

бочных или не в полной мере отражающих историческую истину. В до-революционной и советской историографии, утверждает автор, существуют противоречивые точки зрения относительно характера и роли этого события в судьбе казахского народа. Историки царской России в большинстве своем придерживались мнения, что, хотя казахи действительно находились под нарастающим давлением своих соседей, принципиальные мотивы таких лидеров как Абулхаир связаны прежде всего с внутренней борьбой их за власть¹. «Они были убеждены в том, что Абулхаир по характеру своему был хитрым, лукавым человеком, не обладавшим ни силой и ни намерением выполнить свои обещания, что принесенная им присяга была «восточным трюком», а политика царского правительства использовать заключенный с ним союз для оказания влияния на казахов тщетной²,— пишет А. Боджер. Эту точку зрения Боджер пытается навязать всем советским историкам. Ссылаясь на работу С. Асфендиарова и В. Лебедева, он указывает: советские историки также полагали, что Абулхаир и верхушка казахских феодалов, идя на союз с Россией, искали лишь свои выгоды, пути укрепления личной власти над трудящимися казаками³.

А. Боджер далее излагает основные вехи развития историографии проблемы, применение, в частности, к истории Казахстана так называемой теории «наименьшего зла». Ис-

пользуя эту формулу, пишет он, советский ученый М. П. Вяткин утверждал, что казахи в начале XVIII в. стояли перед трудным выбором; русское господство хотя и мучительное и тяжелое для трудовых масс, было тем не менее более перспективным для них, чем подчинение Джунгарии⁴. А. Боджер, хотя и указывает, что эта формула долго не продержалась, направляет острие своей критики именно на опровержение тезиса И. П. Вяткина, т. е. тезиса, ставшего уже достоянием пройденного советскими историками этапа. Несостоятельны доводы А. Боджера и по своей сути, ибо они сводят развитие политических событий, в том числе причины присоединения Казахстана к России, к междоусобной борьбе между старшей и младшей ветвями в генеалогии казахских ханов. А. Боджер пишет: Казахскими жузами правили наследники хана Джаныбека (1460—1480); Большой и Средней ордами — потомки Жади́га (Dzhadig), старшего сына; Младшей ордой — потомки Озека (Osek); младшего сына Джаныбека... Абулхаир происходил из младшей генеалогической ветви казахских ханов и это не давало ему шансов на верховенство. Личные качества и поддержка влиятельных феодальных группировок были однако решающими факторами. Абулхаир в борьбе против джунгар демонстрировал, что он обладает этими преимуществами. Он заключил союз с сильнейшими лидерами Младшего жуза — Букенбай батыром. Есет батыром и Джаныбек батыром⁵. Указанные Боджером об-

¹ См.: Wheeler G. The modern history of Soviet Central Asia. L., 1964. PP. 51—55; Курата А. N. Tsarist Russia in Central Asia // Cambridge history of Islam. Vol. 1. Cambridge, 1970. P. 506; Donnelly A. S. The Russian conquest of Bashkiria, 1552—1740. Yale, 1968; Allworth E. (ed.). Central Asia. A century of Russian rule; Courant M. Op. cit.

² Bodger A. Abulkhair, khan of the Kazakh Little Horde and his oath of allegiance to Russia of October 1731 // The Slavonic and East European Review. Vol. 58. No. 1. January, 1980. P. 40.

³ Ibid.

¹ Ibid. P. 41—42.

² Ibid. P. 42.

³ Ibid.; История Казахстана с древнейших времен. Под ред. С. Д. Асфендиарова. Т. I.—Алма-Ата, 1935; Лебедев В. Из истории завоевания Казахстана царской Россией (1730—1732) // Борьба классов, № 10, М., 1936, С. 60—65.

⁴ Вяткин М. П. Очерки истории Казахской ССР. Л., 1941, С. 131—132; Bodger A. Op. cit., p. 42.

⁵ Ibid. PP. 44, 45.

стоятельства, способствовавшие выдвиганию Абулхаира на историческую арену, не противоречат действительности.

Переводчик Коллегии иностранных дел России А. И. Тевкелев говорил об Абулхаире, что он «хотя оную орду (Младший жуз — К. Е.) в наибольшую власть взять не так, как предки его владели, почитая их непослушание себе в озлобление, просил и протекции е. и. в., через которую намерен был в той киргизкайсацкой орде себя одного ханом учинить и по себе наследников роду своего на оном ханстве утвердить».

Анализируя этот период, казахстанские историки Р. Б. Сулейменов и В. А. Моисеев пишут: «Попытки хана Тауке (1680—1718 гг.) преодолеть сепаратизм султанов и влиятельных родоправителей создать крепкое централизованное государство в конечном счете потерпели неудачу. Его нерешительный и невольный сын Болат, избранный ханом (1718—1730 гг.), не смог предотвратить усиление центробежных тенденций, что привело к обострению межфеодальной борьбы в стране. Так вспыхнула борьба за господство в Младшем жузе между султанами Каипом, Абулхаиром, Батыром. В итоге победа осталась за Абулхаиром, выдвинувшимся в годы освободительной борьбы против джунгар и опиравшимся тогда на поддержку старшин влиятельного и многочисленного рода Шекты.

Однако избрание узким кругом сторонников Абулхаира ханом не привело к прекращению борьбы между

ним и группировкой султана Батыра. Батыр как потомок основателя старшей султанской линии Жадига полагал, что он имеет более прав быть ханом, нежели менее знатный Абулхаир». О борьбе между потомками двух султанских ветвей — Абулхаиром и Батыром косвенно свидетельствуют сообщения английских купцов и агентов 30—40-х годов XVIII в. (Дж. Кэстля, Р. Хоуга). Но стремление Абулхаира возвыситься над своими противниками, опираясь на помощь России, не является решающим фактором, приведшим его к присяге 1731 г.

Свой тезис Боджер пытается подкрепить тем, что к 1731 году джунгарская опасность для казахов была снята и она не могла быть первопричиной присоединения Казахстана к России. Объединительные силы казахов под предводительством Абулхаира, указывает он, в 1730 году одержали внушительную победу у Анракая. Но неизвестно, что произошло после этого. В июле 1730 г. Абулхаир удалился ближе к русским границам и отправил посольство в Санкт-Петербург «с формальной просьбой принять в подданство России». Что же побудило его пойти на такой шаг после блестящей победы над джунгарами? На свой вопрос А. Боджер отвечает таким образом: «Наиболее правдоподобным объяснением может быть то, что враждебность между Абулхаиром и лидерами жадигидов вспыхнула вновь и это привело к расколу казахов. Возможно, Абулхаир осознавал, что даже слава, добытая в сражении, и поддержка влиятель-

ных батыров Буkenбая, Есета и Джаныбека недостаточны для завоевания неоспоримой власти, став старшим казахским ханом, и вернуть присырдарьинские города. Поэтому он считал, что осуществить свои планы он сможет только с помощью извне, из России». Эти замыслы Абулхаира, уверяет автор, реальны и тем, что главной опасностью для казахов были уже не джунгары, а подданные России — башкиры, волжские калмыки, яцкие и сибирские казаки. Выводы автора основаны именно на этих предположениях, вносящих определенную новизну в оценку буржуазной историографией проблемы присоединения Казахстана к России. В современной историографии, заключает А. Боджер, делается необоснованно чрезмерный акцент на джунгарскую опасность как решающего фактора среди внешних угроз. Действительно, агрессия джунгар имела серьезные последствия для казахов. Они были лишены своих городов и зимних пастбищ вдоль Сырдарьи; оттеснены к северо-западу и вследствие этого вынуждены были вступить здесь в конфликт с подданными России — казаками, калмыками и башкирами, но эти конфликты породили более реальную и длительную угрозу независимости казахов и планам Абулхаира... Более того, говорит Боджер, джунгарам было не под силу установить фактически твердый контроль над Казахской степью перед лицом собственных трудностей с маньчжурами, которые впоследствии нанесли им окончательное поражение³.

А. Боджер полностью отрицает роль народных масс в процессе присоединения, оно представляется ему итогом «сговора» Абулхаира и его сторонников с царизмом. «Факты не подтверждают предположение о том, что казахский народ желал русского подданства, — пишет он. — ...Абулхаир руководствовался прежде всего своей политической амбицией... и то, что жаждал, может быть обозначено одним словом: получение русской помощи, а не объединение («incorporation») с русскими». Такая точка зрения ранее высказывалась А. Донелли⁵. Таким образом, усилия А. Боджера по пересмотру отдельных выводов советской исторической науки по вопросам присоединения Казахстана к России оказались безуспешными, ибо они направлены на оживление старой, давно опровергнутой концепции «сговора» феодальной верхушки казахского общества с царизмом, на доказательство «преобладания политических амбиций» Абулхаира над объективными силами. Но идею эту он стремится преподнести в более модифицированном виде и на широкой источниковой базе; Боджер более основательно, чем другие немарксистские историки, рассматривает историю русско-казахских отношений в первых двух десятилетиях XVIII в., ход переговоров между Абулхаиром и посланцем царского правительства А. И. Тевкелевым, соотношение феодальных группировок в Младшем жузе, выступавших «за» и «против» присоединения⁶. Более внимательного изучения требуют, воз-

Добросмыслов А. И. Материалы по истории России. Оренбург, 1900, Т. 1. С. 97—98.
Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII века (о внешней и внутренней политике Аблая). М., 1988, С. 12—13.
Bodger A. Op. cit. P. 47.

¹ Ibid. P. 48.

² Ibid. P. 48—55.

³ Ibid. P. 56.

⁴ Ibid. P. 57.

⁵ Donnelly A. S. The Russian conquest of Bashkiriya. R. 58.

⁶ Bodger A. Op. cit. PP. 46—47, 48—55.

можно, отношения казахов с башкирами, яицким и сибирским казахством, волжскими калмыками и среднеазиатскими канствами в 20—30-х годах XVIII в. как немаловажных факторов в процессе присоединения Казахстана к России. Но нет оснований списать со счетов джунгарскую опасность, как это делает А. Боджер. Советские историки, опираясь на конкретные факты, считают, что война с Джунгарией, хотя и закончилась рядом побед казахских ополчений, вскрыла политическую и военную слабость казахских ханств, принесла неисчислимые бедствия. В недалеком будущем столкновение с ойратскими феодалами было неминуемо. Уже в конце 30-х годов, заключив перемирие с цинским двором, правящий класс Джунгарского ханства начинал активные военно-политические приготовления к вторжению в Казахстан и Среднюю Азию. Вторжения ойратских войск в Казахстан начались осенью 1739 г. Сконцентрированные вдоль восточных границ Среднего жуза многочисленные ойратские отряды под общим командованием хойона Септеня начали совершать набеги на казахские кочевья. Общая численность войск составляла около 30 тыс. чел.¹ В начале 40-х годов XVIII в., как сообщал в Петербург князь В. Урусов, джунгарские войска четырежды разбивали казахские ополчения². В то же время нельзя преувеличивать и значение джунгар-

ской опасности в вопросе о принятии Младшим жузом российского подданства³. Сложной оставалась внутриполитическая обстановка в Казахстане. Продолжались усобицы в Младшем жузе. В 1737 г. умер хан Среднего жуза Семек и на его место был избран нерешительный и не пользующийся авторитетом в степи Абулмамбет. В 1739 г. убит в Ташкенте хан Старшего жуза Жолбарыс. Из-за пастбищ и водоемисточников продолжались столкновения с яицкими и сибирскими казаками, башкирами, волжскими калмыками. В этих условиях часть представителей господствующего класса казахского общества (прежде всего активные участники освободительной борьбы Абулхаир, Богембай, Джаныбек и др.) все острее осознавала необходимость союза с Россией. Несмотря на субъективные мотивы, которые они преследовали, на тяжелый колониальный гнет царского самодержавия, присоединение Казахстана к России, как полагают отдельные советские историки, явилось переломным событием в жизни казахского народа и объективно имело положительные последствия, ускорило темпы социально-экономического развития края⁴.

Выводы о добровольном и прогрессивном характере присоединения Казахстана к России постоянно оспариваются зарубежными историками с тем, чтобы на примере, противоречивых оценок этой проблемы в совет-

ской историографии убедить читателя в ее «конъюнктурном» характере, полной зависимости от идеологических нужд и политики Коммунистической партии. «Историки национальных меньшинств,— пишет Э. Раймонд,— должны изображать дело так, что покорение их в прошлом Царской Россией шло на пользу данной национальной группе, которая таким образом извлекала пользу из превращения русской культуры и цивилизации¹. Впервые в буржуазной историографии с попытками поставить под сомнение выводы советских историков в середине 50-х годов выступил французский профессор Александр Беннигсен. Свою статью, опубликованную в «Исламском обозрении», он предваряет следующим замечанием: «Официальные интерпретации истории завоевания русскими территории Кавказа и Средней Азии являются лучшим барометром, измеряющим колебания политики Советом в отношении мусульманских народов этого региона². В названии статьи «Интерпретация завоевания царской Россией Средней Азии и Кавказа: от теории «абсолютного зла» до теории «абсолютного добра» заложено все, что хотел высказать автор. Мы знаем, пишет он, что до 1937 г. школа М. Покровского, которая безраздельно господствовала в советской научной историографии, рассматривала аннексию нерусских территорий как «абсолютное зло» и поэтому все выступления покоренных народов соответственно носили прогрессивный, освободительный характер. Затем концепция «абсолютного зла» была заменена концепцией «наименьшего

зла», что привело к переоценке ряда национально-освободительных выступлений казахов³. В соответствии с последней концепцией А. Беннигсен перечисляет основные выводы советской историографии проблемы: 1) Русская аннексия спасла мусульманские народы от порабощения иностранными державами — Турцией, Ираном и Англией; 2) Присоединение соседних территорий положило конец феодальной раздробленности и ускорению экономического развития этих стран; 3) Несмотря на препятствия царизма, передовые представители аннексированных регионов получили возможность приобщиться к великой русской культуре, единственной прогрессивной культуре в мире, что способствовало духовному и культурному развитию мусульманских народов; 4) Впоследствии только благодаря русским, обосновавшимся на этих территориях, Октябрьская революция одержала здесь победу, они повели коренное мусульманское население по пути социализма⁴.

Рассмотрению содержания формулы «наименьшего зла» посвящена статья Константина Штеппы в сборнике «Переписывание русской истории. Советская интерпретация прошлого России». Сборник издан американской организацией «Исследовательская программа по СССР», финансируемой «Восточноевропейским фондом». Как первое (1957 г.), так и второе (1962 г.) издания сборника вышли под редакцией профессора истории Принстонского университета С. Блэка. Ко второму изданию приложен текст рецензии Л. В. Даниловой и В. П. Данилова, опубликован-

¹ Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Указ. соч. С. 33.

² История Казахской ССР, с древнейших времен до наших дней. В 5 т. М., 1979. Т. 3. С. 64.

³ См.: Моисеев В. А. Некоторые вопросы казахско-джунгарских отношений в советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1988. С. 134—150.

⁴ См.: Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. А.-А., 1948; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. А.-А., 1971; Сулейменов Р. Б., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII—начале XX века. А.-А., 1981.

¹ Raymond E. The Soviet State. L., 1968. P. 257.

² Bennigsen A. The Muslim peoples of the Soviet Union and the Soviets // The Islamic Review. July 1955. Vol. XLIII, No. 7. P. 28.

³ Ibid.

⁴ Ibid. P. 31.

ной в журнале «История СССР» (1959, № 6, с. 188—189). В предисловии говорится, что в новом издании учтены существенные изменения в советской историографии после смерти Сталина. Но, по-прежнему, в ней К. Штеппа уделил значительное внимание искаженному толкованию взглядов советских историков (М. П. Вяткин, А. Якунин, И. И. Минц и др.) на проблемы национально-освободительного движения в Казахстане и присоединения края к России. «Дальнейшая эволюция формулы «наименьшего зла» привела, — по мнению автора, — что «зло» применяется исключительно к царизму и редко упоминается, когда вопрос касается русского народа»². В том же ключе рассуждает Дж. Уилер, который обвиняет отдельных казахстанских историков в «угождении официальным властям», несостоятельности их выводов о добровольном и прогрессивном характере вхождения Казахстана в состав феодальной империи России³. Американский среднеазиатовед, профессор истории М. Ривкин утверждает, что в конце концов в советской историографии восторжествовала теория «абсолютного добра». В соответствии с ней, порожденной новой политической линией КПСС в отношении «мусульманских» народов СССР, история Казахстана была втиснута лишь в четыре формулы, под которыми должны были и подписаться казахские ученые: 1) Присоединение Казахстана к России было целью, которую преследовали наибо-

лее известные и дальновидные представители казахского народа начиная с XVI в.; 2) Объединение с Россией предотвратило порабощение казахов варварскими государствами Востока и сблизило их со страной, более цивилизованной по сравнению со всеми азиатскими соседями; 3) Аннексия Казахстана Россией положила конец разделу его территории между Китаем, Россией и Кокандом, открыла дорогу для прогрессивных форм экономики; 4) В течение всей своей истории казахи не имели своей государственности, лишь советский режим предоставил такую возможность, создав Казахскую ССР⁴.

Все упомянутые нами историки, начиная с А. Беннигсена и кончая автором статьи «Казахи и Пугачевское восстание», опубликованной в «Среднеазиатском обозрении», заняты анализом, сравнением и противопоставлением взглядов советских историков М. Покровского, М. П. Вяткина, М. Абдухалыкова, А. Панкратовой, С. Асфендиарова, Т. Рыскулова, Н. А. Халфина. Профессор университета Уэйк-Форест (штат Северная Каролина) Лоузл Тиллет дополнительно затрагивает работы С. Зиманова, Е. Бекмаханова, Н. Г. Аполловой, Г. Ф. Дахшлейгера, Л. М. Ауэзовой, П. Г. Галузо, Т. Тажибаева, Г. Тогжанова и др. советских историков. Но его критика взглядов советских ученых по вопросам о характере присоединения Казахстана к России, как и предыдущих авторов, основана на материалах работ

(М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. Л., 1941; История Казахской ССР. Под ред. М. Абдухалыкова и А. Панкратовой. М., 1943; История Казахской ССР, т. I. А-А., 1957 и др.)¹, отражающих начальные этапы становления исторической науки Казахстана, а не ее современное состояние².

Одним из последних слов буржуазной историографии проблемы является статья профессора философии Франка Гольчевски «Среднеазиатская экспансия России в свете новейшей советской интерпретации истории». Автор указывает, что историографическая трактовка среднеазиатской экспансии прошла в России несколько стадий. Их следует, считает он, кратко охарактеризовать до рассмотрения «обязательной» сегодня в СССР оценки, которая представляет собой своего рода синтез прежних историографических направлений³. Опять же пересказывает Ф. Гольчевски содержание концепций «абсолютного зла» и «наименьшего зла», не вдаваясь в диалектику и логику развития советской исторической науки, но справедливо ставя ее в полную зависимость от идеологических установок партии. В то время как историография царских времен пользовалась термином «военное завоевание» (Терентьев), пишет он, с конца 20-х годов вместо этого «опасного понятия применяется безобидное «присоединение» (Н. А. Халфин), что являет-

ся «попыткой терминологически отвлечь внимание общественности от агрессивного характера русской колониальной истории»⁴. С конца 50-х годов в оборот принцип новейшей историографии, который позволяет, по мнению автора, осуждать колониализм как таковой, а достигнутые результаты оценивать положительно⁵. Ф. Гольчевски неодинок в своем непонимании диалектики исторического процесса. Гуверт Эванс, в частности, в рецензии на работу Т. Тажибаева «Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в.» писал, что «главным направлением этого серьезного, обдуманного, методического исследования» является попытка примирить якобы противоположные суждения: захват Казахстана и Средней Азии был отрицательным явлением, поскольку речь идет о царизме, и благом, поскольку речь идет о России, о русском и казахском народах⁶. Такой же «методологический порок» приписывается Е. Бекмаханову в рецензии на его книгу «Присоединение Казахстана к России», опубликованной чуть ранее в «Журнале Королевского среднеазиатского общества», а в книге Р. Пирса «Русская Средняя Азия» — всем советским историкам⁷.

Сложный процесс присоединения Казахстана к России, сочетавший в себе добровольность вхождения в состав России части казахов с методами принуждения, экономического

¹ Black C. E. (ed.). *Rewriting Russian history. Soviet interpretation of Russia's past.* 2-nd ed. N. Y., 1962. P. VII.

² *Ibid.* P. 117. См. также: Enteen G. *The Soviet Scholar-Bureaucrat: M. N. Pokrovski and the Society of Marxist historians.* PA. 1978; Энтин Дж. Спор о М. Н. Покровском продолжается // *Вопросы истории*, 1989. № 5. С. 154—159.

³ Wheeler G. *Racial problems in Soviet Muslim Asia.* L., 1960. P. 128; *I d e m.* *The peoples of Soviet Central Asia.* L., 1966. PP. 33, 34.

⁴ Rywkin M. *Russian Central Asia.* N. Y.; L., P. 94.

¹ См.: *The Kazakhs and Pugachev's revolt // Central Asian Review.* 1960. Vol. VIII. No. 3. PP. 256—263; Tillet L. *The Great Friendship: Soviet historians on the non-Russian nationalities.* Chapel Hill, 1969. PP. 70—71, 230—238.

² См.: Ермагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация... С. 102—103.

³ Golczewski F. *Op. cit.* S. 482.

⁴ *Ibid.* P. 483.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Journal of the Royal Central Asian Society.* January 1964. Vol. LX. P. 53.

⁷ *Journal of the Royal Central Asian Society.* 1959. Vol. XLVI. Pt. 1. P. 15; Pierce R. A. *Russian Central Asia 1867—1917: A study in colonial rule.* Berkeley, 1960. P. 303.

и политического давления, сопровождавшийся нередко и военными акциями, вряд ли правомерно квалифицировать только как «завоевание». В основном мирный, добровольный характер, позитивные последствия присоединения Казахстана к России были отмечены, хотя и с оговорками, не только отдельными дореволюционными, но и сегодня некоторыми объективно настроенными западными исследователями. Американский социолог и историк Дэвид Т. Линдгрэн, например, отмечает: «Относительно слабое сопротивление, которое русские встретили здесь до революции, объяснялось слабо развитым национальным самосознанием среднеазиатских народов, а также тем, что они были умиротворены некоторым улучшением русской администрацией их материального положения — упорядочением систем земельной аренды и налогообложения, созданием транспортной и коммуникационной сети, налаживанием медицинского обслуживания»¹.

Буржуазное толкование истории присоединения Казахстана к России отличается плюралистическим подходом, что позволяет его приверженцам приводить самые различные доводы, основанные нередко на мнимых доказательствах, ввиду своей недостаточности логического и семантического анализа, вводящих читателя в заблуждение. Признание прогрессивных последствий присоединения Казахстана к России, например, отнюдь не означает, что советские историки тем самым оправдывают колониализм. Но Ф. Гольчевски как

раз и прибегает к ложному умозаключению, утверждая, что доказательство советскими историками социально-экономического развития «мусульманских областей» Средней Азии служит для них доводом в пользу провозглашения колониального завоевания и дальнейшей экспансии Советского Союза². Немарксистские историки усматривают генетическую связь между трактовками проблемы присоединения Казахстана к России и национальной политики Советской власти. Тот же Ф. Гольчевски пишет: «Капиталистический и некапиталистический пути развития взаимно исключают друг друга, однако советская историография и в том, и в другом случае видит «объективно-прогрессивную» роль русских колонизаторов, которая неустанно превозносится³. В те годы, когда писались эти строки, ветры «холодной войны» повеяли и на историографическом фронте: запугивание «советской угрозой», навешивание ярлыков о «русско-советском колониализме» служили отправными точками для многих консервативных советологов. Ведь Ф. Гольчевски должно быть известно, что одним из основных требований марксистского историзма является конкретно-исторический подход к изучаемому явлению, рассмотрение его во времени и пространстве; и в данном случае марксист задается вопросом: прогрессивность капитализма (или социализма) по отношению к какой общественно-экономической формации? Несостоятельны доводы и о том, что советские исто-

рики, придерживаясь оценки о прогрессивности вхождения нерусских народов в состав России, противостоят В. И. Ленину, который отличал царский колониализм с его «военно-феодалной» сущностью от западно-европейского империализма⁴. Судя по сумбурному рассуждению автора об экономической политике Ю. Витте после 1882 года, видимо, речь он ведет о позднем развитии капитализма в России по сравнению с западноевропейскими странами. Но В. И. Ленин никогда не говорил, что если Средняя Азия и Казахстан вошли бы, например, в состав Британской империи, общественное развитие их могло идти более ускоренными темпами... История к тому же не пишется в условном времени. Выводы работ историков Е. Б. Бекмаханова, Б. Д. Джамгерчинова, Н. А. Халфина, С. З. Зиманова, Ж. К. Касымбаева о прогрессивных последствиях присоединения Средней Азии и Казахстана к России основаны на многочисленных архивных материалах. Но отдельные положения по проблеме, на наш взгляд, нуждаются в уточнениях и дополнениях в свете новых исследований М. К. Козыбаева, В. А. Моисеева⁵.

Внимание современных буржуазных историков к вопросам присоединения Средней Азии и Казахстана

к России, колониальной политике царизма отчасти связано с их трактовками ленинской теории империализма в целом или ее отдельных положений. Предпринимаются попытки по координации усилий в этом направлении. В начале 70-х годов в Лейдене (Голландия) был создан международный научный «Центр по изучению европейской экспансии»⁶. В одном из изданий, выпущенном этим центром⁴, говорилось о необходимости усиления критики ленинской теории империализма, исходя из того, что такое сложное явление, как колониальная экспансия, вообще нельзя объяснить «одной» теорией⁵. Так например, английский советолог Х. Сетон-Уотсон, оспаривая утверждение Е. Б. Бекмаханова о том, что «присоединение Средней Азии и Казахстана к Англии было бы великим несчастьем»⁶, развернул целую систему «доказательств» в опровержение данного тезиса. Приведем, по возможности, полный текст его аргументов: «Если Россия была страной как Белинского, Герцена, так и Николая I, то Англия была страной не только Пальмерстона, но и страной чартистов и Диккенса... Советский автор в подтверждение своих мыслей приводит цитату из письма Энгельса к Марксу в 1863 году (sic!) в пользу того, что

¹ Lindgren D. T. Racial and ethnic conflict in Soviet Central Asia // Ethnic Autonomy-comparative dynamics: the Americans, Europe and the Developing World / Ed. by Raymond L. Hall. N. Y., etc., 1979. P. 239.

² Golczewski F. Op. cit. P. 485—486.

³ Ibid. P. 484.

¹ Ibid.

² Бекмаханов Е. Б. Указ соч.; Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России.—2-е изд. Фрунзе, 1963; Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России. М., 1965; Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. А.-А., 1958; его же. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX в. А.-А., 1960; Сулейменов Б. С., Васин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII—начале XX века. А.-А., 1981; Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. А.-А., 1986; Козыбаев М. К. История и современность. А.-А., 1991; Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи XVII—XVIII вв. А.-А., 1991.

³ См.: Парфенов И. Д. Колониальная экспансия Англии конца XIX в. в современной буржуазной историографии // Вопросы истории, 1985, № 5, С. 158.

⁴ Reappraisals in Oversea history. I. 1979.

⁵ Marshall P. European Imperialism in the 19th Century // History Today. Vol. 32. May 1982. PP. 49—51.

⁶ Бекмаханов Е. Б. Указ. соч. С. 115—139.

английский рабочий класс находился тогда под влиянием буржуазии в результате доминирующего положения Англии на мировых рынках, и поэтому он не являлся прогрессивной силой. Не говоря о спорности этих взглядов, следует отметить, что по критериям данной интерпретации право азиатских народов на независимость определяется не их желанием, а субъективным мнением позднего поколения завоевавшего их народа»¹. Далее Х. Сетон-Уотсон говорит, что колониальная политика России была в сущности подобна колониальной политике других европейских держав. Ее основные черты определяла та же комбинация высокомерия и благотворительности, той же мысли превосходства, основанной на игнорировании чужой культуры, той же самодовольной уверенности в том, что колонизаторы приносят с собой порядок и прогресс варварам. Иными словами, русские разделяли мысль своих британских и французских коллег о «бремени белого человека»². Со второй частью утверждений Х. Сетона-Уотсона с некоторыми уточнениями можно и согласиться. Речь о другом. В письме к К. Каутскому от 12 сентября 1882 г. Ф. Энгельс говорил: «Вы спрашиваете меня, что думают английские рабочие о колониальной политике. То же самое, что думают о ней буржуа. Ведь здесь нет рабочей партии, есть только консервативная и либерально-радикальная, а рабочие преспокойно пользуют-

ся с ними колониальной монополией Англии и ее монополией на всемирном рынке»³. В предисловии ко второму немецкому изданию своей книги «Положение рабочего класса в Англии», появившемуся в 1892 г., Энгельс следующим образом суммировал свои многолетние наблюдения над жизнью британского пролетариата: «Истина такова: пока сохранялась промышленная монополия Англии, английский рабочий класс в известной мере принимает участие в выгодах этой монополии. Выгоды эти распределялись среди рабочих весьма неравномерно: наибольшую часть забирало привилегированное меньшинство, но и широким массам хоть изредка что-то перепало»⁴.

На той же точке зрения стоял В. И. Ленин. Он подчеркивал, что обладание монопольным положением на мировом рынке было связано с тем, что Великобритания в середине XIX в. в течение примерно 20 лет была «мастерской мира», а также с громадными колониальными владениями⁵. «Это исключительное, монопольное, положение создало в Англии сравнительно сносные условия жизни для *рабочей аристократии*, т. е. для меньшинства обученных, хорошо оплачиваемых рабочих»⁶. Именно в этот период промышленной монополии Англии оппортунизм и экономизм начали господствовать в английском рабочем движении⁷.

База оппортунизма отнюдь не исчезла и после того, как в послед-

Т. Ю. Клапрот.
Конные скачки. 1816 г.

¹ Seton - Watson H. The Russian Empire 1801—1917. Oxford, 1967. P. 294.

² Ibid. P. 737.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952. С. 457.

⁴ Там же. С. 28.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 404—405.

⁶ Там же. Т. 22. С. 122.

⁷ См.: Там же. Т. 27. С. 404.

Г.-Ю. Клапрот.
Казахи в пляске. 1816 г.

Г.-Ю. Клапрот.
Бытовая жизнь казахов. 1816 г.

Дж. Кэстль.
У хана Абулхаира. 1736 г.

Дж. Кэстль.
У Бопай — жены Абулхаира. 1736 г.

Английский художник Т. Атkinson с женой и проводником — казахом. 1849 г.

Английский миссионер Г. Ланделл с подарками эмира Бухары. Автопортрет. 1885 г.

Т. Атkinson. Казахский певец. 1849 г.

Титульный лист книги Л. Крадера «Народы Средней Азии», Индианский университет, 1963.

Т. Аткинсон. Султан Ям-
мартурк с дочерью и сы-
ном. 1849 г.

Т. Аткинсон. Султан
Алиулла. 1849 г.

А. Брем. Казахский аул.
1890 г.

Г. Ланселл. Привал для путешественников в Казахской степи. 1885 г.

Т. Атkinson. Султан Булан. 1849 г.

А. Брем.
Табунщик. 1890 г.

А. Брем.
Вечером у юрты. 1890 г.

А. Брем.
Охота с беркутом. 1890 г.

А. Брем.
Напутствия. 1890 г.

Всадники (Азиатская Россия. СПб, 1914).

Т. Аткинсон. Угощение кумысом. 1849 г.

Антропологические типы народов Средней Азии (Азиатская Россия. СПб, 1914, т. I).

Саукеле (Азиатская Россия. СПб, 1914, т. I.).

А. Брем. На пути к горному джайляу. 1890 г.

Т. Аткинсон.
Группа казахов. 1849 г.

Г. Ланделл.
Казах. 1885 г.

А. Брем. Казахи с вьючными верблюдами. 1890 г.

Казакский султан
(Азиатская Россия. СПб, 1914).

Г. Ланделл. Юрта на джайляу. 1885.

Т. Атkinson
Казакская семья на привале. 1849 г.

Г. Ланделл.
Калмык-торгоут. 1885 г.

Т. Аткинсон. Жертвоприношение у калмыков. 1849 г.

Т. Аткинсон. Слово за биём. 1849 г.

Шаманы (Азиатская Россия. СПб, 1914).

Г. Ланделл. Калмыцкий лама. 1885 г.

Т. Аткинсон.
Калмыки на отдыхе, 1849 г.

Г. Ланделл.
В почтовом доме, 1885 г.

Г. Ланделл.
Сибирский казак, 1885 г.

Г. Ланделл.
Русский переселенец, 1885 г.

Г. Ланселл. На улицах г. Верного. 1885 г.

Г. Ланселл. Омск. 1885 г.

Г. Ланселл.
Летняя резиденция Семиреченского губернатора. 1885 г.

Г. Крамер. Мавзолей Ходжи Ахмеда Ясави. 1898 г.

Г. Ланделл. Окрестности Верного. 1885 г.

Г. Ланделл. Таранчи. 1885 г.

И. Ганвей. Путешествие англичан по Каспийскому морю, 1754 г.

...кварту XIX в. промышленной революции Англии пришел конец. Промышленного, неоднократно подчеркиваемого Пегги, заключалась, прежде всего, в быстром расширении колониальной гегемонии Англии в 80—90-х годах XIX в., в переходе к широкому экспорту капитала и получению сверхприбылей. В работе «Империализм, высшая стадия капитализма» Ленин писал: «Получение монополей и огромной прибыли капиталистами... создали экономическую возможность завоевать отдельные прослойки рабочих, и именно и довольно значительное меньшинство их, привлекая их на сторону буржуазии данной страны или данной нации против всех остальных... Так создается связь империализма с оппортунизмом, которая существовала раньше всех и ярче всего в Англии благодаря тому, что наиболее империалистические черты капитализма наблюдались здесь гораздо раньше, чем в других странах»¹.

Из своего анализа Ленин делал вывод, что экономическая база для рабочей аристократии и для правого оппортунистского течения внутри рабочего движения не только сохранилась, но и значительно возросла. Распространения о неких «благах британского или русского колониализма» идти на самом деле идеологические мифы, основанные на отказе малым народам в праве на самостоятельное существование. Об этом и вывод А. Боджера: «Присяга Абулхаира 1711 г. не может быть новым этапом в истории казахского народа», ибо «его будущее отныне оказалось тесно

связанным с Россией»². Но Х. Сетону-Уотсону не следовало бы преднамеренно противопоставлять передовых представителей и рабочие движения Англии и России, ссылаясь на вырванные из контекста цитаты не отражающие взгляды основоположников марксизма-ленинизма по колониальному вопросу. Тема же о влиянии колониального господства России над среднеазиатскими народами на рабочее движение страны, о материальной и иной заинтересованности переселенцев (в т. ч. казахества) в увековечении колониальных порядков в Казахстане должна стать предметом специального исследования.

Прогрессивность присоединения Средней Азии и Казахстана, о котором пишут советские историки, определялась не только развитием здесь капиталистических отношений, но и тем, что создаются необходимые условия для борьбы трудящихся коренного населения вместе с русским народом против социального и национального угнетения, для развертывания национально-освободительного движения и слияния его с общероссийским революционным процессом. В свою очередь трудящиеся массы в России в лице угнетенных народов Средней Азии получили надежного союзника в борьбе с царизмом. «У нас целый ряд угнетенных царизмом народностей,— писал В. И. Ленин в 1905 г.,—...делают натиск на самодержавие особенно энергичным»³.

¹ Там же. С. 423—424.

² Bodger A. Op. cit. P. 41.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 381.

В современной буржуазной историографии стран Западной Европы и США уделяется значительное внимание изучению различных аспектов колониальной политики царизма в Средней Азии и Казахстане. В 1967 г. в «Славянском обозрении» опубликована статья Дэвида Маккензи «Кауфман Туркестанский, оценка его правления в 1867—1881 гг.»¹, в которой он подверг критике некоторые выводы Ю. Скайлера относительно колониальной администрации в Средней Азии. В этой связи в журнале со статьёй «Юджин Скайлер, генерал Кауфман и Средняя Азия» выступил другой американский историк Франк Сискоу, обвинивший Д. Маккензи в «подрыве авторитета Скайлера, одного из самых способных американских дипломатов того периода». Он превозносил научный уровень труда Скайлера. В опровержение доводов Д. Маккензи о кратковременности пребывания Ю. Скайлера в Казахстане и Средней Азии, Ф. Сискоу, основываясь на архивных материалах, хранящихся в США, писал, что Ю. Скайлер интересовался новоприсоединенными землями России с 1868 г.² В подтверждение своих мыслей Ф. Сискоу приводит также высказывания официальных американских лиц, мнения западноевропейской прессы и отрывки из переписки Ю. Скайлера, находящейся в Библиотеке конгресса США. По мнению

Ф. Сискоу «тенденциозность» статьи Д. Маккензи была обусловлена односторонним использованием источников, в частности, материалов «Голоса» и других русских газет, выступавших в свое время с критикой данных Скайлера⁴. В ответной статье «Славянского обозрения»⁵, Д. Маккензи не отрицал, что Ю. Скайлер был «несомненно, способным, добросовестным американским дипломатом и его книга «Туркестан» содержит богатый и ценный материал о крае, его населении и русском влиянии на Среднюю Азию». Однако, замечает Маккензи, Ю. Скайлер был введен в заблуждение врагами Кауфмана, которые завидовали его «престижу и независимой власти»; большинство материалов Ю. Скайлером почерпнуто из сомнительных и недостоверных источников, а также из хроник «злейшего врага Кауфмана» генерала М. Г. Черняева. Ссылаясь на эти и другие сведения, Д. Маккензи пришел к выводу, что описания Ю. Скайлера «далеки от полной правды»⁵.

Эта дискуссия между двумя американскими историками отразила, в целом, две крайне противоположные точки зрения, сформировавшиеся еще в дореволюционный период относительно колониальной политики царизма в Средней Азии и Казахстане. Русофобы (Г. Роулинсон, Г. Керзон, Д. Бульджер, А. Краусс и др.) в рез-

ких тонах высказывались относительно административно-экономических мероприятий, проводимых царизмом по закреплению своей власти на национальных окраинах, отмечая «алкоголизм, самодовольство» русских чиновников в Средней Азии и Казахстане. Они обращали внимание лишь на негативные аспекты проблемы. А. Краусс писал: «На территории всех азиатских владений России ее политика является политикой агрессивного империализма... Короче говоря, ее стремление к экспансии преследует цели поглощения, в то же время ничего не предпринято для того, чтобы содействовать благосостоянию народностей, время от времени прибавляемых к населению империи»¹. Сторонники же концепции «цивилизаторской миссии» колонизаторов в Азии всячески восхваляли деятельность царской администрации в Средней Азии и Казахстане, сочиняя дифирамбы в адрес отдельных генерал-губернаторов типа Кауфмана². Ссылаясь на произвольно выбранные выдержки из работ западноевропейских путешественников, Б. Гёббарт в статье «Россия как цивилизующая сила» писал: «военные чины умиротворили край, привели его в цветущее состояние... русские любимы своими среднеазиатскими подданными»³. О «благотворности и полезности» присоединения Средней Азии и Казахстана к России для «развития хозяйства и торговли», писал преподаватель географии в Эдинбургском

университете Г. Чисхольм⁴. Идеализация колониальной политики царизма стала доминирующей тенденцией в работах буржуазных историков Франции и Англии накануне и в период первой империалистической войны. Так, в 1913 г. У. Р. Рикмерс безапелляционно заявил: «Сейчас вопрос о том, как управляет царская империя своими подданными народами, не является предметом спора. Один из великих секретов успеха состоит в принципе невмешательства в религиозные верования и обычаи... Многие достигнуто в ирригационном и дорожном строительстве и других сферах экономики, что в конце концов составляет основу интеллектуального прогресса»⁵. Договорился до абсурда английский журналист С. Грэхам: «Ныне Туркестан и вся русская Средняя Азия являются исключительно лояльными, миролюбивыми и счастливыми колониями»⁶. Это было сказано в то время, когда «счастливые» народы Средней Азии и Казахстана поднимались на борьбу за то, чтобы не проливать кровь за чуждые им интересы, быть хозяином в собственном доме. Следует отметить, что и в самой дворянской и буржуазной дореволюционной историографии России господствовало представление о «процветании» окраин под управлением царизма⁷, что не могло не повлиять на выводы ряда западных авторов, обращавшихся к русским источникам XIX—начала XX вв.

Среди публикаций дореволюционных авторов по проблемам присоеди-

¹ Mackenzie D. Kaufman of Turkestan: an assessment of his administration, 1867—1881 // Slavic Review. June, 1967. PP. 265—285.

² Siscoe F. G. Eugene Schuyler, General Kaufman and Central Asia // Ibid. Vol. XXVIII. No. 1. March, 1963.

³ Ibid P. 119.

⁴ Ibid PP. 11—, 120; The Times. 1875, March 17. Vol. 4. P. 6.

⁵ Mackenzie D. Schuyler. Honourable but Misled // Slavic Review. March, 1968.— PP. 124, 129—130.

¹ Krausse A. Op. cit. P. 141.

² Wright G. F. Asiatic Russia.— L., 1903. P. XII.

³ Hubbard B. M. Russia as a civilizing force in Asia // Atlantic Monthly. 1895. No. 2.

⁴ Chisholm G. G. Handbook of commercial geography. 7th ed. L., N. Y., 1908. P. 302.

⁵ Rickmers W. R. «The Duab of Turkestan». Cambridge, 1913. P. 12.

⁶ Graham S. Through Russian Central Asia. L., 1916. P. 66.

⁷ Костенко Л. Ф. Туркестанский край. т. 1—3, СПб, 1880; Kouznetsov P. La lutte des civilisations et des langues dans l'Asie Centrale. P., 1912.

нения Средней Азии и Казахстана к России выделяется специальная работа немецкого историка Отто Гётча «Русский Туркестан и тенденции современной русской колониальной политики»¹. Автор сочинения являлся одним из основателей в 1913 г. «Общества по изучению истории России», а в Веймарской республике возглавлял это общество, был редактором ряда периодических изданий по истории России и Восточной Европы и вел курс русской истории в Берлинском университете. Исследования О. Гётча включены в книги «Россия» (1913 г.) и «Война и большая политика» (3 тома, 1915—1918 гг.). В 1920 г. избирался в Рейхстаг. Выступал за политические, экономические отношения с Советской Россией². Указанное выше сочинение О. Гётча «Русский Туркестан» издано по частям в двух выпусках «Ежегодника», редактором которого был Г. Шмоллер — представитель «новой исторической школы» в политической экономии Германии. К этой работе немецкого ученого проявил интерес В. И. Ленин. Об этом свидетельствует запись в «Тетрадах по империализму»: «Ежегодник Шмоллера по управлению» и пр. 37-й год издания (1913). 2-й выпуск. Начата большая работа Отто Гётча о русском Туркестане (и тенденциях русской колониальной политики). Очень интересно!»³. В тетради «ни» добавил затем: «Автор знает по-русски, сам

был в Туркестане NB и хорошо изучил литературу»⁴.

Изучая сочинение О. Гётча, В. И. Ленин уделял внимание в нем вопросам развития колониально-экономической жизни в крае, сведениям о численности и этническом составе населения, особенно о религии и распространении идеологии пантюркизма и панисламизма в среде узбеков и казахов. Отметив знаком «NB» Ленин выписывает следующие строки: «Татарами-мусульманами севера, из района Волги (ногайцы) и Западной Сибири, вносится панисламистская агитация в спокойную в этом отношении среду мусульманских сартов и киргизов»⁵. Далее приводятся из книги сравнительные данные о развитии культурной и экономической жизни мусульман России за 1880—1910 гг.: «В 1880 г. в России насчитывалось 11 млн. мусульман, вся их печатная литература состояла из 7—8 книг; у них была одна типография, 4 вождя и 12 человек с высшим образованием, в том числе 1, который учился в Западной Европе. В 1910 г. их было уже 20 млн.; они имели 1000 печатных книг, 14 типографий и 16 периодических изданий, 200 человек, получивших высшее образование в России, и 20— в Западной Европе, около 100 литераторов, 6 высших и 5000 низших школ, 3 благотворительных учреждений, 3 небольших банка и 3 сельских банка»⁶.

Немало фактических материалов

о развитии экономической и культурной жизни в колониальном Туркестане и Казахской степи приводятся в работах современных зарубежных историков. Акцентируя внимание на «благотворительных» аспектах деятельности царизма на окраинах, они твердят о «несомненных успехах» школьного образования, зачатках медресинского образования, «водворении стабильности и порядка», появлении первых национальных кадров интеллигенции. При этом творчество и деятельность казахских просветителей А. Кунанбаева, И. Алтынсарина, Ч. Валиханова и др. освещаются ими с позиции концепции «вестернизации» и «модернизации» А. Кунанбаев в их изображении выступает как «неосознанный последователь взглядов русских политических ссыльных» и русской культуры, И. Алтынсарин — как проводник миссионерских усилий Н. Ильминского, а Ч. Валиханов — «отважный путешественник, выполнявший рискованное задание царского правительства». В книге Ф. Тренча, опубликованной в Лондоне в 1869 г., о Ч. Валиханове говорится лишь как о человеке, совершившем путешествие в Кашгарию с целью получить сведения о ее внутриполитическом и экономическом состоянии¹. В том же духе описали посещение Ч. Валихановым Кашгарии Г. Ланделл, Г. Роулинсон и другие западноевропейские авторы в 70—80-х годах XIX в. Для современной буржуазной историографии характерно высказывание Е. Бэкон — профессора Корнелльского университета: «Во второй половине XIX в. появилась незначительная интеллектуальная элита в казахском обществе. Неко-

торые сыновья ханов, окончив кадетскую школу в Омске, стали военными офицерами; они были больше русскими, чем казахами. Тем не менее они стали своего рода мостиками между русским и казахским мирами, усваивая западные идеи через посредничество русской литературы»². Американский профессор Э. Олуорд утверждает, что работу по пробуждению своего народа, начатую предыдущим поколением казахских просветителей, продолжали А. Байтурсынов, М. Дулатов. О «вестернизации» верхушки казахского общества пишет Р. Пирс, который вопреки историческим фактам противопоставляет взгляды Ч. Валиханова идеалам и чаяниям трудовых масс казахского народа. «Получив образование,— пишет он,— немногочисленная группа казахов, среди которой был и Ч. Валиханов, оторвалась от масс, от родного языка и культуры»³. Далее он указывает, что «пропасть» между этой группой и большинством населения сужалась с появлением людей, получивших образование в русских школах. Они работали учителями, переводчиками и на других младших должностях царской администрации. Ярким представителем этой многочисленной группы, говорит Р. Пирс, был И. Алтынсарин. Тем самым, выдающийся педагог, казахский просветитель в трактовке канадского историка остается в истории лишь «посредственным клерком»: «Казахским Пушкинным» называли Абая Кунанбаева,— констатирует он. Но вся его деятельность, общественно-политические, философско-эстетические взгляды сведены к дружественным связям с русскими политическими ссыльными

¹ Hoetzsch O. Russisch-Turkestan und die tendenzen der heutigen Russischen kolonialpolitik // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Leipzig; München, 1913. Jg. Cft. 2—3.

² См.: Критика новейшей буржуазной историографии. Сб. статей. Л., 1967. С. 212—214; Салов В. И. Германская историография Октябрьской революции. М., 1960. С. 44, 45, 72, 96, 121.

³ Ленинский сборник, XXXI, С. 339.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 513.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 514.

¹ Trench F. The Russo-Indian question. L., 1869. P. 50—51.

² Bacon E. Central Asians under Russian rule... PP. 101—103.

³ Pierce R. A. Russian Central Asia... P. 250.

ми; переводам на родной язык отдельных стихов и басен Пушкина, Лермонтова, Крылова и других поэтов¹. Р. Пирсу известен и казах Тлеу Сейдалин, который окончил Оренбургский кадетский корпус. Шагимардан Мириасович Ибрагимов опубликовал большое количество статей по этнографии народов Средней Азии и Казахстана и в 1891 г. был назначен русским консулом в Джидде². Искаженной интерпретации подвергается творчество поэтов Махамбета Утемисова, Доскожи, Нысанбая и Шернияза; освободительные идеи, дух национального достоинства в их творческом наследии квалифицируются как проявление «неумирающей ненависти к русским и их казахским коллаборационистам»³. Изучение «послужных списков ст. помощника Тургайского уездного начальника, надворного советника султана Сейдалина», материалов об этнографе Ш. Ибрагимове и др. представителях казахской интеллигенции, служивших в колониальной администрации отнюдь не свидетельствуют, что они во всем следовали указаниям колонизаторов вопреки интересам своего народа⁴. Определенный доступ, открывшийся перед, прежде всего, представителями зажиточных слоев казахского общества, нельзя представлять как результат колониальной политики царизма, хотя ее роль в подготовке мелких чиновников, толмачей и учите-

лей тоже нельзя отрицать всецело. В советской историографии нет специального исследования о казахам, получивших высшее образование до 1917 г., но в архивах имеется обширный материал для плодотворного изучения этой проблемы. Приведем несколько примеров. В 1895 году Сатылган Саботаев после окончания верненской гимназии поступил в Московский Лазаревский институт восточных языков⁵. С золотой медалью окончил Семипалатинскую гимназию, а затем Томский технологический институт Алимхан Ермаков⁶. Юридический факультет Московского университета окончил С. Аппасов⁷. В 1882 г. Казанский университет окончил Д. Чуваков⁸. В 1899 г. в Казанский ветеринарный институт поступил бывший воспитанник Оренбургской гимназии Сулейман Ибрагимов⁹. Этот же институт в 1904 г. окончил Абубакир Сейдалин¹⁰. Высшее образование в Казани получили Б. Кулманов, М. Бекимов и многие другие. Десятки казахов учились в высших учебных заведениях Москвы, Петербурга и др. городов России, в Польше, Египте. Некоторые из них (А. Байтурсынов, М. Дулатов, М. Тынышпаев, Я. Акпаев и др.), впоследствии сыграли активную роль в национальном пробуждении своего народа, становлении казахской национальной культуры, строительстве новой жизни. Для буржуазных исто-

риков все эти процессы и явления представляются продолжением и плодом того «великого дела», начатого царским режимом.

Американский профессор С. Зеньковский в статье «Культуртрегерство в дореволюционной России» писал, что с самого начала политика России по отношению к национальностям характеризовалась невмешательством; в их культурную и религиозную жизнь; была запрещена даже миссионерская деятельность; в течение первых пятидесяти лет колониального правления не была предпринята попытка введения в школах русского языка; получило развитие школьное образование и т. п.¹. Французский советолог Э. Каррэр д'Анкосс подвергла специальному изучению развитие школьного дела в Туркестане в 1867—1917 годах², отметил позитивные итоги и основные направления политики царизма в этой сфере. Об отдельных прогрессивных аспектах в действиях царской администрации в Бухаре и Хиве, невмешательстве в их внутренние дела говорит С. Беккер³.

Описывая «благодетяния» царизма, Р. Пирс рассматривает широкий круг вопросов социально-экономического развития Средней Азии и Казахстана в колониальный период: «водворение в крае мира и порядка»; реформа законодательства и административной системы, развитие торговли, сельского хозяйства, добывающей промышленности и мануфактурного производ-

ства, строительство железных дорог и ирригационных сооружений, организация библиотек, современных школ, научных учреждений, издание газет и журналов⁴. «Несмотря на все трудности,— пишет Р. Пирс,— имелись перспективы улучшения положения местного населения». В подтверждение этого он указывает на то, что к 1911 году многие состоятельные казахи строили себе деревянные и каменные дома, живя в юртах только в летнее время. Они приобрели сенокосные машины и т. п. Отмечает и «улучшение» положения бедных семейств. В Петропавловске в начале XX в. удельный вес семейств без скота снизился с 83 до 51, Кокчетавском уезде — с 75 до 49, в районе Омска — с 67 до 55%⁵. Американский историк Фируз Каземзаде, рецензируя книгу Р. Пирса, дал следующую оценку его данным о русском управлении краем: «Хотя автор редко прибегает к оценке пятидесятилетнего русского правления, становится каждому ясно, что колониализм есть колониализм, со всеми позитивными и отрицательными чертами, ему присущими. Пирс придерживается общей точки зрения о вкладе России в развитие Средней Азии. Он рассказывает о строительстве оросительных сооружений, городов, о медицинском обслуживании, земельной реформе, которые в своей совокупности трансформировали экономику региона»⁶. Иными словами, точка зрения Р. Пирса, Ф. Каземзаде относительно

¹ Ibid. p. 251.

² Ibid.

³ Winner C. T. The Oral Art and Literature of the Kazakhs of Russian Central Asia. Durham, 1958. P. 90.

⁴ См.: ЦГА КазССР, Ф. 25, Оп. 5, Д. 172—176.

⁵ См.: ЦГА КазССР, Ф. 64, Оп. 1, Д. 3203, Л. 6.

⁶ Там же. Ф. 25, Оп. 1, Д. 1610, Л. 77.

⁷ Там же. Ф. 64, Оп. 1, Д. 3203, Л. 36.

⁸ Там же. Ф. 25, Оп. 1, Д. 2071, Л. 30.

⁹ Там же. Д. 1610, Л. 77.

¹⁰ Там же. Д. 943а, Л. 90.

¹ Zenkovsky S. A. Kulturkampf in pre-revolutionary Russia // The American Slavic and East European Review. 1955. Vol. XIV. No. 1. P. 18—19.

² D'Encauss H. C. Tsarist education Policy in Turkestan 1867—1917 // Central Asian Review. 1963. Vol. XI. No. 4. PP. 374—394.

³ Becker S. Russia's protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva 1865—1924. L., 1968. P. XII.

⁴ Pierce R. A. Russian Central Asia P. 302.

⁵ Ibid. PP. 161, 162.

⁶ The American Slavic and East European Review. 1961. Vol. XX. No. 2. P. 325.

ската казахов совершались казаками повсеместно — в Сибири, Семиречье, на Западе Казахстана. Об этом свидетельствуют и труды исследователей Казахского края. Один из знатоков его А. К. Гейнс писал: «Привилегии, дарованные правительством казакам, послужили не к возвышению их благосостояния и деятельности, а напротив, к развитию полнейшей праздности и лени, к расстройству их хозяйства и к систематически-организованному обирательству киргизов... Обирательством и всевозможным насилием они поселяют в киргизах враждебные чувства ко всему русскому населению»¹.

Административные и экономические реформы царизма, как правильно указывает Е. Бэкон, были направлены на разрушение традиционного казахского общества. По ее данным, в 1913 г. в целом в Казахстане было 267 аульных школ русской системы и 157 русско-казахских смешанных школ, которые готовили клерков и толмачей для царской администрации. Основной целью школьного образования в степи была русификация казахской молодежи². Царизм разрешил широкую миссионерскую деятельность среди казахов, что было отмечено в конце XIX в. французским путешественником Жозефом А. Бай³.

Среди колониальных чиновников, казачества и офицеров было немало людей передовых взглядов, с сочувствием относившихся к бесправному положению угнетенного казахского народа. Военный врач Ф. В. Поярко, несколько лет живший в Верном,

писал: «Мы верим, что при благоприятных условиях жизни, созданных для приобщения ею народов Средней Азии, духовные силы и способности этих народов широко и блестяще разовьются, и они также примут деятельное участие в культурной работе совместно с другими цивилизованными народами, гораздо ранее их вступившими на путь прогресса и цивилизации»⁴. Но в то же время колониальный аппарат царизма составляли и те, которых привлекали в Среднюю Азию и Казахстан только «желание немного разбогатеть на обширных просторах «независимой Татари», «обирать киргиз и на их деньги шить жене померанцевое платье на цитроновых лентах»⁵. Т. Аткинсон свидетельствует, что русские смотрели на Аягуз как на место ссылки, «и каждый из них, от командира до солдата, стремится брать взятки с киргизов; правительственный чиновник, отъявленный пьяница, присланный сюда с юга России, безбожно обирал обитателей степи». Они смотрели на казахов и другие угнетенные народы Востока с пренебрежением, в их обычаях и нравах видели «дикость» и «невежество». Так, генерал-губернатор М. Сперанский, по свидетельству М. Раеффа, в письме к дочери с «отвращением описал поведение казахов на празднествах, свидетелем которых он был на юге»⁶. В Казахстан высылались не только политические ссыльные... Характеризуя колониальный порядок николаевского времени, социал-демократ Н. Г. Гарин-Михайловский писал в 1891 году: «Тогда

еще, как последняя новость, сообщался рассказ об исправнике, который, скупив у киргиз ветер, продавал киргизам же его за большие деньги (не позволяя везть хлеб, молот его на ветряных и проч.)»¹. Побывав в районе Каркаралинска и Омске, он отметил, что зависимость «киргиза» от казака полная и казак, не хуже англичанина, умеет соки выжимать из инородца. Как бы ни старался Р. Пирс, материальное положение казахов в колониальный период не улучшилось. Об этом говорят сведения Фр. Гелльвальда: к 1 января 1895 г. в Степном крае насчитывалось всего населения 1 895 137 человек, из них 1,5 млн. — казахи... По официальным данным во всей окраине на 100 жителей составляло: лошадей 90, мелкого скота — 380, верблюдов — 12 голов². Если пользоваться современной терминологией, до прожиточного минимума многим казахам было далеко.

В западной историографии признается факт тяжелых последствий переселенческой политики царизма для основной отрасли экономики казахов — кочевого скотоводства, подвергнуты анализу причины и методы колонизации, ее роль в деле консолидации и закреплении «русской власти» в Казахстане. По утверждениям Р. Пирса, С. Зеньковского и др. западных историков, строительство городов и крепостей, укрепленных линий, даже казачество, обособившееся на территории Казахста-

на, не гарантировали стабильность «русского господства» в крае. Поэтому государственные, военные интересы, цели окончательного утверждения «русской власти» требовали колонизации Казахстана более представительной частью русского общества. Правда, Р. Пирс указывает в качестве причин переселения на земельную тесноту в России и стремление царизма ослабить аграрную напряженность в центре, создавая одновременно себе опору в степи³. В работах Д. Вильямса, В. Лезаря, Р. Льюса приводится численность уральских и семиреченских казаков, освещаются ход переселенческого движения, создание Переселенческого управления, экспроприация им наиболее плодородных земель казахов и др. вопросы⁴. Д. Вильямс, в частности, указывает, что к 1908 г. в плодородной и богатой природными ресурсами Семиреченской области были основаны 32 переселенческие деревни, и общее количество русского населения достигло здесь 260—270 тыс. человек⁵. Сообщая данные о наплыве переселенцев и в другие районы Казахстана, С. Зеньковский утверждает, что им выделялись наиболее плодородные земли в климатическом отношении благоприятных районах, не считаясь с кочевыми маршрутами казахских аулов. «Неизбежным результатом колонизации степи, — пишет он, — была возникшая вскоре напряженность в отношениях между номадами и вновь прибывшими земледельца-

¹ Собрание литературных трудов А. К. Гейнса. Т. 1. СПб, 1897. С. 117.

² В а с о н Е. Central Asians under Russian rule. PP. 93—99, 101—103.

³ Б а й Ж. А. (Барон де Бай). От Волги до Иртыша. С. 27.

⁴ Цит. по: Город мой Алма-Ата. А.-А., 1971. С. 147.

⁵ В а л и х а н о в Ч. Ч. Собр. соч. в 5 т. Т. 1. А.-А., 1961, С. 43.

⁶ R a e f f M. Siberia and the reforms of 1822. P. 112.

¹ Гарин-Михайловский Н. Г. Собр. соч. Т. 5. 1894—1906. М., 1958. С. 11.

² Гелльвальд Фр. Земля и ее народы. Т. II. Живописная Азия. С. 269.

³ См.: Z e n k o v s k y S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge; Mass., 1960. PP. 68—69; P i e r c e R. A. Russian Central Asia. PP. 108, 120, 138.

⁴ См.: W i l l i a m s D. S. M. Russian peasant settlement in Semirechye // Central Asian Review. 1966. Vol. XIV. No. 2. PP. 110—116; L e a s u r e W. and L e w i s R. A. Internal migration in Russia in late nineteenth century // Slavic Review. Sept. 1968. Vol. XXVII. No. 3. PP. 375—394.

⁵ W i l l i a m s D. S. M. Op. cit. PP. 111—112.

ми»¹. Были отобраны даже возделываемые казахами посевные площади, во многих местах водные источники также отошли к переселенцам и казакам². Ход переселенческого движения со времени отмены крепостного права в России (1861 г.) до начала первой мировой войны прослежен в книге американского историка Д. Трэдгольда «Великая Сибирская миграция»³. Оценивая итоги переселенческой политики царизма, буржуазные историки подчеркивают изменение этнического состава населения Казахстана в пользу прибывших из европейской части России, радикальное изменение в традиционном образе жизни местных жителей и экономике, приведшее к пауперизации значительной части казахов. В 1911 г. более 40% всего населения Уральской Тургайской; Акмолинской и Семипалатинской областей составляли переселенцы из России⁴.

В монографии Н. Е. Бекмахановой «Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма», в которой подвергнута основательному исследованию переселенческая политика, говорится: «Царизм, проводя свою переселенческую политику, не делал различий между народами России, и формально и по существу они пользовались равными правами, определявшимися существовавшим законодательством. Поэтому в заселении окраин страны, наряду

с русскими, на равных участвовали украинцы, белорусы, мордва, татары. Это, с одной стороны, расширяло ареалы их расселения, а, с другой — приводило к совместному проживанию представителей разных народов, усиливало их взаимосвязи и контакты»⁵.

Принципиальная оценка колониальной, в том числе переселенческой, политики царизма дана в работах В. И. Ленина. В «Случайных заметках» (1901) Владимир Ильич критикует «ряд административных реформ, одна другой радикальнее: переименование селения Платоновского в селение Николаевское»⁶.

Изобличая мнимую «заботу» царизма о благе народов колониальных территорий, Ленин иллюстрирует это положение примером селения, которое находилось в бывшей Кийминской волости Атбасарского уезда Акмолинской области.

В работе над книгой «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (1908) Лениным использована работа Т. Седельникова «Борьба за землю в Киргизской степи»⁷. Автор этой работы — трудовик, по профессии землемер, был депутатом I Думы от Оренбургской губернии. В основу его книги был положен доклад, прочитанный им в 1905 г. и послуживший поводом для его увольнения со службы.⁸

Материалы о переселенческой политике царизма В. И. Ленин рассматривал в тесной связи с вопросом о путях освоения новых, неиспользуемых целинных земель на окраинах как составные части аграрно-крестьянской проблемы в целом. В этой связи им проанализирована брошюра С. Прокоповича и А. Мертваго «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся» (М., 1907), в которой приведены, в частности, данные о земельных фондах в Семиреченской, Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областях.

В. И. Ленин на основе данных брошюры составил таблицу всего земельного фонда и его хозяйственного употребления¹.

Внимание Ленина привлекла и монография одного из лидеров кадетской партии, буржуазного публициста А. А. Кауфмана «Переселение и колонизация», которая заслужила следующую выразительную характеристику: «В своей книге... А. Кауфман дает очерк переселенческой политики. Как истый «либерал», автор непомерно почтителен к бюрократии крепостников»². Ленин в этой книге обратил внимание на слова автора о том, что в Туркестане «общая площадь лёссовых пустынь, ожидающих искусственного орошения, исчисляется, несомненно, многими миллионами десятин»³. По поводу этих строк Владимир Ильич писал: «...многие миллионы десятин и в Туркестане и во многих других местах России «ожидают» не только орошения и всякого рода мелиораций, они «ожидают»

также освобождения русского земледельческого населения от пережитков крепостного права, от гнета дворянских латифундий, от черносотенной диктатуры в государстве»⁴.

Иными словами, освоение новых земель на восточных окраинах, решение аграрного вопроса в стране Ленин связывал отнюдь не только с финансово-экономическими проблемами, а прежде всего с социальной. Отмечая хороший подбор фактов, а также здравые мысли в рассуждении автора, Ленин в целом оценивал их, однако, как выражение «точки зрения благожелательного чиновника», имеющего претензию «встать над классами, подняться выше классовой борьбы»⁵.

Проблемы развития производительных сил восточных окраин, в т. ч. хлопководства, зернового хозяйства занимали Ленина и позже. Собирая сведения о площади орошаемых земель в различных областях Средней Азии и Казахстана, площадях, занятых под пшеницей и хлопком, Ленин задолго до Октябрьской революции заглядывал в будущее этого региона; возможно, еще тогда зародился план будущего освоения Голодной степи.

Обширную информацию о состоянии земельного вопроса в Средней Азии и Казахстане Ленин почерпнул из стенографических отчетов Государственной думы второго созыва. В «Аграрной программе социал-демократии...» процитированы почти все выступления депутатов мусульманской фракции, в т. ч. депутата от

¹ Zenkovsky S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia. P. 69. pp. 69.

² Pierce R. A. Russian Central Asia... PP. 110, 119.

³ Treadgold M. The Great Siberian migration: Government and Peasant in resettlement from emancipation to the First World War. Princeton, 1957.

⁴ Pierce R. A. Russian Central Asia. P. 137.

⁵ Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.—1917 г.). М., 1986. С. 243.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 427.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 234.

⁸ Седельников Т. Борьба за землю в Киргизской степи (Киргизский земельный вопрос и колонизационная политика правительства). СПб, 1907.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 105.

² Там же. С. 405.

³ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб, 1905. С. 137.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16, С. 230.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 16. С. 226.

⁶ См.: Там же. Т. 28. С. 515; Т. 27, С. 382.

Уральской области Б. Каратаева. Ленин отметил: «От имени киргиз-кайсацкого народа говорил во II Думе депутат Каратаев (Уральской области)» и далее из его речи Владимир Ильич выделяет следующие моменты: «Мы, киргиз-кайсаки... глубоко понимаем и чувствуем земельный голод братьев наших крестьян, мы готовы с охотой потесниться» (39 заседание, с. 673), но «излишних земель очень мало», а «переселение в настоящее время сопряжено с выселением киргиз-кайсацкого народа...», «выселяют киргизов не с земель, а из жилых их домов» (675). «Киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям» (675)¹.

В. И. Ленин неоднократно возвращался к вопросу о переселенческой политике царизма, о характере межнациональных отношений на восточных окраинах. В своей работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» (1908) Владимир Ильич приводит таблицу, отражающую весь земельный фонд России, в т. ч. площадь всех земель в Средней Азии, численность и плотность населения². «Из этих цифр ясно видно, — пишет Ленин, — как мало мы еще знаем об окраинах России. Конечно, думать о «решении» земельного вопроса внутренней России посредством переселения на окраины было бы верхом нелепости. Не подлежит ни малейшему сомнению, что предлагать такое «решение» могут только шарлатаны, что те противоречия старых латифундий в Европейской России новым условиям жизни и хозяйства в той же Европейской России,... должны быть

«разрешены» тем или иным переворотом в *Европейской России*, а не вне ее»³.

Считая, что «колониационный вопрос в России есть подчиненный вопрос по отношению к аграрному вопросу в центре страны»⁴, Ленин в то же время подвергал резкой критике переселенческую политику царизма, осуществлявшуюся во многих местах вразрез с интересами коренных национальностей. В 1912 году, т. е. спустя четыре года после публикации цитированных трудов по аграрному вопросу, Ленин писал: «Переселенческий фонд образуется путем вопиющего нарушения земельных прав туземцев, а переселение из России производится во славу все того же националистического принципа «русификации окраин»⁵. Ленин снова обращает внимание читателей на то, что только социальный переворот в стране позволит народам Средней Азии и Казахстана скинуть царских колонизаторов и «своих» эксплуататоров.

Социальный и национальный гнет вызывал решительный протест трудящихся масс казахского народа. Тема эта стала предметом изучения в буржуазной историографии со времени возникновения национально-освободительных выступлений казахов. Дореволюционная историография вопроса представлена работами Д. Бульджера (о восстании под руководством Е. Кутебарова), А. Крауса и Ю. Скайлера (о выступлении казахов в Уральской и Тургайской областях), Г. Абериг-Маккея и Ф. Барнаби (о восстании на Ман-

гышлаке)¹. О движении Кенесары Касымова писал Г. Крамер². О социально-экономической ситуации, послужившей причиной выступлений трудящихся казахов под руководством И. Тайманова и М. Утемисова писали М. Уйфальви, Х. Хэлл, Ю. Скайлер. По данным М. Уйфальви, в Букеевской орде, образованной в 1801 г., жило первоначально 7000 человек — выходящих из Среднего и Младшего жузов³. Англичанин Х. Хэлл сообщает, ссылаясь на данные Министерства внутренних дел России от 30 августа 1841 года, что население этого ханства достигло 16 550 юрт. А по данным губернатора в Астрахани, где был автор, реальное число их не могло превысить 8 000 юрт. «Здесь казахи зажатые между уральскими и волжскими казачьими линиями, — пишет Х. Хэлл. — Кроме того, как я могу судить из представленных мне фактов в Астрахани, иммиграция сюда киргизов не была свободной, как об этом провозгласило правительство. И сила, и обман были пущены в ход, чтобы заселить этот район, с которого Россия не получала никакой выгоды после того, как покинули его калмыки»⁴. По интерпретации Х. Хэлла получается, что в образовании Букеевской орды было заинтересовано более всего царское правительство, а не казахи Младшего жуза, как утверждается в советской историографии⁵. Более углубленное изучение темы западными историками относит-

ся к послереволюционному периоду. Оно характеризуется вовлечением в научный оборот новых источников и материалов, расширением хронологических рамок и тематики исследований. Одним из первых в буржуазной историографии участие казахов в Крестьянской войне 1773—1775 гг. затронул Бернард Пэрс. Его точку зрения на причины выступлений казахов Младшего жуза того времени в 60-х годах поддержали Чарльз Хостлер, Э. Саркисянц и другие западные историки. Они сводили их лишь к недовольству казахов принятием ханом Абулхайром и его сторонниками подданства России⁶. Решительное несогласие с позицией советских историков выражает Дж. Уилер: «Подытоживая нужно отметить, — пишет он, — несмотря на энергичные усилия советских ученых доказать обратное, казахи в конце XVIII века не были не только настроены благосклонно к «благотворительному» влиянию своего частичного присоединения к Российской империи, но и не хотели единодушно и безропотно подчиняться русскому господству»⁷. Это он говорит о движении Срыма Датова. Описывая его участие в Крестьянской войне 1773—1775 годов, Э. Саркисянц отмечает «непрерывность» антиколониальных выступлений казахов⁸. В этом русле он рассматривает и восстание в Букеевской орде под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова. «После

¹ См.: Есмагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация. С. 106—112.

² Kraher G. Russland in Mittelasiien. S. 7.

³ Ujfalvy de M.-K. Expédition scientifique Française en Russie. Vol. 2. P. 21.

⁴ Hell H. H. Op. cit. P. 261—262.

⁵ См.: Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. А.-А., 1982.

⁶ Pares B. A history of Russia. P. 291—293; Sarkisyanz E. Op. cit. S. 324; Hostler Ch. Turkism and the Soviets. The Turks of the World and their political objectives. L., N. Y. 1957. P. 60.

⁷ Wheeler G. The Modern history of Soviet Central Asia. L., 1964. P. 40.

⁸ Sarkisyanz E. Op. cit. S. 324.

¹ Там же. Т. 17. С. 69.

² Там же. С. 68.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. Т. 21. С. 330.

⁵ Там же. С. 390.

смерти Букея, — пишет он, — лучшие кочевья в Орде были захвачены уральскими казаками. Это привело зимой 1834 г. к такому обеднению некоторых казахских родов, что они вынуждены были продавать своих детей в рабство. В 1836—1838 годах это стало причиной их восстания под руководством Исатая и Махамбета¹. В сказанном есть, конечно, значительная доля истины, но не вся истина.

В связи с развернувшейся дискуссией в советской историографии в 50-х годах внимание западных историков привлекло движение Кенесары Касымова, которое ими изображается как освободительная борьба казахского народа за свою независимость. Тот же Э. Саркисянц пишет: «Кенесары организовал массовое движение во всех трех казахских жузах, вылившееся в 1837—1847 гг. в грандиозное восстание казахов против русских вторжений на их территорию. Оно вышло за национальные рамки... На стороне Кенесары боролись пятеро русских, многочисленные башкиры, татары, каракалпаки, узбеки и киргизы... Кенесары вскоре стал знаменосцем освободительной войны во всей Средней Азии. Эмир Бухары выслал ему 60 орудий и 5 пушек, а хивинский хан 2 отряда, большое количество пороха»².

Движение Кенесары Касымова, трактуемое в советской историографии как «феодално-монархическое», нуждается в новом, более углубленном и мотивированном исследовании. Но, по всей вероятности, Э. Саркисянц слишком преувеличивает масштабы. Дореволюционные русские ис-

точники указывают: «Внук Аблайхана Кенесары Касымов, затмивший в народных сказаниях славу своего популярнейшего деда, собрал несколько тысяч наездников из представителей недовольных и, объявив себя восстановителем былого величия киргизского народа, пытался поднять под свое знамя весь киргизский народ. Огромная масса кочевого населения осталась, однако, равнодушной к воззванию Кенесары»³.

Переоценка движения Кенесары Касымова в советской историографии 50-х годов и необоснованные преследования в то время ряда советских историков, поэтов и писателей широко обсуждались в зарубежной печати.

А. Беннигсен, например, писал: «В 1947 г. АН КазССР наградила профессора Е. Бекмаханова своей медалью за работу «Казахстан в 30—40-х годах XIX в.», где автор изображал казахского хана Кенесары Касымова «национальным героем»... 26 декабря 1950 г. в «Правде» была опубликована статья, обвиняющая казахского ученого Е. Бекмаханова — автора указанной работы за то, что он протаскивает в ней антирусские, буржуазно-националистические идеи и возвеличивает Кенесары Касымова»⁴. Западные историки иногда не без основания обвиняют нас в том, что характер того или иного выступления казахов в прошлом мы определяем не на основе всестороннего и глубокого изучения совокупности материалов, а в соответствии с той или иной концепцией истории присоединения Казахстана к России»⁵. Вос-

токовед Бертольд Шпулер в предисловии к книге Э. Саркисянца «История восточных народов России до 1917 г.» пишет: «Представление о восточных народах России вошло в мировую историю исключительно по советско-русской историографии. Ее марксистская схоластика, а в последнее время своего рода шовинизм ограничивает ее научную ценность»¹.

Принципиально неверно отождествление западными историками русской дворянской и буржуазной дореволюционной историографии с советской, базирующейся на иных методологических принципах. Но в то же время нет смысла отрицать оголтелый шовинизм ряда работ дореволюционных авторов, особенно тех, которые в потоплении в крови освободительных выступлений безоружных казахов находили истинное удовлетворение. Типичным примером тому может служить статья «Повествование иностранцев о киргизском бунте 1869 года», сочиненная неким Бонифатием Карповым. «При чтении напечатанного в журнале «Природа и охота» за 1880 год «Путешествия в Западную Сибирь» д-ра О. Финша и А. Брема, — пишет он, — встретили мы очень неверные и обидные для войск наших сведения о возмущении киргиз в 1869 г.»². Б. Карпов обиделся, оказывается, на путешественников за то, что они писали о взятии повстанцами ряда укреплений. «Походы войск для усмирения этого восстания произошли на моих глазах, — продолжает Карпов. — ...с Кавказа явились тер-

ские казаки в числе 300 чинов и по высадке тотчас кинулись развернутым фронтом в атаку и произвели между киргизами такое опустошение, какого даже кавказским войскам делать прежде не удавалось. На несколько верст поле было устлано киргизами и... «рука бойцов рубить устала»³.

В дореволюционной историографии встречается и немало объективных работ, в целом правильно освещающих социально-экономические причины, ход и характер выступлений казахов в 60—70-х годах XIX в. в Уральской и Тургайской областях, на Мангышлаке⁴.

Развернутого анализа заслуживает пока что единственная в буржуазной историографии монография американского историка Эдварда Д. Сокола «Восстание 1916 года в русской Средней Азии»⁵. Автор отмечает, что эта тема, в принципе игнорировалась в англоязычной литературе и ее затрагивали лишь мимоходом в одном или двух параграфах. Специальное изучение восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане обуславливается, по его мнению, тем что: 1) восстание это, в котором участвовало в той или иной форме 11 млн. населения русской Средней Азии, прозвучало как первый грохот приближающейся катастрофы; 2) оно «было настоящей прелюдией революции в России и как катализатор, ускоривший выравнивание сил в регионе; 3) восстание имеет и другое значение, связанное с политикой царизма по отношению к национальным мень-

¹ Ibid. S. 327.

² Ibid. S. 327, 328.

³ Россия. Полное географическое описание. Т. XVIII. Киргизский край. С. 145.

⁴ Bennigsen A. The Muslim peoples of the Soviet Union. PP. 29, 30.

⁵ Shteppa K. F. The «Lesser evil» formula. PP. 107, 113; Heer N. W. Politics and history in the Soviet Union. Cambridge, 1971. P. 245.

¹ Sarkisyanz E. Geschichte der orientalischen völker Russlands bis 1917. S. 11.

² Оренбургский листок. 1881, № 19.

³ Там же.

⁴ Касымбаев Ж. К. О некоторых вопросах истории национально-освободительного движения в Казахстане второй половины XIX в. // История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX — начала XX в. в Средней Азии и Казахстане. Таш., 1989. С. 84—93.

⁵ Sokol E. D. The revolt of 1916 in Russian Central Asia. Baltimore, 1954.

шинствам. Оно, как зеркало, отразило провал контактов двух различных культур, кочевого и оседлого населения, продемонстрировав горький вкус этих контактов. Восстание было откликом кочевого общества на вторжение оседлого населения, покушавшегося на его свободу и само существование. Каждый ответил на этот вызов по-своему в соответствии со своими традициями и историей¹.

Э. Сокол, хотя и заявляет, что «первостепенное значение» придает раскрытию экономических и политических причин восстания в целом и в отдельных повстанческих районах, он сводит их к «постоянному вторжению русских поселенцев на территории кочевников»².

В рецензии на работу А. Парк отметил, что «использование традиционных источников» углубило бы исследование, «...придав убедительность оценке автора, почему среднеазиатские народы в то время оказались не в состоянии ни выработать общие принципы противостояния русскому господству, ни выдвинуть лидера, способного мобилизовать антирусские настроения»³. Но неубедительность выводов Э. Сокола связана отнюдь не с тем «недостатком», о чем говорит А. Парк, а несостоятельностью общей концептуальной основы книги, построенной на буржуазной философии истории кочевников и их взаимоотношений с соседними народами в соответствии с «законом» Рене Груссе и теории «локальных цивилизаций» Арнольда Тойнби⁴. Тем не менее ра-

бота Э. Сокола полезна своими фактическими данными об основных очагах восстания, социальном составе и численности повстанцев, а также мобилизованных для работы в прифронтовых районах. Сотни и тысячи «инородцев» были отправлены в Москву, Петроград, Одессу, Нижний Новгород и Харьков. Автор особое внимание уделяет Семиреченскому очагу восстания, считая, что здесь оно приняло более ожесточенный характер, так как «интенсивности русской колонизации соответствовало более развитое и яростное проявление сопротивления»⁵. Сообщает о мерах царского правительства по вооружению русских поселенцев и созданию из их числа вооруженных отрядов⁶. (По данным Сокола, в Семипалатинском уезде, где восстание не достигло уровня и амплитуды выступлений семиреченских казахов, «баи, обычно, не присоединялись к движению». Но участие зажиточных слоев в восстании было неоднородным. Участвовали а порою и руководили восстанием представители «старого феодального класса» — бии, землевладельцы, муллы, родовые старшины, а обуржуазившиеся элементы — торговцы, купцы, ростовщики держались вдали от восстания. В восстании, говорит Сокол, не приняли участия и джаиды, панисламисты⁷. Религиозное влияние на восстание также не должно быть преувеличено: если одна часть мулл и др. религиозных лиц была вовлечена восстанием, то другая поставила свой авторитет и престиж на службу

русскому правительству.) «В то время, — пишет Сокол, — как зажиточным местным классам не была характерна общая картина, о бедных можно сказать твердо: они участвовали в восстании повсеместно и активно. Потому что именно они наиболее остро ощущали последствия захвата их земель, экономического рабства и взяточничества чиновников. Именно эта группа... и определила масштаб и интенсивность сопротивления»¹.

При определении характера восстания Э. Сокол опирается на работы П. Галузо, А. В. Шестакова, Г. И. Бройдо, Г. Сафарова, Т. Рыскулова и др. историков и критерием для него служат данные о количестве убитых повстанцами волостных, чиновников русской администрации, русских колонистов, казаков и капиталистических элементов. На основе их анализа, Сокол делает вывод о различной направленности восстания в разных его очагах, что, по его убеждению, «зависело от характера межнациональных отношений в тех районах, где происходили боевые действия». «Таблица (приведенная П. Галузо) показывает, — пишет Сокол, — что русские больше всего пострадали там, где они наиболее активно соперничали с местным населением в борьбе за землю»², т. е. где более остро стоял земельный вопрос. В книге сообщается также об обсуждении в Государственной думе вопроса о ходе мобилизации «инородцев» Средней Азии и Казахстана на тыловые работы, о позиции в ней «мусульманской фракции»³.

Э. Сокол с объективистских позиций описывает и колониальную по-

литику царизма в Средней Азии и Казахстане. Приводимые им данные полностью опровергают утверждения Р. Пирса и других буржуазных историков — сторонников концепции модернизации о «созидательной» деятельности царской администрации в колониях. Сокол подчеркивает истину: «Каждое малейшее проявление национального самосознания среднеазиатских народов рассматривалось подозрительным, опасным явлением, расценивалось как пантюркизм, панисламизм, паниранизм — как самое махровое из всех национальных движений. В христианских странах борцов за свою веру возводят в ранг героев, считают святыми, в то время как такие мусульмане для русских являются фанатиками»⁴. За время своего правления (т. е. к 1916 г.) русская администрация в Туркестане ничего не изменила в жизни коренного народа, — указывает он далее. Материальные условия жизни населения еще более ухудшились, хотя состоятельные члены казахского общества несомненно выиграли из перехода в русское подданство. Такие признаки цивилизации, как современные дороги, больницы, санитария и т. п., оставались чуждыми для местного населения. Только современные методы эксплуатации беспокоили миллионы равнодушных к своей судьбе подданных. «Только, кажущееся, поверхностное впечатление о русской культуре, — пишет Сокол, — наблюдалось среди отдельных местных жителей, которые приняли западный образ жизни. В действительности, Россия была непригодна для выполнения задачи цивилизации Азии. За-

¹ Ibid. P. 13—14.

² Ibid. P. 33.

³ The American Slavic and East European Review. 1955. Vol. 14, No. 4, P. 552.

⁴ Grousset R. L'Empire des steppes: Attila, Genghis-khan, Tamerlan. P., 1939; Toynbee A. A Study of History Vol. 3. L., 1934. PP. 1—27, 395—404, 425—452.

⁵ Sokol E. D. Op. vit. P. 114.

⁶ Ibid. PP. 114—118.

⁷ Ibid. P. 146.

¹ Ibid. PP. 146—147.

² Ibid. PP. 161—164.

³ Ibid. P. 20.

⁴ Ibid. P. 177.

падная культура в России была представлена лишь тонким слоем господствующего класса. Остальная часть русского населения по своему культурному уровню даже в лучшем случае не была выше народов Азиатской России¹. Казахи и киргизы, указывает Сокол, были отстранены от участия в административном правлении, промышленности, культуре... В итоге всего этого «пропасть между местным населением и русскими углубилась, что в 1916 г. привело к восстанию»². Но на какие бы факторы ни ссылался Э. Сокол, первопричиной восстания для него остается «несовместимость» оседлого и кочевого обществ, их культур. В соответствии с концепцией А. Тойнби (о «вызове» и «ответе»), кочевое общество казахов болезненно реагировало на вторжение русских колонистов на свою территорию, в их образ жизни и т. п. «Восстание 1916 г. было жестоко подавлено русскими, — заключает Сокол, — но старые обиды остались... Недовольства продолжали существовать и в ходе Октябрьской революции; только после длительной и изнурительной борьбы, потребовавшей большого кровопролития от местного населения, частично они были устранены... (Советы не приостановили иммиграцию русских в Туркестан и доля русского населения здесь быстро возросла»³). И в конце концов, несмотря на ряд объективных наблюдений и суждений, Э. Сокол приходит к тем же выводам о «невозможности» мирной совместной жизни русского

и народов Средней Азии и Казахстана, об их «историческом» противостоянии, продолжающемся пребывании казахов и др. в «колониальном положении».

С позиции концепций борьбы «ислама с христианством», «леса — степью», «кочевничества — с оседлостью» излагают историю восстания 1916 г. в Средней Азии и Казахстане Дж. Уилер, Л. Крадер, А. Спектор, С. Зеньковский, Ш. Акинер⁴. Профессор Колгейтского университета в Гамильтоне М. Б. Олкотт в монографии «Казахи» также придерживается концепции «исторического противостояния «кочевого общества» казахов и оседлой, земледельческой культуры русских.

«Кочевое общество, — пишет, она, имея в виду Казахстан, — все в большей степени подвержено влиянию цивилизации, но не поглощено ею... Дилемма — завоевание или присоединение, существовавшая в течение столетия русского эксперимента пока не разрешена»⁵.

(Буржуазные историки отрицают даже самую возможность слияния национально-освободительного движения с пролетарским движением.) Именно об этом свидетельствуют новейшие работы советологов, в которых пропагандируется тезис о «параллельных», «самостоятельных потоках» в общероссийском революционном движении в течение всей его истории — как в 1905, так и 1917 г., предпринимаются попытки

оспаривать выводы советской историографии о размежевании двух течений — революционно-демократического и буржуазно-националистического¹.

(Таким образом, все возвращается на круги своя: национально-освободительная борьба народов Средней Азии и Казахстана в ущерб ее социальному содержанию изображается с позиции теории «единого потока» в виде сплошной цепи антирусских выступлений.) Буржуазные историки оспаривают не только методологические принципы марксистской исторической науки, но и выводы, аргументы по конкретным проблемам истории СССР, в том числе и по рассматри-

ваемым вопросам дореволюционного прошлого Казахстана. Анализ содержания ряда работ², изданных на Западе в 50—80-х годах, показывают, что проблемы истории присоединения Средней Азии и Казахстана к России и национально-освободительная борьба народов этого региона в XIX — начале XX вв. останутся и в дальнейшем важнейшими направлениями разработки. (Надо полагать, связанные с ними «старые» и «новые» концепции займут не последнее место в трактовке на Западе вопросов межнациональных отношений в СССР, о чем свидетельствуют издания советологов последнего времени.)

¹ Ibid. P. 179.

² Ibid. P. 181.

³ Ibid. P. 177.

⁴ Pierce R. A. Russian Central Asia. P. 291; Wheeler G. The peoples of Soviet Central Asia. P. 44; Krader L. Peoples of Central Asia. P. 108; Spector I. The Soviet and the Muslim world. 1917—1958. Seattle. P. 31; Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. PP. 135—136, 138; Akiner Sh. Op. cit. P. 290.

⁵ Olcott M. B. The Kazakhs. Stanford (Calif.): Hoover Institution Press, 1987. PP. XIX—XX, 258.

¹ Kappeler A. Die Historiographen der Nichtrussischen Völker der RSFSR in den siebziger Jahren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1981. Bd. 23. No. 1. S. 70—71.

² См.: Black C. E. (ed.). Rewriting Russian history. 2-nd ed., revised. N. Y., 1962; Sheppa K. F. Russian historians and the Soviet State. New Brunswick, New Jersey, 1962; Tillet L. The Great Friendship. PP. 70—71, 279, 419—422; Heer N. W. Op. cit. PP. 14, 25; Kappeler A. Op. cit. S. 70—71.

³ См.: Kreindler I. and Lazzarini E. Islamic peoples // Horack S. M. (ed.). Guide to the study of the Soviet nationalities: Non-Russian peoples of the USSR. Littleton, 1982. P. 177; Olcott M. Op. cit.; Wimbush E. S. Alma-Ata Riots // Encounter. 1988. Vol. 69. No. 1. PP. 62—68.

Заключение

Совокупный анализ источников и литературы по теме исследования позволяет, таким образом, выявить основные этапы и направления, тематику историко-этнографического изучения дореволюционного Казахстана в Западной Европе и США, очертить круг проблем, ныне привлекающих внимание зарубежных историков.

История познания Казахстана иностранцами в дореволюционный период прошла три этапа (с древнего времени до конца XVIII в., с нач. XVIII в. до 50—60-х гг. XIX в. и с 60-х гг. XIX в. до 1917 г.), разделение на которые обуславливалось не только количественными и качественными параметрами процесса накопления, обобщения и осмысления исторических и этнографических материалов в западных странах; внутренними закономерностями развития исторической и этнографической наук, их становлением в этих странах в качестве самостоятельных дисциплин, но и внешними факторами. К числу последних относятся, в частности, внутренние и внешнеполитическое положение каждой из этих стран, соперничество империалистических держав за среднеазиатский плацдарм, завершение присоединения Казахстана к России.

В результате многочисленных поездок, западными путешественниками, купцами, дипломатами, учеными, журналистами, военными, покрывшими своими маршрутами значительную часть территории Казахстана, был собран обширный полевой материал по этнографии и истории казахского народа. Они осветили в своих трудах обычаи, нравы, вероисповедание и жилища казахов, административное устройство, развитие земледелия, торговли, добывающей промышленности. Устойчивым объектом их интереса являлись традиционные кочевое скотоводство, маршруты кочевков и караванные пути в разных направлениях. Путешествия иностранцев по разным районам Казахстана доставили богатые сведения о развитии городской жизни, численности населения Чимкента; Аулие-Аты, Верного, Капала, Аягуза, Усть-Каменогорска, Семипалатинска, Акмолинска, Уральска и Гурьева, национальном и социальном составе жителей, архитектурных памятниках. Началось научное издание первоисточников на европейских и восточных языках, осуществлялся перевод ряда работ русских исследователей и Ч. Ч. Валиханова на английский, французский и немецкий языки. Были достигнуты первоначальные успехи

в изучении этнографии казахского народа, его духовной культуры, языка, древнетюркской письменности.

В процессе осмысления накопленных фактических материалов формировались исторические и философские концепции, с позиции которых западные исследователи пытались осветить тот или иной аспект жизни казахского и других восточных народов. Оживилась идея географического детерминизма, известная еще с античного времени. В трудах Ш.-Л. Монтескье, Ж. А. Кондорсе, И. Г. Гердера получила дальнейшее развитие мысль об опосредованном воздействии географической среды на людей, народы, на их культуру и обычаи; предпринимались попытки рассмотреть причины «застойности» кочевнических обществ Евразии на протяжении многих веков¹. Широко распространились теории о «вечной борьбе» оседлого населения и кочевников («борьба леса со степью»), «несовместимости» западной и восточной культур и т. п. На буржуазную историографию оказывала влияние «теория героев». Многие из указанных идей и теории стали важными компонентами познавательной культуры в западных странах и приобрели методологическую функцию в исследованиях о казахском народе, написанных во второй половине XVIII—вплоть до начала XX в. Особенно широкое распространение получила идея эволюционизма. Под ее влиянием в буржуазной историко-этнографической литературе зародилось и развивалось географическое направление.

Было бы неверным отрицать опре-

деленное воздействие географической среды на развитие общества. «Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить на историю природы и историю людей,— писали основоположники марксизма в «Немецкой идеологии».— Однако обе эти стороны неразрывно связаны, до тех пор, пока существуют люди, история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга»². Особенно актуальны эти слова классиков марксизма в наши дни, когда проблема экологии встала со всей остротой. К. Маркс писал, что «физическая и духовная жизнь человека неразрывно связана с природой, означает не что иное, как то, что природа неразрывно связана с самой собой, ибо человек есть часть природы»³. Но, подобно приверженцам географической школы, нельзя считать, что развитие человеческого общества якобы в «решающей» степени зависит от природно-климатических условий и среды. Неслучайно, что географическое направление трансформировалось в современной буржуазной социологии, прежде всего, в геополитическую теорию — одну из наиболее реакционных идеологических концепций.

Зарубежные авторы, за редкими исключениями, не перешли от экстенсивных и широких обобщений к подробному и тщательному изучению отдельных вопросов истории Казахстана. Бросается в глаза и неравномерность изучения края во времени и пространстве. Более всего внимание иностранцев привлекали пограничные районы, а также местности, через которые пролегали торговые и караван-

¹ См.: Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955; Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936; Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3, С. 16.

³ Там же. Т. 42. С. 92.

ные пути, железные дороги. В изучении истории, этнографии и географии Казахстана ведущее место заняли очерки и дневники многочисленных западных путешественников (ученых, миссионеров, журналистов, военных), роль которых в историко-этнографическом познании высоко оценил И. Кант¹ и другие мыслители Запада. Труды многих из них, побывавших в разное время в Казахской степи, содержат нередко ценные факты и сообщения по конкретным проблемам истории русско-казахских отношений, переселенческой политике царизма.

Усиление межимпериалистических противоречий в борьбе за рынки сбыта и источники сырья, обострение социально-классовых проблем в капиталистических странах, во многом определяли степень достоверности изложения фактов, ту или иную оценку событий.

Одной из характерных черт иностранных известий является наличие в них устойчивых стереотипов, формировавшихся в результате описания картины жизни Казахской степи, выведенной преимущественно из противопоставления ей жизни, норм и ценностей, национального характера, обычаев и нравов западных стран. Другая вера, другой образ жизни, контрасты в быту и семейной жизни воспринимались иностранцами как признаки «дикости», «отсталости», которые использовались в качестве основы для европоцентристских концепций, выполняя одновременно онтологическую и гносеологическую

функции. Иными словами, негативные стереотипы представлений служили не только моделью образа жизни жителей Казахской степи, средством формирования общественного сознания в западных странах, но и становились полуосознанной установкой в процессе восприятия ими и будущими поколениями обычаев, нравов и культуры казахского народа. Стереотипы, которые отражали этническую предубежденность, мешали адекватному отражению исторической действительности². В этой связи еще М. Монтень писал: «...В этих народах... нет ничего варварского и дикого, если только не считать варварством то, что нам непривычно. Ведь... у нас, по-видимому, нет другого мерила истинного и разумного, как служащие нам примерами и образцами мнения и обычаи нашей страны»³. На оценке иностранцами жизни казахов, особенно на освещении ими истории присоединения Казахстана к России и национально-освободительного движения в крае, отражались не только сословная и национальная принадлежность авторов, но и официальная русская историография, видевшая в азиатских народах «полудиких разбойников», к которым «неприменимы» принципы международного права и законности. Современный французский историк Ж.-К. Гарден отмечает: «Принижение образа жизни кочевников властями, выражающими интересы оседлых жителей, еще и сегодня проявляется, в частности, в обозначении их мало приятными словами «разбойники», «дикири», «варвары» и т. д.

и может иногда отражать идеологию завоевания и оседлости». Часть исследователей впадала в другую крайность, связанную с концепцией «благородного дикаря», живущего по простым законам природы (Ж. Ж. Руссо, Д. Дидро и др.). Эта идеалистическая концепция «первобытного рая», особенно заметная в трудах Дж. Кэстля, Д. Бульджера, Ю. Скайлера и Я. Мак-Гахана, возвеличивала общественную организацию и образ жизни казахов, подчеркивая «естественность» их жизни, простоту нравов, отношения дружбы и взаимопомощи, связывавшие членов казахских родов и племен.

После Октябрьской социалистической революции, несмотря на огромные трудности, вызванные противостоянием двух общественно-экономических формаций в деле налаживания и развития научных и культурных связей, процесс изучения Средней Азии и Казахстана за рубежом не прерывался, но приобрел новое содержание. Западные авторы уточняли и дополняли сведения и мысли об основных этапах генезиса казахского народа, о соотношении тюркского и монгольского компонентов в нем, казахских родах и их расселении по жузам, этнониме и этимологии термина «казах», формировании этнической территории, быте и обычаях народа.

Но при всех своих отдельных творческих успехах и достижениях буржуазная историография не выработала однако цельной концепции исторического развития казахского народа. Отрицание эволюции социально-экономических отношений у кочевников, апологетика патриархальных

устоев общества у них, сильное влияние на буржуазную историографию истории Казахстана европоцентристских идей не давали возможность многим исследователям правильно определить основные вехи истории Казахстана. Идея «естественного закона» и прогресса эпохи подымающегося капитализма подменялась в новое время законами биологии (социал-дарвинизм), психологии или абстрактными социологическими схемами, не отражавшими конкретной действительности (как, например, у А. Тайнби и др.). Стронники географического направления (М. Тоул, Дж. Райт, А. Краусс и др.) нравы, обычаи, психологические и нравственные особенности казахов обуславливали климатом, почвой, ландшафтом, размерами территории и другими географическими факторами. Географический детерминизм они распространили и на объяснение истории русско-казахских отношений в дореволюционный период. В западной историографии поныне нередки утверждения о «чистом кочевничестве» казахов вплоть до 1917 г., отрицание очевидной истины о том, что «у всех восточных народов можно... установить общее соотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части».

Немарксистские историки, обращаясь к работам дореволюционных путешественников, дипломатов, журналистов и бизнесменов, используют в несколько модифицированном виде их идеи о «природном» и историческом неравенстве восточных народов», в т. ч. и казахов. Сочинения Дж. Н. Керзона, Г. Ланселла,

¹ См.: Кант И. Антропология. СПб, 1909. С. 4.

² См.: Зеленчук В. С. Преодолеть ложные этнические стереотипы // Вопросы истории, 1989, № 5. С. 26.

³ Монтень М. Опыты. Кн. I—II. М., 1980. С. 190.

⁴ См.: Дулатова Д. И. Историография дореволюционного Казахстана. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1986. С. 49.

¹ Гарден Ж. К. Археологические признаки номадизма: исследования в Бактрии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. С. 53.

² См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 488.

Р. Груссе и др., которые в свое время способствовали формированию в «общественных кругах» определенного образа мыслей, переиздаются, включаются в библиографические указатели и пособия¹.

С середины 60-х годов мы наблюдаем новый этап развития «среднеазиоведения» в западных странах. Для него характерны академизм, появление молодого поколения историков, отказавшегося от консервативных, идеологизированных мифов, а также создание специальных учреждений и центров по среднеазиатскому региону, таких как «Среднеазиатский исследовательский центр» в Англии (директор Дж. Уилер), Программа по изучению тюркоязычных народов Советского Союза при Колумбийском университете (руководитель профессор Эдвард Олуорд), расширение источниковой базы, в частности, обращение к литературе на русском, казахском, узбекском и др. языках, налаживание контактов с советскими историками. Летом 1990 г. в порядке стажировки в Алма-Ате побывала Марта Олкотт — автор недавно вышедшей в США монографии «Казахи».

Задолго до перемен в нашей общественной жизни, происходящих с середины 80-х годов, немарксистские историки четко и достоверно изучили процесс формирования и механизм функционирования в СССР командно-бюрократической системы, приведшей к деформациям во многих сферах, в том числе в сфере национальных отношений.

Как и в каком направлении будет развиваться в дальнейшем немарк-

систская историография истории народов СССР, в т. ч. и казахского, покажет время. Но несомненно, к ней необходимы новые подходы, следует отказаться от «разоблачительного зуда», от ряда несоответствующих истине догм, в частности, о перманентном или периодическом кризисе буржуазной исторической науки, выводимом из так называемой теории кризиса мирового капитализма.

Наши научные, идеологические и политические интересы требуют того, чтобы ученые-историки были постоянно в курсе ситуации буржуазной историографической мысли. Надо сказать назрела необходимость в переводе на казахский язык отдельных томов «Гэклейтовского сборника», ряда работ исследователей истории Казахстана (Д. Кэстля, Л. Аббота, Т. Аткинсона, Ю. Скайлера, Р. Карутца, Г. Ланделла, Л. Скайлера, М. Олкотт и др.), во введении в учебные планы и программы высшей школы специальной научной дисциплины по зарубежной историографии истории СССР, активизации разработки проблем немарксистской историографии в академических учреждениях республики. Без информированности о том, что говорят и пишут о тебе и твоей стране в других частях мира, будь то в соседнем государстве или за океаном, не могут быть достаточно эффективными деловые и культурные контакты с ними. Поэтому комплексное изучение идей, стереотипов и образа мыслей, сложившихся о казахском народе за рубежом, должно служить взаимопониманию и сближению различных народов.

Источники и литература

- Аверкиева Ю. П. Франц Боас (1858—1942) // Краткие сообщения Института этногр. АН СССР.— М., 1946.— Вып. 1.
Аверкиева Ю. П. Современные разновидности «научного» расизма // Расы и общество.— М., 1982.
Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей.— 2-е изд.— Т. 1—2.— Иркутск, 1932.— 1 т.
Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII— первая половина XIX в.).— М., 1985.
Аминова Р. Х., Шафиро В. И. По поводу последней книги Дж. Уилера «Народы Советской Средней Азии» // История СССР.— 1969.— № 3.
Бай Ж. А. От Волги до Иртыша: Пер. с фр.— Тобольск, 1898.
Бартольд В. История изучения Востока в Европе и России.— 2-е изд.— Л., 1925.
Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России.— М., 1957.
Бекмаханова Н. Е. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма (60-е годы XIX в.— 1917 г.).— М., 1986.
Белевы путешествия через Россию в разные азиатские земли. Пер. М. Попова.— СПб, 1776.
Борнс А. Путешествие в Бухару: Рассказ о плавании по Инду от моря до Лагора с подарками Великобританского короля и отчет о путешествии из Индии в Кабул, Татарию и Персию: Пер. с англ. В 3 ч.— М., 1849.
Брем А. Бытовая и семейная жизнь киргизов // Нива.— 1894.— № 2.— С. 326—426.
Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5 т.— А.-А., 1984—1985.
Вебер Г. Курс всеобщей истории: Пер. с нем.— М., 1859.— Т. 1.— Вып. 1.
Великов Ю. С. Методологические основы критики буржуазного национализма.— Киев, 1985.
Вопросы историографии Казахстана / Ред. коллегия: член-корр. АН СССР Б. А. Тулепбаев (отв. ред.).— А.-А., 1983.
Гедин С. В Центральной Азии. Путешествие... в 1893—1897 гг. в Памир, Тибет и Восточный Туркестан / Обработано А. Анненской.— СПб, 1899.
Гелльвальд Фр. Естественная история племен и народов: Пер. с нем.— СПб, 1883.— т. II.

¹ См.: Curzon G. A. Russia in Central Asia. L., 1967; Lansdell H. Russian Central Asia. N. Y., 1970; Grousset R. The Empire of the steppes: A history of Central Asia. New Brunswick, 1970, etc.

- Гелльвальд Фр. Земля и ее народы. В 4 т.: Пер. с нем. — СПб, 1899. — т. II. Живописная Азия.
- Гельмгольт Г. История человечества. Всемирная история. — Т. 1—9. — СПб, 1902—1903.
- Геттнер А. Как культура распространялась по земному шару: Пер. с нем. — Л., 1925.
- Гердер И. Г. Идеи к философии истории. — М., 1977.
- Гнучева В. Ф. Материалы для истории экспедиции Академии наук в XVII и XIX вв. — М.; Л., 1940.
- Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII—первой половине XIX в. — М., 1979.
- Дахшлейгер Г. Ф. История ничему не научила // Партийная жизнь Казахстана. — 1966. — № 8.
- Дахшлейгер Г. Ф. Историография Советского Казахстана. — А.-А., 1969.
- Джамгерчинов Б. Д. Добровольное вхождение Киргизии в состав России. — 2-е изд. — Фр., 1963.
- Джунусов М. С. Буржуазный национализм: принципы критики. — М., 1986.
- Дулагова Д. М. Историография дореволюционного Казахстана. — А.-А., 1984.
- Дюркгейм Э. Метод социологии. — Киев; Харьков, 1899.
- Есмагамбетов К. Л. Действительность и фальсификация: Англо-американская историография о Казахстане. — А.-А., 1976.
- Есмагамбетов К. Л. Казахстан в трудах западно-европейских авторов. — А.-А., 1979. — На каз. яз.
- Известия об учрежденном в Париже Азиатском обществе // Сиб. Вестник. — 1823. — № 3. — С. 117—122.
- Изучение феодальной России в капиталистических странах в послевоенный период / Под ред. Г. А. Некрасова. — М., 1962. — На правах рукописи.
- Иноятов Х. Ш. Против фальсификации победы Советской власти в Средней Азии и Казахстане. — Таш., 1976.
- Искенова С. Из истории русско-английских отношений в Средней Азии в сер. XIX в. // Уч. записки историко-юридич. фак-та Кирг. ун-та. Сер. историч. — Фр., 1964. — Вып. 8.
- История Казахстана. С древнейших времен до наших дней. В 5 т. — М., 1977—1979.
- Историческая наука Советского Казахстана (1917—1960 гг.) Очерки становления и развития. — А.-А., 1990.
- Живописное путешествие по Азии / Составлено на фр. яз. под рук. Эйриэ: Пер. Е. Корша. Т. 1. — М., 1839.
- Записки шведского капитана Иоанна Христиана Шнигера... // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. — 1764 — 20 ноября. — С. 423—437.
- Зевелев А. И. Некоторые проблемы истории народов Средней Азии в трудах В. И. Ленина // В. И. Ленин и историческая наука. — М., 1968.
- Зелечук В. С. Преодолеть ложные стереотипы // Вопросы истории. — 1989. — № 5. — С. 26—27.
- Зенушкина И. С. Советская национальная политика и буржуазные историки. — М., 1971.
- Златкии И. Я. А. Тойнби об историческом прошлом и современном положении кочевых народов // Вопросы истории. — 1971. — № 2. — С. 88—102.
- Златкии И. Я. Концепция истории кочевых народов А. Тойнби и историческая действительность // Современная историография зарубежного Востока: проблемы социально-экономического развития. — М., 1971. — С. 131—193.
- Зиманов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX в. — А.-А., 1958.
- Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVII и первой половины XIX в. — А.-А., 1960.
- Зиманов С. З. Россия и Букеевское ханство. — А.-А., 1982.
- Кант И. Антропология. — СПб, 1909.
- Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. — А.-А., 1986.
- Касымбаев Ж. К. О некоторых вопросах истории национально-освободительного движения в Казахстане второй половины XIX в. // История и историография национально-освободительных движений второй половины XIX—нач. XX в. в Средней Азии и Казахстане. — Таш., 1989.
- Кастельская З. К истории англо-русского соперничества в Средней Азии (с 1-половины XIX в. — до 1907 г.) // На Зарубежном Востоке. — 1934. — 1 2.
- Карутц Р. Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке: Пер. с нем. — СПб, 1910.
- Катанов Н. О. Известия Лоренца Лянге о Сибири и сибирских инородцах. — Тобольск, 1905.
- Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Т. 1—2: Пер. с англ. — СПб, 1906.
- Киняпина Н. С. Административная политика царизма на Кавказе и Средней Азии в XIX в. // Вопросы истории. — 1983. — № 4. — С. 42—57.
- Коваль В. И., Коршунов В. И., Осипов В. П. Сила правды и бессилие лжи. — А.-А., 1982.
- Козыбаев М. К. История и современность. — А.-А., 1991.
- Кон И. С. О современной буржуазной философии истории. — Л., 1957.
- Кондорсе Ж. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. — М., 1936.
- Критика новейшей буржуазной историографии: Сб. статей. — Л., 1967.
- «Круглый стол»: Историческая наука в условиях перестройки // Вопросы истории. — 1988. — № 3. — С. 3—57.
- Крупина Т. Д. Теория «модернизации» и некоторые проблемы развития России кон. XIX—нач. XX в. // История СССР. — 1971. — № 1.
- Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве. — Пг., 1916.
- Левин Г. Р. В. И. Ленин о некоторых проблемах рабочего движения в Англии XIX—нач. XX в. // В. И. Ленин и проблемы истории. — Л., 1970. — С. 378—389.
- Лёббок Дж. Начало цивилизации. — СПб, 1876.
- Лунин Б. В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. — Таш., 1965.
- Манси А. Ж. де. История древнейших и новых литератур, наук и изящных искусств: Пер. с фр. Ч. 1—2. — М., 1832.
- Марушкин Б. И. История и политика: Американская буржуазная историография советского общества. — М., 1969.
- Марушкин Б. И. Иоффе Г. З. Три русские революции и англо-американская буржуазная историография. — М., 1977.
- Матвиевский П. Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. — 1958. — № 4. — С. 133—145.
- Матвиевский П. Е. О роли Оренбурга в русско-индийской

- торговле в XVIII в. // История СССР.—1969.— № 3.— С. 102—105.
- Мартыросов С. З. Англо-русские противоречия в дореволюционной и советской литературе.— Чарджоу, 1962.
- Мак-Гахан А. Я. Военные действия на Оксусе и падение Хивы: Пер. с англ.— СПб, 1875.
- Меламед Е. И. Джордж Кеннан против царизма.— М., 1981.
- Мозер Г. В странах Средней Азии: Путевые впечатления.— СПб, 1888.
- Моисеев В. А. В джунгарском плену // Вопросы истории.— 1977.— № 6.— С. 209—212.
- Моисеев В. А. Некоторые вопросы казахско-джунгарских отношений в советской историографии // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана (дореволюционный период).— А.-А., 1988.— С. 134—150.
- Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи XVII—XVIII вв.— А.-А., 1991.
- Монтескье Ш. Избр. произведения.— М., 1955.
- Народы мира в нравах и обычаях: Пер. с англ.— Пг., 1916.
- Никифоров В. Н. Восток и всемирная история.— М., 1975.
- Новоселов К. Н. Против буржуазной фальсификации истории Средней Азии.— Ашхабад, 1962.
- Нусупбеков А., Бисенов Х. Фальсификация истории и историческая правда.— А.-А., 1964.
- Оланзон К. Сибирь и ее экономическая будущность: Пер. с фр.— СПб, 1905.
- Очерки по истории востоковедения.— М., 1953.
- Полиевктов М. А. Европейские путешественники по Кавказу. 1800—1830.— Тбилиси, 1946.
- Попов Н. Татищев и его время.— М., 1861.
- Прошлое Казахстана в источниках и материалах / Сост. С. Д. Асфендияров и П. А. Кунте.— А.-А., 1935.
- Путешествие по Сибири и прилегающим к ней странам Центральной Азии по описаниям Т. У. Аткинсона, А. Т. фон-Миддендорфа, Ф. Радде и др. / Сост. А. фон Этцель и Г. Вагнер: Пер. с нем.— СПб, 1865.
- Раскин Н. М., Шафрановский И. И. Эрик Густавович Лаксман.— Л., 1971.
- Революция и народы России: Poleмика с западными историками: Сб. статей / Отв. ред. акад. И. И. Минц.— М., 1989.
- Реклю Э. Всеобщая география. Земля и люди. Т. 1—6.— СПб, 1898—1908.
- Риттер К. Землеведение Азии: География стран, находящихся в непосредственных отношениях с Россией.— СПб, 1877.— т. IV.
- Рзаев А. О фальсификаторах истории Средней Азии.— Фр., 1962.
- Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев.— Л., 1986.
- Салов В. И. Германская историография Октябрьской революции.— М., 1960.
- Салов В. И. Современная западногерманская буржуазная историография.— М., 1968.
- Салов В. И. Историзм и современная буржуазная историография.— М., 1977.
- Сатпаева Ш. К. Западно-европейские ученые и писатели о Казахстане // Изв. АН КазССР.— Сер. общ.—1968.— № 1.
- Семенов Ю. Н. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии: Критический очерк американских и английских теорий.— М., 1965.
- Свенске К. Обзорение главнейших путешествий и географических открытий // Вестник РГО.— СПб, 1851.— Т. 1.— Кн. 1.
- Современная немарксистская историография и советская историческая наука: Беседа за «круглым столом» // История СССР.— 1988.— № 1.— С. 172—201.
- Спенсер Г. Основания социологии.— СПб, 1876.— Т. 1.
- Сужиков Б. М. Новинки советологической литературы по республикам Средней Азии и Казахстана // Обществ. науки: Зарубежная литература / ОНИОН АН КазССР.— А.-А., 1981.— № 1 (12).— ДСП.
- Судейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в XVIII—нач. XX в.— А.-А., 1981.
- Сулменов Р. Б., Моисеев В. А. Из истории Казахстана XVIII в.: О внешней и внутренней политике Аблая.— М., 1988.
- Тайлор Э. Первобытная культура.— М., 1989.
- Толыбеков С. Э. Кочевое общество казахов в XVII—нач. XX в.— А.-А., 1971.
- Финш О. и Брем А. Путешествие в Западную Сибирь.— М., 1882.
- Халфин Н. А. Британская экспансия в Средней Азии в 30—40-х гг. XIX в. и миссия Ричмонда Шекспира // История СССР.—1958.— № 2.— С. 102—112.
- Халфин Н. А. Присоединение Средней Азии к России.— М., 1965.
- Халфин Н. А. Дж. Керзон в Российской Средней Азии // Вопросы истории.—1988.— № 3.— С. 106—115.
- Хидоятов Г. А. Правда против лжи.— Таш., 1964.
- Хидоятов Г. А. Джеффри Уиллер переписывает историю Советской Средней Азии // Вопросы истории.—1967.— № 12.
- Хидоятов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70-е годы).— Таш., 1969.
- Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм.— Таш., 1978.
- Хидоятов Г. А. Британская экспансия в Средней Азии. Март 1885 г.— Таш., 1981.
- Шателье А. Ислам в XIX в.: Пер. с фр.— Таш., 1900.
- Чертина З. С. Национальные отношения при социализме в буржуазной историографии США.— М., 1982.
- Юль Г. Очерк географии и истории верховьев Амударьи: Пер. с англ. О. А. Федченко // Изв. РГО.— СПб, 1873.— Т. IX.— Вып. 6.
- Энтон Дж. Спор о М. Н. Покровском продолжается // Вопросы истории.—1989.— № 5.— С. 154—159.
- Этнография за рубежом: Историографические очерки.— М., 1979.
- Abbott J. Narrative of a journey from Herat to Khiva, Moscow and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva, with some account of the Court of Khiva and the kingdom of Khaurism. 2 vols.— L., 1843.
- Aberigh-Mackay G. R. Notes on Western Turkistan. Some notes on the situation in Western Turkistan.— Calcutta; L., 1875.
- Allen N. B. Asia. Geographical and industrial studies.— Boston, (1916).
- Allworth E. (ed) Central Asia. A century of Russian rule.— N. Y.; L., 1967.
- Anderson M. S. Britain's discovery of Russia, 1553—1815.— L., N. Y., 1958.
- Akiner Sh. Islamic peoples of the Soviet Union.— L., 1983.
- Angineur, Capt. En Asie Centrale: Turkestan — Thibet — Cashmir.— P. 1904.

- Bailey H. W. Taugara // *Bulletin of the School of Oriental studies.*—L., 1937.—Vol. XVIII.—Part 4.
- Bang W. *Turkologische Epikrisen.*—Heidelberg, 1910.
- Bang W. *Monographien zur Türkischen sprachgeschichte* vorgelegt.—Heidelberg, 1918.
- Beard M. *European Travellers on the Trans-Caspian before 1917* // *Cahiers du Monde Russe et Soviétique.*—P., 1972. Vol. 13 No. 4, pp. 590—596.
- Bennigsen A. *The Muslim peoples of the Soviet Union and the Soviets* // *The Islamic Review.*—L., 1955, July.—Vol. XL.—No. 7.
- Bennigsen A. *Turkestanis* // *Harvard Encyclopedia of American ethnic groups* / Ed. by S. Thernston, c. a.—Cambridge, Mass., 1980.
- Becker S. *Russia's protectorates in Central Asia. Bukhara and Khiva 1865—1924.*—L., 1968.
- Bell J. *Travels from St. Petersburg in Russia to various parts in Asia.*—Glasgow, 1773.—Vols. I—II.
- Black C. E. (ed.) *Rewriting Russian history. Soviet interpretation of Russia's past.*—2nd ed.—N. Y., 1962.
- Bloch E. *Le nom de Turc dans l'Avesta* // *Journal of the Royal Asiatic Society.*—L., 1915.
- Bodger A. *Abulhair, khan of the Kazakh Little Horde and his oath of allegiance to Russia of October 1731* // *The Slavonic and East European Review.*—L., 1980.—Vol. 58, No. 1.
- Boulangier E. *Voyage a Merv. Les Russes dans l'Asie Centrale et le chemin de fer Transcaspien.*—P., 1888.
- Bonvalot G. *Through the Herat of Asia over the Pamir to India.*—L., 1889.—2 vols.
- Bonvalot G. *En Asie Centrale, du Kohistan à la Caspienne.*—P., 1888.
- Bonvalot G. *En Asie Centrale, de Moscou en Bactriane.*—P., 1884.
- Capus M. *A Travers le royaume de Tamerlan.*—P., 1892.
- Courant M. *L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles; Empire Kalmouk ou Empire Mantchou?*—Lyon, P., 1912.
- Chavannes E. *Les documents chinois découverts par Aurel Stein dans les sables du Turkestan oriental.*—Oxford, 1913.
- Castle J. *Journal von der Ao 1736 aus Orenburg zu dem Abul-Geiezz Chan der Kirghis-Kaysack Tartarischen Horda aus freyem willen und bloss zu dem Sesten des Russischen Reiches unternommenen nöthigen und zwar gefarllichen doch glücklich vollbrachten Reise dargestellt durch John Castle einen Engländer und gewissen Kunstmaler bei der Orenburgischen Expedition* // *Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peters des Grossen.*—Zweiter Teil. 1730—1741.—Riga, 1784.
- Carruthers D. *Uknown Mongolia. A record of travel and exploration in North-West Mongolia and Dzungaria.*—Vols. 1—2.—L., 1913. // *Captain Conolly's Mission to Central Asia* // *The Times.*—1892, Sept. 3.
- Cheshire G. *The expansion of the Russian Empire to the Indian border.* // *The Slavonic Review.*—1934.—Vol. 37.
- Chisholm G. *Handbook of commercial Geography.*—7th ed.—L., N. Y., 1908.
- Cochrane J. *Pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary to the frontiers of China, the Frozen sea and Kamtchatka.* In two volumes.—Edinburgh, 1829.
- Conolly A. *Journey to the North of India, overland from England through Russia, Persia and Afghanistan.*—2 vols.—L., 1834—1838.
- Cottrell Ch. H. *Recollections of Siberia in the years 1840 and 1841.*—L., 1842.
- Crawford J. M. *The industries of Russia, Siberia and the Great Siberian Railway, etc.*—St. Petersburg, 1893.
- Curtin J. *A journey in Southern Siberia.* Boston, 1909.
- Curtis W. E. *Turkistan: «The Heart of Asia».* L., 1911.
- Curzon G. N. *Russia in Central Asia in 1880.*—L., 1899.
- Czaplicka M. A. *The Turks of Central Asia in history and the present day. An ethnological inquiry into the Pan-Turanian problem, and Bibliographical material relating to the early Turks and the present Turks of Central Asia.*—Oxford, 1918.
- D'Encauss H. C. *Tsarist education policy in Turkestan 1867—1917* // *Central Asian Review.*—L., 1963.—Vol. XI.—No. 4.—pp. 374—394.
- Donnelly A. S. *The Russian conquest of Bashkiria, 1552—1740.*—Yale, 19687
- Donner O. *Sur l'origine de l'alphabet turc du Nord de l'Asie* // *Journal Soc. Fin.—Ougr.—Helsingfors, 1896.*—Vol. XIV.
- Dunlop M. D. *The history of Jewish Khazars.*—Princeton, 1954.
- Duhalde J. B. *Descriptions géographiques, historiques, chronologique, politique et physique de l'Empire Chinois et de la Tartarie Chinoise.*—Le Haye, 1736.—Vols. 1—4.
- Dilke Ch. *On the valley of the Ili and the water system of Russian Turkistan* // *Proceeding of the Royal Geographical Society.*—1874.—XVIII.—No. 8.
- Dobson G. *Russia's railway advance into Central Asia. Notes of a journey from St. Petersburg to Sanarcand.*—L., 1980.
- Duff G. *England and Russia in the East* // *The Fortnightly Review.*—1875.—Nov. 1.
- D'Wolf J. *A voyage to the North Pacific and a journey through Siberia more than half a century ago.*—Cambridge, 1861.
- Elfinstone M. *An account of the Kingdom of Cabul and its dependencies in Persia, Tartary and India.*—L., 1815.
- Emory F. *Russia in Asia* // *Annals of the American Academy of Political and Social Science.*—Philadelphia, 1990.—XV. England and Russia face in Asia. *Travels with the Afgan boundary commission*—Edinburgh and London, 1887.
- Evans H. *Recent Soviet writing on South and Central Asia* // *Journal of the Royal Central Asian Society.*—January, 1964.—Vol. LX.—Part 1.
- Evans H. *Tamerlane the conqueror.*—L., 1962.
- Evans H. *Russian research on Ulug Beg* // *Central Asian Review.*—L., 1966.—Vol. XIV.—No. 3.—pp. 270—273.
- Enteen G. *The Soviet scholar — Bureacrat: M. N. Pokrovski and the society of Marxist historians.*—PA. 1978.
- Ermann G. A. *Trave's in Siberia: Translated from the German.*—L., 1848.—Vols. 1—2.
- Expansion and reaction.*—Leiden, 1974.
- Gattegrias I. A. *A Travers L'Asie Centrale.*—P., 1884.
- Gibb H. A. R. *The Arab conquests in Central Asia.*—L., 1923.
- Golczewski F. *Russlands Zentralasiatische expansion im lichte der neueren sowjetischen Geschichtsinterpretation* // *Osteuropa.*—1980.—No. 6.—S. 481—493.
- Grean E. M. *The Governor-Generalship of Turkestan, under K. P. von Kaufman 1867—1882.*—Yale, 1970.
- Grousset R. *Histoire de l'Asie.*—P., 1921.
- Grousset R. *Les civilisations de l'Orient.* t. 1—4.—P. 1929—1930.

- Grousset R. L'Empire des steppes: Attila, Genghis-khan, Tamerlan.— P., 1939.
- Guines J. de. Histoire Générale des Huns, des Turks, des Mongols et des autres Tartares occidentaux.— Vol. 1—4.— P., 1756—1758; Vol. 5.— P., 1824.
- Feudalism in Kazakhstan. Some difficulties of Marxist historiography // Central Asian Review.— L., 1961.— Vol. IX.— No. 2.
- Fox-Holmes G. The Social structure and customs of the Kazakhs // Central Asian Review.— 1957.— Vol. V.— No. 1.
- Hansteen Ch. Reise-Erinnerungen aus Sibirien.— Leipzig, 1830.
- Haxthausen A. The Russian Empire, its people, institutions and resources. Transl. by R. Farie.— L., 1856.— 2 vols.
- Heer N. W. Politics and history in the Soviet Union.— Cambridge, 1971.
- Hoetzch O. Russisch-Turkestan und die tendenzen der heutigen Russischen kolonial politik // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft in Deutschen Reich.— Leipzig; München, 193.— Jg. 37.— Cft. 2—3.
- Hoetzch O. Russland in Asien.— Stuttgart, 1966.
- Hennig W. B. Argi and «Tokharistans» // Bulletin of the School of Oriental Studies.— L., 1938.— Vol. IX.— Part 3.
- Hanway J. An historical account of the British trade over the Caspian Sea.— Vols. 1—2.— L., 1754.
- Harlan J. Central Asia.— L., 1939.
- Hill S. S. Travels in Siberia.— Vols. 1—2.— L., 1854.
- Hommaire de Hellis. Travels in the steppes of the Caspian Sea, the Crimea, the Caucasus and, etc.— L., 1874.
- Hoover Institution on War, Revolution and Peace — Stanford, 1963.
- Howarth H. H. History of the Mongols from the 9th to the 19th century. pt. I. Division I. The Mongols proper and the Kalmuks, London, 1876; pt. II. The so-called Tartars of Russia and Central Asia. Division II.— L., 1880.
- Hostler Ch. W. Turkism and the political objectives.— L.; N. Y., 1957.
- Hudson A. Kazakh social structure. New-Haven (USA).— Yale Univ. Press, 1938.
- Klaproth G. J. Magazine Antique ou revue géographique et historique de l'Asie Centrale... Vol. 1—2.— P., 1825—1826.
- Kappeler A. Die historiographien der Nichtrussischen Völker der RSFSR in den siebziger Jahren // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.— 1981.— Bd. 23.— No. 1.
- Karlgren B. Analitic dictionary of Chinese and Sino-Japanese.— P., 1923.
- Kennan G. Siberia and the Exile system.— Chicago, 1958.
- Krahmer G. Russland in Mittelasien.— Leipzig, 1898.
- Kurat A. N. Tsarist Russia in Central Asia // Cambridge history of Islam.— Cambridge, 1970.— Vol. 1.
- Krafft H. Travers le Turkestan Russe.— P., 1902.
- Kolars W. Russia and her colonies.— L., 1953.
- Krader L. Feudalism and the Tatar policy of the Middle Ages // Comparative studies in society and history.— 1958.— Vol. I.— No. 1.
- Krader L. Ecology of Central Asian pastoralism // South-western Journal of Anthropolology.— 1955.— V. 11.— No. 4.
- Krader L. Ecology of nomadic pastoralism // International social science journals.— 1959.— V. 11.
- Krader S. and Wayne I. The Kazakhs.— Wash., 1955.
- Krader L. Social organization of the Mongol-Turkic Pastoral nomads // Indiana university publications. Uralic and altaic series.— Vol. 20.— The Hague.— 1963.
- Kreindler I. and Lazzerini E. Islamic peoples // Horack S. M. (ed.) Guide to the study of the Soviet nationalities: Non-Russian peoples of the USSR.— Littleton, 1982.
- Krader L. Peoples of Central Asia // Uralic and Altaic series.— Vol. 26.— Indiana University.— The Hague, 1963.
- Krauss A. Russia in Asia. A record and a story. 1558—1899.— L., N. Y., 1899.
- Krueger J. Current and proposed altaic studies in the United States // Central Asiatic Journal.— 1957.— Vol. III.— No. 1.
- Lansdell H. L. Russian Central Asia including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. In two volumes.— L., 1885.
- Leasure J and Lewis A. Internal migration in Russia in late nineteenth century // Slavic Review.— 1968.— Vol. XXVII.— No. 3.
- Levi S. Central Asian Studies // Journal of the Royal Asian Society.— L., 1914.
- Littledale St., George R. A journey across Central Asia // The Geographical Journal.— June 1894.
- Locart L. The political testament of Peter the Great // The Slavonic Review.— 1934.— Vol. 37.
- Lanier L. L'Asie. Choix de lectures de Geographic.— P., 1899.
- Lindgren D. T. Racial and ethnic conflict in Soviet Central Asia // Ethnic Autonomy — comparative dynamics: the Americans, Europe and the Developing World / Ed. by Raymond L. Hall.— N. Y. etc. m 1979.
- Mailla M. Histoire de la Chine aux annales de cet Empire.— P., 1777—1785.— Vols. 1—12.
- Mathiasson K. Ethnic groups in Soviet Central Asia // Soviet Central Asia: continuity and change. Papers from the conference at Oksbol, Denmark, Febr. 16—17, 1984 / Ed. by Chylinski E. A.— Esbjerg, 1984.
- Marshall P. European Imperialism in the 19th century // History today.— May 1988.— Vol. 32.
- Mackenzie D. Kaufman of Turkistan: An Assessment of his administration, 1867—1881 // Slavic Review.— June, 1967.
- Mackenzie D. Schuyler: Honorable but misled // Slavic Review.— March, 1968.
- Maclean G. A person from England and other travellers.— L., 1958.
- Manning C. A. A history of slavie studies in the United States.— Milwaukee, 1957.
- Marvin Ch. The Russian advance towards India.— L., 1882.
- Marvin Ch. Reconitring Central Asia; pioneering adventures in the region lying between Russia and India.— L., 1884.
- Marthe F. Aus dem Kirghizenlande. Aus dem Russ. Zeitschrift der Gesellschaft der Erdkunde.— Berlin, 1866.
- Machatschek F. Landeskunde von Russisch Turkestan.— Stuttgart, 1921.
- Merzbacher G. The Central Tian-Schan mountains.— L., 1905.
- Merzbacher G. Von meiner neuen Tian-Schan. Expedition.— München, 1907 und 1908.
- Müller F. H. Des Uyrische Volkstamm oder untersuchungen über der Langergebiete am Ural und am Caucasus.— Berlin, 1837.
- Mazour A. G. Russia. Past and Present.— N. Y., 1951.
- Mazour A. G. Modern Russian historiography.— 2nd ed.— Princeton, 1958.
- Meakin A. Russia travels and studies. London, 1906.
- Meakin A. In Russian Turkestan: A Garden of Asia and its People.— L., 1915.

- Michell J. and Robert E. The Russians in Central Asia. — L., 1865.
- Morgan E. D. A journey through Semiretchia to Kuldj. // Royal Geographical Society, 1881. Proceedings, N. 9. — L., 1879—1892.
- Murray H. Discoveries and travels in Asia. — Edinburgh, 1845.
- Nancen F. Through Siberia. — L., 1914.
- Pritsak O. Von den Karluk zu den Karachaniden // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. — Berlin, Bd. 101.
- Pritsak O. Karachanidische Streitfragen // Oriens. — Bonn, 1959. — Voll. III. — No. 2.
- Pritsak O. Die Karachaniden // Der Islam. — Berlin, 1961. — Bd. XXXI.
- Pelliot P. Neuf notes sur les questions d'Asie Centrale // T'oung Pao.—1929.— Vol. 26.
- Pelliot P. A propos des Comans // Journal Asiatique. — Paris, 1920. — Sér. 11. — T. XV.
- Plon M. M. En Asie Centrale.— P., 1886.
- Pares B. A history of Russia.— N. Y., 1926.
- Pares B. The Fall of Russian Monarchy.— L., 1919.
- Park A. G. Bolshevism in Turkistan 1917—1927. — N. Y., Columbia Univ. Press., 1957.
- Parker E. H. A thousand years of Tartars.— L., 1894.
- Parry A. The first Americans in Siberia // Travel. — London, 1946.
- Peoples of Central Asia. Past and present distribution // Central Asian Review.—1959.— Vol. VII.— No. 1.
- Perowne J. T. W. Russian hosts and English guests in Central Asia.— L., 1898.
- Pierce R. A. Russian Central Asia, 1867—1917: A study of colonial rule.— A., 1960.
- Price M. P. Siberia. L., 1912.
- Raëff M. Siberia and the reforms of 1822.— Seattle, 1946.
- Rawlinson H. England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition of Central Asia. The Quarterly Review.—1875.— N., 276.
- Rawlinson H. England and Russia in the East. A series of papers on the political and geographical condition on Central Asia. L., 1875.
- Rawlinson H. C. The Russian advance in Central Asia / The nineteenth century.—1885.— April.— No. XCVIII.
- Riasanovsky V. A. Customary law of the nomadic tribes of Siberia.— The Hague, 1965.
- Rickmers W. R. The Duab of Turkistan. A physiographic sketch and account of some travels.— Cambridge, 1913.
- Rouse H. C. The Trans-Siberian Railway // Journal of the Military Service Institution of the United States.—1904.— XXXIV.
- Rudoff M. (ed.) The great travellers. A collection of first-hand narrative of wayfarers, wanderers and explorers in all parts of the world from 450 B. C. to the present.— Vols. 1—2, N. Y., 1960.
- Russia in Asia // The Atlantic Monthly.—1887, April.
- Russia and the Kazakhs in the XVIIIth—XIXth centuries // Central Asian Review.—1957.— Vol. 5.— No. 4.
- Russian Military and civilian settlements, 1824—1917 // Central Asian Review.—1958.— Vol VI.— No. 2.
- Rywkín M. Russia in Central Asia.— L., 1964.
- Raëff M. Patterns of Russian Imperial policy towards the nationalities // Soviet nationality problems.— N. Y.; L., 1971.
- Raymond E. The Soviet State.— L., 1968.
- Rémusat Ab. Resherches sur les langues Tartares.— P., 1820.
- Rialle G. de. Mémoire sur L'Asie Centrale son histoire, ses populations.— Deuxieme édition.— P., 1873.
- Riasanovsky N. V. Old Russia, the Soviet Union and Eastern Europe // The American Slavic and East European Review.— Oct. 1952.— Vol. XI.— PP. 171—182.
- Rocca F. de. Les possessions Russes dans l'Asie Centrale // Revue Britannique.— P., 1877.— T. 3.— No. 6.— PP. 389—459.
- Rochenberg. Les peuples de la Russie on discription des moeurs etc. des divers nations de L'Empire des Russie.— P., 1813.
- Ruehl L. Russlands weg zur weltmacht.— Düsseldorf; Wien, 1981.
- Sarkisyan E. Russian conquest in Central Asia: transformations and accuration // Russia in Asia / Ed. Wayne S.— Stanford (Cal.), 1972.— PP. 248—288.
- Serena C. Seule dans les steppes: Episodes de mon voyage aux pays des Kalmoucs et des Kirghiz.— P., 1883.
- Schlenger H. Strukturwandlungen Kasachstans im Russischen insbesondere Sowjetischer Zeit.— Berlin. 1953.
- Schott W. Über die ächten Kirghisen.— Berlin, 1865.
- Schott W. Etwas über die poesie der Turk-Tataren Russlands.— Berlin, 1886.
- Sarkisyanz E. Geschichte der Orientalischen Völker Russlands bis 1917.— München, 1961.
- Schwarz H. Bibliotheca Mongolica.— P., 1941.
- Sinor D. The scope and importance of Altaic studies // Journal of the American Oriental Society.—1963.— Vol. 83.— No. 2.
- Sitten der Kirghisen // Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland / Herausgegeben von A. Erman.— Berlin, 1855.— Band XIV.— Heft. 1—2.
- Shtepa K. F. Russian historians and the Soviet State.— New Brunswick; New Jersey, 1962.
- Stralenbergh F. I. An historical-geographical description of the North and Eastern parts of Europe and Asia.— L., 1738.
- Specht E. Étude sur l'Asie Centrale.— P., 1890.
- Schuyler E. Turkistan. Notes of a journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara and Kuldja.— 2 vols.— L., 1876.
- Seton-Watson H. The Russian empire. 1801—1917.— L., Oxford, 1967.
- Seasonal nomadism // «Central Asian Review».— 1956 — vol. IV. — No. 3.
- Shaw R. Visits to high Tartary, Yarkand and Kashgar (formerly Chinese Tartary) and return journey over the Karakorum pass.— L., 1871.
- Shaw R. B. A visit to Yarkand and Kashgar // Proceeding of the Royal Geogr. Society.— Vol. XIV.— No. 2.
- Shtepa K. Russian historians and the Soviet state. New York, 1962.
- Showers Ch. The Central Asian Question.— L., 1873.
- Simmons E. J. (ed.) Continuity and change in Russian and Soviet thought.— Cambridge, Mass. 1955.
- Siscoe F. G. Eugene Schuyler, General Kaufman and Central Asia // Slavic Review, Vol. XXVIII.— No. 1.— March, 1968.
- Skrine F. H. B. and Ross E. D. The heart of Asia. A history of Russian Turkistan and the Central Asian Khanates from the earliest times.— L., 1899.
- Skrine F. R. The expansion of Russia, 1815—1900.— Cambridge, 1904.
- Small-Stockie R. The nationality problem of the Soviet Union and Russian Communist imperialism / With a preface by

Lew E. Dobriansky.— Milwaukee, 1952.
 Sokol E. D. The Revolt of 1916 in Russian Central Asia.— Baltimore, 1954.
 The kazakhs and Pugachev's revolt // Central Asian Review.— 1960, Vol. 8.— No. 3.
 The Social Structure and Customs of the Kazakhs // Central Asian Review.— L., 1957.— Vol. V.— No. 1.
 Ohsson C. M. Histoire de Mongols depuis Tchinguiz-Khan jusqu'a Timour Beg on Tamerlan. Vol. 1—4.— P., 1824.
 Zenkovsky S. A. Kulturkampf in pre-revolutionary Russia // The American Slavic and East European Review.—1955.— Vol. XIV. No. 1.
 Vasmer R. Zur Münskunde der Karachaniden // Mitteilungen des Seminars für Orientalische sprachen zu Berlin.— Berlin, 1930.— Jg. XXXIII.— Abt. II.
 Trench F. The Russo-Indian question. Historically, strategically and politically considered, with a sketch of Central Asia.— L., 1869.
 Urquhart D. Progress and present position of Russia in the East.— L., 1838.
 Urquhart D. Diplomatic transactions in Central Asia from 1834 to 1839.— L., 1841.
 Ujfalvy Ch. E. de. Resultats antropologiques d'un voyage en Asie Centrale.— P., 1880.
 Ujfalvy Ch. E. de. Expedition scientifique Francaise en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan, le Kohistan, le Ferghanan and Kouldja.— P., 1878.
 Vans-Agnew O. A. British family in the Kazakh Steppe // Central Asian Review.— 1962.— Vol. X.— No. 1.
 Vigne G. T. A personal narrative of a visit to Ghazni, Khabul and Afghanistan, and of a residence at the court of Dost Mohamed: with notices of Runjit sing, Khiva, and the Russian expedition.— L., 1840.
 Wartenburg Y. de. La pénétration Russe en Asie.— P., 1900.
 Wheeler G. The Modern history of Soviet Central Asia.— L., 1964.
 Wheeler G. The peoples of Soviet Central Asia. A background book.— L., 1966.
 Winner Irene. Some problems of Nomadism and Social Organization among the recently settled Kazakhs // Central Asian Review.— 1963.— Vol. XI.— N. 3—4.
 Winner T. G. The Oral art and literature of the Kazakhs of Russian Central Asia.— Durham, 1958.
 Williams D. S. M. Russian peasant settlement in Semirechye // Central Asian Review.—1966.— Vol. XIV.— No. 2.
 Wordell J. W. In the Kirghiz steppes.— L., (1958).
 Wordell J. W. An account of the happening at Spasskiy in Kazakhstan between 1914—1919 // Central Asian Review.— 1964. Vol. XII.— No. 2.
 Wright G. F. Russia's Civilizing Work in Asia // Review of Reviews.—1904.—XXIX.
 Yule H. A journey to the source of the river Oxus. By Captain John Wood, indian navy. With an essay on the geography of the valley of the Oxus.— L., 1872.
 Zenkovsky S. A. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge.— Massachusetts. Harvard Univ. Press, 1960.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I.	
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИЗУЧЕНИЯ КАЗАХСТАНА НА ЗАПАДЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД	9
Иностранные известия о среднеазиатском регионе в древности и средневековье	9
Литература и источники о Казахстане в XVIII—первой половине XIX в.	26
Историко-этнографические исследования Казахстана во второй половине XIX—начале XX вв.	52
Глава II.	
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ И В РЕТРОСПЕКТИВЕ	80
Некоторые вопросы социально-экономического развития коче- вого общества казахов	80
Проблемы присоединения Казахстана к России: идеологиче- ские мифы	92
Историография колониальной политики царизма в крае	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
ЛИТЕРАТУРА	139

КУШИМ ЕСМАГАМБЕТОВ
ЧТО ПИСАЛИ О НАС НА ЗАПАДЕ

Редактор *Н. Б. Жиенгалиев*
Художественный редактор *О. Тилеулиев*
Технический редактор *А. Токмурзина, Ф. Овчинникова*
Корректор *Р. Койшыбекова*

ИБ № 12

Сдано в набор 26.08.91. Подписано в печать 07.05.92. Печать офсетная. Формат 70×90¹/₁₆. Усл. п. л. 11,1+2,3 вкл. Уч.-изд. л. 12,0+2,5 вкл. Зак. № 2996. Тир. 9450 экз. Цена 13 р. 06 к.

Издательство «Казак университети», 480124, Алма-Ата, ул. Космонавтов, 65 «а»

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Министерства печати и массовой информации Республики Казахстан, 480124, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.